

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2013

№ 1

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013

Журнал издается при поддержке гранта Правительства РФ № 14.В25.31.0009
«Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации
в истории и современности»

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА
«СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»**

С.Ф. Фоминых, д-р ист. наук, проф. (Томск, Россия) – председатель;
И.Н. Данилевский, д-р ист. наук, доцент (Москва, Россия); **В.И. Дятлов**, д-р ист. наук, проф. (Иркутск, Россия); **В.В. Керов**, д-р ист. наук, профессор (Москва, Россия); **Ю.Ф. Кирюшин**, д-р ист. наук, проф. (Барнаул, Россия); **З.П. Соколова**, д-р ист. наук, проф. (Москва, Россия); **Н.В. Ссорин-Чайков**, PhD in Anthropology (Кембридж, Великобритания); **О.А. Харусь**, д-р ист. наук, проф. (Томск, Россия); **А.А. Черкасов**, д-р ист. наук, доц. (Сочи, Россия); **М.В. Шиловский**, д-р ист. наук, проф. (Новосибирск, Россия); **А.В. Васильев**, канд. ист. наук (Томск, Россия) – ответственный секретарь

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»**

Е.Е. Дутчак, д-р ист. наук, доц. (Томск, Россия) – главный редактор;
Л.В. Дериглазова, д-р ист. наук, доц. (Томск, Россия) – заместитель главного редактора; **А.Н. Сорокин**, канд. ист. наук (Томск, Россия) – ответственный секретарь; **Ю.М. Гончаров**, д-р ист. наук, проф. (Барнаул, Россия); **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф. (Томск, Россия); **Е.Н. Косых**, д-р ист. наук, проф. (Томск, Россия); **И.В. Нам**, д-р ист. наук, доц. (Томск, Россия); **Н.Н. Родигина**, д-р ист. наук, проф. (Новосибирск, Россия); **Д.А. Функ**, д-р ист. наук, проф. (Москва, Россия); **М.К. Чуркин**, д-р ист. наук, проф. (Омск, Россия)

EDITORIAL BOARD
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

S.F. Fominykh, Doctor of Historical Sciences, Professor (Tomsk, Russia) – Chairman; **I.N. Danilevskiy**, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Moscow, Russia); **V.I. Dyatlov**, Doctor of Historical Sciences, Professor, (Irkutsk, Russia); **V.V. Kerov**, Doctor of Historical Sciences, Professor, (Moscow, Russia); **Yu.F. Kiryushin**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Barnaul, Russia); **Z.P. Sokolova**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia); **N.V. Ssorin-Chaykov**, PhD in Anthropology (Cambridge, UK); **O.A. Kharus**, Doctor of Historical Sciences, Professor, (Tomsk, Russia); **A.A. Cherkasov**, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, (Sochi, Russia); **M.V. Shilovskiy**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia); **A.V. Vasilyev**, Candidate of Historical Sciences (Tomsk, Russia) – Executive Secretary

EDITORIAL COLLEGIUM
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

E.E. Dutchak, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief; **L.V. Deriglazova**, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief; **A.N. Sorokin**, Candidate of Historical Sciences (Tomsk, Russia) – Executive Secretary; **Yu.M. Goncharov**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Barnaul, Russia); **V.P. Zinoviev**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Tomsk, Russia); **E.N. Kosykh**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Tomsk, Russia); **I.V. Nam**, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Tomsk, Russia); **N.N. Rodigina**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia); **D.A. Funk**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia); **M.K. Churkin**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Omsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	6
----------------------	---

СИБИРСКОЕ ОБЩЕСТВО: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ

Шерстова Л.И. Восприятие русской власти аборигенами Сибири в XVII в.: евразийский (центральноазиатский) контекст	8
Чуркин М.К. Адаптивная ситуация, барьеры и стратегии поведения переселенцев чернозёмного центра Европейской России (вторая половина XIX – начало XX в.)	18

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

Зиновьев В.П. Современная историография индустриальных кадров дореволюционной Сибири	31
Шиловский М.В. Первая мировая война и Сибирь (военная сфера): поиск новых подходов	43

НАУЧНЫЕ ПРОЕКТЫ

«Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности»: научно-исследовательский проект Томского государственного университета (Д.А. Функ, И.В. Нам)	56
Кудряшов В.Н. Идея русской нации в общественно-политической мысли России второй половины XIX в.: проблемы национальной идентичности	58
Фоминых С.Ф., Грибовский М.В., Сорокин А.Н. Корпоративная идентичность отечественных вузовских преподавателей в конце XIX – начале XXI в.: концепция исследования	67
Дутчак Е.Е., Васильев А.В., Ким Е.А., Полсжаева Т.В. Православный ландшафт таежной Сибири: концепция исследования	79
Памяти академика Николая Николаевича Покровского	91
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	93

CONTENTS

From the Editorial Board	7
--------------------------------	---

SIBERIAN SOCIETY: FEATURES OF FORMATION

Sherstova L.I. Perceptions of the Russian Power by Aborigines in Siberia in the XVII century: Eurasian (Central Asian) Context	8
Churkin M.K. Adaptive Situation, Barriers and Behavioral Strategies of Immigrants of Central Chernozem Region of European Russia (the second half of the XIX – the beginning of the XX century)	18

CURRENT ISSUES IN SIBERIAN HISTORY OF THE LATE XIX AND EARLY XX CENTURY

Zinoviev V.P. Modern Historiography of Industrial Personnel of Pre-revolutionary Siberia	31
Shilovskiy M.V. World War I and Siberia (Military Aspects): Search for New Approaches	43

RESEARCH PROJECTS

«Man in a Changing World. Problems of Identity and Social Adaptation in History and at Present »: Research Project of Tomsk State University. (Funk D.A., Nam I.V.)	56
Kudriashev V.N. The Idea of the Russian Nation in the Social and Political Thought of Russia in the second half of the XIX century: the Problem of National Identity	58
Fominykh S.F., Gribovskiy M.V., Sorokin A.N. Corporate Identity of National University Lecturers at the end of the XIX – the beginning of the XXI century: the Study Concept	67
Dutchak E.E., Vasilyev A.V., Kim E.A., Polezhaeva T.V. Orthodox Landscape of the Siberian Taiga Region: the Concept of Research	79
In memory of Academician Nikolai Nikolayevich Pokrovsky	91
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	94

Уважаемые коллеги!

Вашему вниманию представляется первый выпуск журнала «Сибирские исторические исследования». Он задуман как «площадка» для обсуждения актуальных вопросов истории и современного состояния Сибири – обширного региона с нечеткими границами, но обладающего узнаваемыми чертами в системах природопользования и социальных коммуникаций, культурных традициях и ментальности. Именно эта «узнаваемость» и сходство этнодемографических процессов, протекающих на территории от Уральских гор до Тихого океана, заставляют сегодня отечественных и зарубежных исследователей оперировать термином «Северная Азия», отказавшись от деления по административному принципу на Западную, Восточную Сибирь и Дальний Восток России.

Надеемся, что нашему журналу удастся выполнить несколько взаимосвязанных задач, в числе которых мы видим создание возможности для презентации разных подходов к изучению прошлого и настоящего Сибири / Северной Азии и формирование интереса к гуманитарным исследованиям региональной тематики как со стороны научного сообщества, так и управленческих, экономических и культурно-просветительских структур края.

Первый номер журнала включает в себя статьи, посвященные процессам складывания сибирского социума, оценке степени изученности промышленного развития края и его военной инфраструктуры накануне 1917 г. и концепциям исследования проблематики идентичности и адаптации в рамках мега-проекта «Человек в меняющемся мире».

Наша издательская программа находится в стадии становления, и мы готовы выслушать все пожелания, которые помогут сделать журнал полезным и нужным. Мы приглашаем к сотрудничеству коллег различных школ и направлений и уверены, что только совместными усилиями нам удастся сохранить традиции сибирской исторической науки.

Редколлегия

Dear colleagues!

We present to your attention the first issue of «Siberian Historical Research» journal. It is established as «a platform» to discuss the urgent problems of history and current status of Siberia – the vast region without fixed borders, but having recognizable features of nature management, social interactions and mentality. Such a recognizability and similarity of ethnodemographical processes taking place on the territory from the Urals to the Pacific Ocean force home and foreign researchers use the term «North Asia» and refuse the division of it into Western Siberia, Eastern Siberia and the Far East of Russia.

We hope that our journal will be able to realize several interconnected tasks including the creation of opportunities for presenting various ways to analyze the past and the present of Siberia / North Asia and enlarging public interest in Siberian humanities research.

The first issue of the journal incorporates the investigations of the specific character of Siberian society formation, the studies on the current time level of scientific knowledge of the Siberia's industrial and social development and its military infrastructure on the eve of 1917 and ideas of identity and adaptation research within the framework of mega-project «Man in a Changing World».

Our publishing program is coming into being and any suggestions that would help us make the journal useful and sought-after are welcome. We invite colleagues representing different research schools for cooperation and are convinced, that it is only through our joint efforts that we will be able to keep the tradition of Siberian historical science alive.

Editorial Board

СИБИРСКОЕ ОБЩЕСТВО: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ

УДК 39 + 571. 1/5

Л.И. Шерстова

ВОСПРИЯТИЕ РУССКОЙ ВЛАСТИ АБОРИГЕНАМИ СИБИРИ В XVII в.: ЕВРАЗИЙСКИЙ (ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ) КОНТЕКСТ¹

В статье рассматриваются социально-политические аспекты русско-аборигенных отношений в Сибири в XVII в. Ставится проблема выявления особенностей восприятия аборигенами русской власти. Делается вывод о наличии сходных черт в политической традиции местного и пришлого населения, что объясняется общим евразийским контекстом их исторического развития.

Ключевые слова: Сибирь, аборигены, русские, евразийский контекст.

Постановка проблемы. Присоединение Сибири к России по-прежнему остается актуальной темой, так как на вопрос, поставленный еще Г.В. Вернадским о причинах стремительности завершения этого процесса, нет исчерпывающего ответа. Рассмотрение этой проблемы напрямую связано с определением характера московской государственности конца XVI–XVII в., выяснением ее идеологических, социально-политических и ментальных истоков. Выявление механизмов взаимодействия русской власти и русских пришельцев с аборигенным населением Сибири позволяет определить не только сущностные стороны московской власти, но и особенности политической культуры последних. Однако вопрос об уровне и специфике социально-политических институтов аборигенного общества обычно решают в парадигме эволюционного или формационного методов, заранее помещая аборигенов на стадии догосударственного развития и обрекая их на роль статистов московской политики в Сибири. Между тем в межэтнических коммуникациях передача информации идет не только от донора к реципиенту, но и наоборот, и результативность диалога зависит от того, насколько передаваемая и воспринимаемая информация трактуется одинаково. Важным условием для этого является наличие общих представлений и элементов в социальных, политических, экономических отношениях, присущих каждой из взаимодействующих сторон. Именно общая мировоззренческая основа, определяемая мной как евразийская (центральноазиатская), позволила наладить русским и аборигенам продуктивный диалог, результатом которого и стало быстрое закрепление первых в Сибири. Стремительное продвижение русских по Сибири и их выход уже в 40-е гг. XVII в. к Тихому океану во многом определялись

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009).

особенностями русско-аборигенных контактов как на низовом, так и на политическом уровне. В обоих случаях их результативность зависела от особенностей восприятия контактирующими сторонами друг друга, от наличия или отсутствия устойчивых стереотипов и понимания обоюдных действий и устремлений.

Изученность темы. Вопрос о наличии общих элементов в административно-фискальной организации и в социально-политических отношениях социумов Сибири и Московского царства в отечественной историографии не ставился. Даже относительно ордынского влияния на политическое и социально-экономическое развитие Московского княжества, а затем и царства в отечественной историографии бытуют диаметрально противоположные мнения: от признания того, что «Москва обязана своим величием ханам» (Н.М. Карамзин, евразийцы) до отрицания важности монгольского влияния на внутреннее развитие Руси (С.М. Соловьев, Б.Д. Греков). Можно согласиться с Г.В. Вернадским в том, что проблема монгольского влияния на Русь многокомпонентна, а также с тем, что «влияние монгольской модели на Московию дало свой полный эффект только после освобождения последней от монголов. Это можно назвать эффектом отложенного действия» [1. С. 340–342]. Признание развитости политических структур у тюрко-монгольских народов Центральной Азии (Д.Г. Савинов, Е.И. Кычанов, Н.Н. Крадин, С.Г. Кляшторный) сделало возможной и корректировку определения уровня социально-политического развития сибирских народов накануне русской колонизации. Учитывая, что миграционные потоки шли с юга на север, т.е. из Центральной Азии в Сибирь, и что тюрко- и монголоязычное население «кочевых империй» рубежа эр не только втягивало в свои социально-политические и экономические отношения сибирскую периферию, но и частично в качестве субстратов приняло участие в формировании многих народов Сибири, принеся сюда элементы государственности, следует еще раз остановиться на социально-политических характеристиках сибирских этносов конца XVI–XVII в., что и предпринято в данной статье.

Источники и методы. Источниковая база представлена традиционным набором документов конца XVI–XVII в. из собрания Г.Ф. Миллера, а также отдельными документами, приведенными в работах С.В. Бахрушина, З.Я. Бояршиновой. В статье предпринята попытка трактовки их вне рамок формационного подхода. При характеристике мировоззрения сибирских народов важное значение имели фольклорные записи Г.Н. Потанина и Н. Дыренковой, позволившие посмотреть на проблему «господства-подчинения» изнутри аборигенных социумов. В качестве основного методологического принципа использовался цивилизационный подход, давший возможность исследовать сибирские социумы как носителей определенного набора социально-политических и ментальных характеристик, наследников центрально-азиатской (и шире – восточноазиатской) политической традиции. В связи с этим актуализирован феномен евразийства, который понимается не как идеологический конструкт, а используется в его первоначальном значении – как общее этнокультурное наследие народов Евразии (П. Савицкий, Н. Трубецкой, Л.Н. Гумилев). Такой подход дал возможность не только глубже понять исторический контекст русско-аборигенных отношений, но и выявить их ми-

ровоззренческую основу, а также представить русских и аборигенов в конце XVI–XVII в. как равнозначных партнеров политического диалога, использовавших понятный друг другу «политический язык».

Результаты исследования. Реальная власть русских в Сибири определялась не столько территориями, каковыми она «владела», сколько количеством подданных и способностью их защитить. Именно численность тяглых подданных укрепляла позиции русских в Сибири. В наказах Бориса Годунова (1604) и Василия Шуйского (1608) сибирским воеводам дословно повторяется: «И они б сибирские земли всякие люди, и братью и дядью и племя и племянников и друзей отовсюду призывали и *волости полнили*... и про далние и про новые земли и про волости потому же проведывати... *кто ясаки с них емлет* или живут особе и много ли в них *ясачных людей* (курсив везде мой. – Л.Ш.), да те волости описати...» (цит. по: [2. С. 140; 3. С. 63]).

В условиях подвижного, сохранявшего черты присваивающего хозяйства общества гораздо проще было установить контроль над населением, чем над территорией. Русские документы свидетельствуют, что, приходя за ясаком, сборщики ограничивались учетом числа ясачных, но не занимались «организацией» податных единиц, т. е. «ясачных волостей» единого типа и численности. Так, в Наказе Бориса Годунова говорится о восьми волостях «на томской вершине» (т. е. в верховьях Томи), которые следует «обясачить». При этом число ясачных могло существенно колебаться. Например, в Томь-Енисейском междуречье в 1623 г. Байгульская волость насчитывала 5 человек, а Мелесская – 50 [3. С. 82–83]. Однако стоило исчезнуть ясачному населению (вымереть от эпидемии, удачно скрыться и переселиться на новые места) – автоматически исчезала податная волость, как в документах, так и в реальности.

Таким образом, русские ясачные волости XVII в. по своей сути являлись объединениями людей, находившихся в политической зависимости от какого-либо русского города, но тесно не связанных с какой-то территорией. Русские документы XVII в. фиксируют: «Ачинской волости ясачные люди неведомо куда побежали»; «А та Мелецкая земля пришла к киргизам» и т. д. (цит. по: [4. С. 264]). Ясачная волость, в сущности являясь осколком социально-экономической и политической структуры центральноазиатской государственности, *естественно влилась* в формирующуюся политическую систему Московского царства, что оказывалось возможным при условии *понимания* сущности административно-фискального устройства аборигенного социума русскими людьми [5. С. 93–98].

Последнее не вызывает сомнений, поскольку сама московская государственность многое восприняла от Золотой Орды. Монгольская административная система, как считал Г.В. Вернадский, была тесно связана с военным делом. Ее распространение на Русь привело к некоторому ее обновлению. Каждый район (или поселение), способный выставить десять воинов, в сочетании с другими такими же составлял сотню (отсюда русское название сельского должностного лица «сотский»), десять сотен – тысячу, десять тысяч образовывали «тьму» (от монгольского «тумен»). Соответственно, допетровская Русь подразделялась на множество десятков, сотен, тысяч и «тем», т. е. сформировалось такое административное устройство, в основе которого ле-

жали не размеры территории, а численность подданных – прежде всего, трудоспособных (и боеспособных) мужчин – «ревизских душ» в Российской империи [1. С. 74].

Оказавшись в Сибири, русские обнаружили здесь функционирующую административную систему, базирующуюся на тех же принципах, что и в московских землях. В обоих случаях она была создана под воздействием политических традиций кочевых империй Центральной Азии, но так как она уже укрепилась и на Руси, ее можно назвать *евразийской*.

Представление о том, что не только величина территории или богатства, но и как можно большая численность зависимого населения составляет силу правителя, имеет глубокие корни в евразийской истории. Сила кочевых империй Центральной Азии напрямую зависела от величины улуса, под которым понимается не столько территория как таковая, сколько «владение», народ, данный в феодальное держание [6. С. 118]. В героическом эпосе и бытовых сказках, например, тюркоязычных народов Сибири при характеристике богатства и силы правителя используется выражение «скота было столько же, сколько кустов акации, народу у него столько же, сколько деревьев в лесу» [7. С. 83]. В рамках улуса существовал своеобразный институт «унаган-богол». Б.Я. Владимирцов отмечал, что в результате завоевательных походов монголов в зависимость от них попадали целые роды и группы родов. Роды, зависимые от правящего рода, и составляли унаган-богол. Они сосредоточивались во владении некоторого числа удачливых родов (семей), увеличивая, таким образом, их собственные улусы и, соответственно, их силу и значимость. В монгольское время «унаган-богол», будучи несвободным даже в выборе кочевков, внутренне оставался неоднородным, так как сюзерен практически не вмешивался в его жизнь. Поэтому сохранялись привычные социальные отношения и своя «аристократия», не говоря уже о собственной социально-имущественной дифференциации [8. С. 81].

Существовавшие кочевые империи Центральной Азии от гуннов до монголов выработали своеобразный тип административного устройства, в основе которого лежал принцип *самого наличия* зависимого населения, которое стремились постоянно увеличивать, подчеркивая, таким образом, значимость и силу правителя.

Именно сходством административного устройства и одинаковым пониманием функций волостей-улусов диктовались и социокультурные формы взаимодействия русских и коренных народов Сибири. Русские, оказавшись в Сибири, встретили здесь знакомые им административно-податные образования, появившиеся в этих местах задолго до того, как территории за Уралом попали в сферу влияния Москвы. Сибирские власти не изменили характера и порядка взаимоотношений со своими новыми подданными, они не требовали от них того, чего последние понять не могли. Поэтому аборигенному населению были абсолютно понятны экономические и политические устремления, тот «поиск», который чинили русские власти, стремясь объяснить как можно большее их число. Дорусская административно-фискальная система, существовавшая в Сибири, не только не была уничтожена, она жестко насаждалась у тех народов, где отсутствовала [5. С. 96–98], что привело к серии русско-корякских и русско-чукотских войн [9. С. 349].

Другим важным моментом русско-аборигенных отношений явилась политика невмешательства или минимального влияния на внутренние процессы в зависимых общностях. Это также элемент, характеризующий принципы политической евразийской традиции. В результате лояльная по отношению к русским властям аборигенная элита, во-первых, достаточно рано получила право самой привозить ясак в сибирские города, что минимизировало появление русских в ясачных волостях; во-вторых, аборигенная элита стала широко привлекаться на военную службу [10. С. 23], в-третьих, дорусская традиция в названиях ясачных волостей Западной Сибири сохранялась вплоть до Столыпинской реформы. Более того, принцип невмешательства во внутренние дела ясачных был в России легитимизирован в Уставе об управлении инородцев М.М. Сперанского (1822) [11. С. 138].

Совпадение представлений у русских и аборигенов относительно социально-административного устройства государства определяло поведение тех и других, а также их отношение к власти в Сибири вообще. «Улусное» устройство государства порождало у сибирского коренного населения неоднозначное отношение к строящимся русским городам и острогам. Согласно существовавшему порядку после основания новой русской крепости происходило перераспределение ясачного населения. Но сибирские жители воспринимали русских воевод как самостоятельных владельцев улусов, т. е. не относились к русским властным структурам как к элементам единой политической системы. Так, в 1630 г. возник конфликт между Томском и Красноярском, потому что киргизы отказывались платить ясак в более близкий к ним новый город. По этому поводу С.В. Бахрушин замечал, что, «давая аманатов в Томск, киргизы не считали себя связанными обязательствами по отношению к Красноярску. Подобно тому, как в степных государствах возможны были войны между отдельными тайшами, так они считали возможным воевать с отдельными воеводами» [12. С. 202], что подтверждается довольно частыми осадами Красноярска в XVII в.

Между тем следует заметить, что ранние русские поселенцы давали повод так думать. Нередки были столкновения между служилыми разной подчиненности из-за сбора ясака с одних и тех же групп населения. На реке Кан чуть не разгорелась война между посланными за ясаком енисейскими и красноярскими служилыми людьми [13. С. 439–440]. Кроме того, участвуя в военных походах, например, против киргизов, когда формировались сводные силы из разных сибирских городов, воинские люди продолжали руководствоваться интересами своих городов и своими выгодами. Так, в 1641 г. вглубь киргизских земель двинулась настоящая армия из 870 человек под предводительством Я. Тухачевского. Своих служилых людей прислали Тобольск, Тара, Тюмень, Томск, Кузнецк, Красноярск. Однако как только были отбиты киргизские обозы и взято в плен много женщин с детьми, в войске началось брожение, ратные люди забунтовали и покинули своего предводителя. Мотивы их поведения понятны: добыча была слишком велика, а пленных (ясырь) нужно было как можно быстрее крестить и продать [12. С. 204–205].

Поэтому в некоторых случаях как аборигены, так и русские использовали существовавшие противоречия между городами в своих интересах. В начале

XVII в. Таймыр, восточные притоки Енисея, Хатанга вошли в Мангазейский уезд. С образованием Якутского уезда часть тунгусов, передвигавшаяся по Вилюю, Лене, Оленеку, Алдану, стала платить ясак туда. Строительство русских зимовий, жестокость служилых людей, необходимость выплаты ясака усугубили подвижность тунгусского общества, что привело к усилению междоусобиц. В 1640 г. оленекские и анабарские тунгусы – азяны и сикигиры – совершили набег на Котуй и Хету против вояндырей и боягиров. Борьба шла за промысловые угодья, она провоцировалась противоречиями между служилыми людьми Мангазейского и Якутского уездов, при этом каждая из сторон привлекала «своих» тунгусов. Но самым серьезным ударом по численности тунгусов стали эпидемии. В 1652–1653 гг. оспа свирепствовала в Оленекском зимовье, в результате число плательщиков ясака уменьшилось на 80%. Но оспа не затронула тунгусов, причисленных к Мангазее. Они посчитали, что наступила удобная ситуация для того, чтобы отомстить своим восточным соседям. И в 1653 г. вояндыри при поддержке мангазейских служилых людей совершили набег на Оленек против азянов. В челобитной за 1661 г. оленекские тунгусы писали, что вояндыри и боягиры убили у них более 70 человек [14. С. 183–184].

В 1682 г. началось новое движение на Оленек вояндырей, боягиров, чапигириров. Это было скорее массовое бегство, связанное с восстанием ясачных Мангазейского уезда. Перебив гарнизон Есейского зимовья за злоупотребления и жестокость, тунгусы бежали в ведомство якутского воеводы, надеясь на то, что существовавшая между уездами неприязнь смягчит наказание. Однако в 1691 г. они вынуждены были вернуться в Мангазейский уезд. Были ли они наказаны, неизвестно [14. С. 186].

Сравнивая отношение коренных жителей к русской власти в Сибири с восприятием ее самими русскими, следует отметить, что существенных различий не наблюдается. Как для аборигенов, так и для русских было характерно отношение к первым русским властным центрам как к аналогам ордынских ставок, а воеводы воспринимались как монгольские или удельные князья. Безусловно, такое восприятие «материализованной» русской власти в Сибири было также отражением общего евразийского наследия в политической культуре как русских, так и аборигенов. Этим-то и объясняется столь быстрое продвижение русских по Сибири: их главная задача состояла в переориентации выплаты ясака от прежних сюзеренов на Москву, а для этого нужно было быть (или казаться) сильнее и богаче этих последних.

Символом богатства державы, согласно все той же евразийской традиции, выступало количество подарков, которыми новые сюзерены наделили новоподданных, а также пышность пира, устроенного для них. Налицо особый ритуал, призванный сакрализовать принятие подданства. С самого начала русского присутствия в Сибири доставка ясака в русский город (острог) или приезд аборигенной элиты в Москву обязательно сопровождалась раздачей даров: кафтанов, шуб, тканей, посуды и т. д. – всего, кроме оружия. Становится понятным, почему среди «насилий» томских воевод Ржевского и Бартенева ясачные жалобщики называли и то, что «кормили (они) иноземцев, которые приходят с ясаком *по одинакова на день*, и от того де твоему царскому имени позорно и в ясачных людех смута» (цит. по: [4. С. 418]). Воево-

ды, видимо, экономили на царских угощениях, что обижало князьков и «дискредитировало» в их глазах «царское имя». Впрочем, дело вовсе не в «одинаковом» кормлении, а в отсутствии настоящего «званого» пира, поскольку отказ от строгого соблюдения церемониала подвергал сомнению законность ясачного сбора (а значит, овеществленных в нем вассальных отношений), рисуя Москву как слабого и ненадежного защитника, которому и дань-то платить стыдно. Важно, что ясачные смотрели на казенное угощение как на свое право. В 1697 г. воевода Дурново не смог «угостить качинских татар», когда те принесли ясак, поскольку Красноярск был осажден киргизами. Это послужило причиной не только недовольства, но и посылкой челобитной в Москву с обвинениями против воеводы [12. С. 56].

Следует отметить, что публичное принесение даров (дани) и получение подарков, иногда по ценности и объему превышающих дань, у всех центральноазиатских народов имело форму и смысл сложного ритуала [15. С. 165]. Истоки этого явления следует искать в сложных взаимоотношениях Древнего Китая с многочисленными варварами, предками тюркских и монгольских народов. Длительное время Китай действовал в соответствии с отработанной за века схемой поведения. «Нового «варвара», – отмечает В.А. Корсун, – через помпезный ритуал «принимали» в «систему вассалитета», добивались непреложного, пусть даже формального выполнения им воли повелителя Поднебесной, принесением «дани» и исполнением обряда «ко-утоу» [16. С. 497–498]. Затем следовали дары, которые больше напоминали способ откупиться от варваров, что отражалось в их несоизмеримо большей ценности.

Усвоенная система подчинения, подкрепленная строгим ритуалом и подарками, позже, через ордынцев, была перенесена в «посольский обычай» Московского царства и на взаимоотношения русских со своими ясачными, тем более что последние воспринимали «законность» своего подданства в форме архаичного дарообмена. Принеся шерть – клятву на верность Москве традиционным образом, пройдя ритуал принесения дани и отдаривания и приняв участие в богатом пире, новые подданные занимали свое место в социальной структуре Московского государства.

Вопрос о собственном статусе решался с опорой на уже существовавшую в социальной структуре государства евразийскую традицию господства-подчинения. Русским не нужно было объяснять аборигенам суть податного состояния. Об укорененности принципа деления населения на элиту и подданных свидетельствуют не только развитый героический эпос сибирских народов, но и низовой фольклор. В сказках часто встречается сюжет о том, каким образом герой (зверь, птица) сумел избежать уплаты подати: «Когда царь птиц Кан-Керעדэ потребовал алман от птиц, Джарканат (Летучая мышь) сказал, что он не птица, потому что у него есть клыки. Когда стал собирать алман царь клыкастых животных Арслан-каан, Джарканат сказал, что он – птица, так как имеет крылья. Все птицы платили алман Кан-Керעדэ. Все клыкастые животные платили алман Арслан-каану. Джарканат отбил от того и другого и никому дани не дает» [17. С. 185].

Аналогичный сюжет есть в шорском фольклоре: «Звери-птицы своим хозяевам выкуп дают... Весной звери линяют – хозяину горы и воды албан пла-

тят. Находящиеся на земле звери-птицы хозяину горы платят, живущие в воде звери-птицы – хозяину воды. Выдра – очень плохой зверь, она никому... албан не кладет» [18. С. 281].

Таким образом, традиционное мировоззрение аборигенов Сибири пронизано идеей о том, что все живое является чьими-то подданными и обязано платить подать. Человек, как часть этого мира, также должен иметь своих хозяев (сюзеренов). Отказавшись от уплаты дани, человек лишался возможности защиты. Поэтому даже в фольклоре животные, не платящие алман, не наделяются положительными характеристиками. То, что этническая принадлежность господствующего и подчиненного населения не совпадали, также находило соответствие в центральноазиатских институтах типа «унаган-богол».

Источники XVII в. свидетельствуют о том, что в основном сибирские аборигены без особых проблем (кроме енисейских киргизов, чукчей, коряков, отчасти нивхов) соглашались принять русское подданство и платить ясак даже тогда, когда те не всегда могли их защитить, в надежде, что это возможно в будущем. С усилением позиций России в Сибири так и произошло. Ведь согласно евразийской ментальной установке быть подданным сильного, безусловно, предпочтительнее, престижнее, чем зависеть от слабого [11. С. 225–226].

Русские понимали эту особенность поведения аборигенов. По этому поводу сибирские документы отмечали, «что де татарский извычай (обычай. – Л.Ш.) непостоянный, которая сторона мочнее, туда они и шатаются» (цит. по: [12. С. 39]). Действительно, уже в 1598 г. в походе против Кучума участвовал «татарский корпус». Сражавшийся с Ермаком князь Епанча впоследствии стал одним из основателей города Туринска на своей земле. Другой противник Ермака – князь Мантмас – позднее вместе с русскими ставил города Тобольск, Тюмень и Тару [19. С. 164–165].

Наличие аналогичных или весьма сходных традиций в политической культуре, в социальном устройстве, в отношении к власти и собственному социальному положению сближало пришлое и местное население, создавало условия для результативного политического диалога. Общее политическое евразийское наследие проявлялось во всех сферах культуры и менталитете взаимодействующих народов. Оно, несомненно, упрощало налаживание и бытовых контактов, способствовало взаимопониманию при решении хозяйственных и социальных проблем, существенно облегчая процессы закрепления московской власти в Сибири.

Литература

1. Вернадский Г.В. Русская история : учеб. – М.: Аграф, 1997. – 544 с.
2. Пугачев А. Древнейший документ о нашем городе // Томск, март–июнь 1946 года. – Томск, 1946. – С. 138–142.
3. Бояришинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Тр. Том. гос. ун-та. Сер. ист.-фил. – 1950. – Т. 112. – С. 23–210.

4. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. – Т. 1. – 607 с.
5. Шерстова Л.И. Аборигенная политика Московского царства в Сибири: проблема синтеза социально-политических институтов XVII в. // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2012. – № 365. – С. 93–98.
6. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 180 с.
7. Алтайские народные сказки / сост., подгот. текстов и пер. Т.М. Садаловой. – Новосибирск: Наука, 2002. – 452 с.
8. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. – Л.: Изд-во АН СССР, 1934. – 223 с.
9. Зуев А.С. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII–XVIII век). – Новосибирск: Изд-во Сиб. отд-ния РАН, 2009. – 441 с.
10. Резун Д.Я. Люди на сибирском фронтире в XVII в. // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. – Новосибирск, 2002. – Вып. 2. – С. 3–27.
11. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 2005. – 311 с.
12. Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII // Бахрушин С.В. Научные труды. – М., 1959. – Т. 4. – С. 170–178.
13. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.: Вост. лит., 2000. – Т. 2. – 795 с.
14. Этническая история народов Севера / отв. ред. и авт. предисл. И.С. Гурвич. – М.: Наука, 1982. – 269 с.
15. Жуковская Н.Л. «Подарок – отдарок» и его место в системе социальных ценностей монголов // Mongolica : Памяти академика Б.Я. Владимирцова. 1884–1931. – М., 1986. – С. 160–168.
16. Корсун В.А. Поиски и находки в решении проблем этнического сепаратизма Китая // Этнос и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие. – М., 2005. – С. 494–529.
17. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб., 1883. – Вып. 4. – 1025 с.
18. Шорский фольклор / записи, пер., вступ. ст. и примеч. Н.П. Дыренковой. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. – 448 с.
19. Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. – М., 1955. – Т. 3, ч. 2 – С. 153–175.

Статья поступила 30 сентября 2013 г.

Sherstova Lyudmila I., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia).

PERCEPTIONS OF THE RUSSIAN POWER BY ABORIGINES IN SIBERIA IN THE XVII CENTURY: EURASIAN (CENTRAL ASIAN) CONTEXT.

Key words: Siberia, aboriginals, Russian, Eurasian context.

During the colonization of Siberia Russians found an administrative system, fiscal institutions and «supremacy-submission» relations there, that acted in a give-and-take form and were based on the same principles as in Moscow lands. This socio-political system sprang up in Siberia under the influence of political traditions of nomadic Empires of Central Asia, and got fixed in Rus' during the Golden Horde period that is why it can be called Eurasian system.

The Siberian government did not change the character and ways of dealing with new subjects. As a result, the aborigines adequately interpreted political and economic interests of Moscow. The major part of aborigines positively perceived the change of suzerains and got a special position as Yasachnoe estate, or mixed with noblemen.

The similar Eurasian traditions in political culture, social order, attitude to authority and own social position brought together locals and non-locals and paved the way for effective political dialogue. The common Eurasian political heritage manifested itself in all spheres of culture and mentality of interacting nations. It made live contacts easier, promoted mutual understanding in solving economic and social problems and also facilitated the process of Moscow power's entrenchment.

References

1. Vernadskii G.V. Russkaia istoriia : ucheb. – M.: Agraf, 1997. – 544 s.
2. Pugachev A. Drevneishii dokument o nashem gorode // Tomsk, mart-iiun' 1946 goda. – Tomsk, 1946. – S. 138–142.
3. Boiarshinova Z.Ia. Naselenie Tomskogo uezda v pervoi polovine XVII veka // Tr. Tom. gos. un-ta. Ser. ist.-fil. – 1950. – T. 112. – S. 23–210.
4. Miller G.F. Istoriia Sibiri. – M.; L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1937. – T. 1. – 607 s.
5. Sherstova L.I. Aborigennaia politika Moskovskogo tsarstva v Sibiri: problema sinteza sotsial'no-politicheskikh institutov XVII v. // Vestn. Tom. gos. un-ta. – 2012. – № 365. – S. 93–98.
6. Fedorov-Davydov G.A. Obshchestvennyi stroi Zolotoi Ordy. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1973. – 180 s.
7. Altaiskie narodnye skazki / sost., podgot. tekstov i per. T.M. Sadalovoi. – Novosibirsk: Nauka, 2002. – 452 s.
8. Vladimirtsov B.Ia. Obshchestvennyi stroi mongolov. – L.: Izd-vo AN SSSR, 1934. – 223 s.
9. Zuev A.S. Prisoedinenie Chukotki k Rossii (vtoraia polovina XVII–XVIII vek). – Novosibirsk: Izd-vo Sib. otd-niia RAN, 2009. – 441 s.
10. Rezun D.Ia. Liudi na sibirskom frontire v XVII v. // Frontir v istorii Sibiri i Severnoi Ameriki v XVII–XX vv.: obshchee i osobennoe. – Novosibirsk, 2002. – Vyp. 2. – S. 3–27.
11. Sherstova L.I. Tiurki i russkie v Iuzhnoi Sibiri: etnopoliticheskie protsessy i etnokul'turnaia dinamika XVII – nachala XX veka. – Novosibirsk: Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii, 2005. – 311 s.
12. Bakhrushin S.V. Ocherki po istorii Krasnoiarskogo uezda v XVII // Bakhrushin S.V. Nauchnye trudy. – M., 1959. – T. 4. – S. 170–178.
13. Miller G.F. Istoriia Sibiri. – M.: Vost. lit., 2000. – T. 2. – 795 s.
14. Etnicheskaia istoriia narodov Severa / otv. red. i avt. predisl. I.S. Gurvich. – M.: Nauka, 1982. – 269 s.
15. Zhukovskaia N.L. «Podarok – otदारок» i ego mesto v sisteme sotsial'nykh tsennostei mongolov // Mongolica : Pamiati akademika B.Ia. Vladimirtsova. 1884–1931. – M., 1986. – S. 160–168.
16. Korsun V.A. Poiski i nakhodki v reshenii problem etnicheskogo separatizma Kitaia // Etnosy i konfessii na Vostoke: konflikty i vzaimodeistvie. – M., 2005. – S. 494–529.
17. Potanin G.N. Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. – SPb., 1883. – Vyp. 4. – 1025 s.
18. Shorskii fol'klor: zapisi, per., vstup. st. i primech. N.P. Dyrenkovoi. – M.; L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1940. – 448 s.
19. Bakhrushin S.V. Sibirskie sluzhilye tatary v XVII v. // Bakhrushin S.V. Nauchnye trudy. – M., 1955. – T. 3, ch. 2 – C. 153–175.

УДК 94 (571.1)

М.К. Чуркин

АДАПТИВНАЯ СИТУАЦИЯ, БАРЬЕРЫ И СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЧЕРНОЗЁМНОГО ЦЕНТРА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

В статье на материалах делопроизводственного характера, источников личного происхождения, свидетельств экономистов, этнографов – современников переселенческого дела, выявляются стратегии поведения мигрантов чернозёмного центра Европейской России во второй половине XIX – начале XX в. Переселенческое движение в Сибирь рассматривается в качестве критической ситуации, в рамках которой производственная деятельность крестьянства сопрягалась с риском и требовала выработки адекватных моделей поведения, направленных на преодоление адаптивных барьеров как в местах выхода, так и в районах водворения мигрантов.

Ключевые слова: адаптация, адаптивные барьеры, адаптивные стратегии поведения, переселенцы.

Постановка проблемы. Комплексная оценка переселенческого движения, ведущее место в котором во второй половине XIX – начале XX в. занимали выходцы из чернозёмной полосы Европейской России, требует рассмотрения его социально-психологических аспектов. При важности условий географической среды мест выхода и водворения мигрантов, экономико-демографических факторов, определивших переселенческую активность крестьян и успехи обустройства в регионе-«доноре», в оценке оформлявшейся в пореформенный период миграционной парадигмы невозможно игнорировать перемены, происходившие в сознании главного субъекта земледельческой колонизации восточной окраины страны – крестьянства.

Теодор Шанин, автор новой исследовательской практики, получившей название «рефлексивное крестьяноведение», определяя крестьянство как «неудобный класс», имел в виду, прежде всего, исчерпанность позитивистского подхода к осмыслению аграрной истории и составляющих её элементов. Проблема заключается в том, что общероссийская историография аграрного вопроса в течение продолжительного времени находилась в «плёну» эвристически-познавательных стереотипов и видела в миграциях лишь следствие нерешённых в центре страны проблем аграрного порядка, ограничиваясь чаще всего констатацией факта переселений, облачённого в строгие статистические формулы.

Изученность темы. Проблема поведенческих стратегий мигрантов в переселенческом движении до настоящего времени не являлась предметом специальных научных изысканий. Оценивая причины, ход и результаты миграций, исследователи акцентировали внимание преимущественно на механических (количественных) аспектах переселенческого процесса, особо фокусируясь на численности миграционных потоков, расселении крестьян в Сибири, государ-

ственном регулировании переселений. Начиная с 1990-х гг. тема народных переселений осваивается в рамках междисциплинарного подхода с привлечением теорий и методов сопредельных областей научного познания, прежде всего социальной психологии, что позволило исследователям выйти на обсуждение таких продуктивных тем, как адаптация мигрантов в условиях риска, вариативность поведенческих реакций на внешнюю социальную и природно-географическую среду (О.Н. Шелегина, К.В. Скобелев, И.И. Кротт, Б.Е. Андюсев, М.А. Нагорная).

Источники и методы. Источниковую базу исследования составили в основном материалы делопроизводственного характера, представленные крестьянскими ходатайствами о переселении, а также многочисленными прошениями, касающимися вопросов их водворения и обустройства в Сибири. Они позволили скомпоновать доказательный материал, иллюстрирующий процесс формирования адаптивных ситуаций и выработки стратегий поведения непосредственным субъектом колонизации – крестьянством.

В ходе исследования учитывались разработки современной зарубежной и отечественной психологической науки в области изучения адаптации и принятия решений, связанных с риском, что значительно увеличило шансы произвести детальный анализ крестьянских «представлений», «образов», «ценностей», которые, по выражению Жака Ле Гоффа, наиболее отчётливо проявляются «в нерациональном и ненормальном поведении людей» [1. Р. 172], т. е. чаще всего в критических ситуациях.

Переселенческое движение в Сибирь во второй половине XIX – начале XX в. можно рассматривать как типично критическую ситуацию, характеризовавшуюся более частыми проявлениями нерациональных действий консолидированных групп крестьянства и формированием устойчивых социально-психологических стереотипов поведения, в том числе определивших высокую степень миграционной мобильности значительной части сельского населения Европейской России.

Ключом к объяснению массового характера переселенческого движения крестьян за пределы границ стабильной земледельческой оседлости может послужить явление адаптации, в семантическом поле которого в пореформенный период шли процессы видоизменения, а в отдельных случаях и обострения некоторых поведенческих реакций и стереотипов, свойственных социально-психологическому облику российского крестьянства.

В социальной психологии явление адаптации трактуется, прежде всего, как комплекс приспособительных реакций человека на изменяющиеся условия внешней и внутренней среды, процесс выработки устойчивых поведенческих стереотипов, функциональных реакций, при помощи которых достигается эффект жизнедеятельности. Личность и среда в ходе данного процесса находятся в динамическом равновесии, их соотношение меняется постоянно, следовательно, адаптация также осуществляется постоянно [2. С. 110]. В контексте изучения колонизационного движения крестьянских масс в Сибирь исследователи чаще всего характеризовали адаптацию мигрантов с позиции обустройства в регионе и простого приспособления к условиям окружающей географической и социальной среды, упуская из виду, что интеграции пере-

селенцев в новые условия жизни предшествовало серьёзное нарушение адаптационных механизмов в местах предыдущего проживания.

Результаты исследования. При всём многообразии детерминирующих факторов (природно-географических, экономических) миграционной мобильности крестьянства России во второй половине XIX – начале XX в. следует признать, что для участников переселенческого процесса существовала общая конечная цель – максимально быстро приспособиться к местным условиям, организовать эффективную хозяйственную деятельность, достигнуть экономического успеха. Степень вероятности достижения экономического успеха крестьянскими хозяйствами исследуемых губерний вследствие массовых переселений в пореформенное время непосредственно зависела от ситуации, в которой происходило их водворение и обустройство. Существенным моментом в крестьянской колонизации Зауралья стало то обстоятельство, что переселенцы попадали в Сибири не на безлюдные земли, а на территории, где уже проживали потомки представителей первой волны земледельческой колонизации региона (старожилы), а также коренное население (инородцы), обладавшие своеобразным набором социокультурных представлений, соответствовавших местным условиям, хозяйственным традициям и особенностям быта. Пополняя сельское население Сибири, переселенцы испытывали на себе влияние новой климатической, географической, этнической, социальной, психологической среды и, приспосабливаясь к новым условиям жизни, были вынуждены согласовывать с её проявлениями своё поведение.

В современной науке явление социально-психологической адаптации понимается как сложный процесс, где высшей ступенью является не взаимное приспособление и уравнивание индивида и среды, а объединение их в новой системе более высокого уровня организации. Новая система возникает в результате активного взаимодействия индивида и среды и предполагает взаимные, двусторонние изменения. При оптимальном построении системы взаимодействия человек реализуется в продуктивной деятельности, которая одновременно приветствуется со стороны социальной среды.

При рассмотрении процесса адаптации как взаимодействия формируется и вполне определённое понимание свойства адаптивности – как способности к построению продуктивных систем взаимодействия. Такая способность может проявляться в стратегиях поведения, которые использует человек в процессе адаптации.

Принимая во внимание то обстоятельство, что адаптация – это не только результат «приращения» индивида или группы людей к новым социокультурным условиям, но в значительной мере постоянный приспособительный процесс, можно выделить основные универсальные элементы адаптационного цикла, к разряду которых следует отнести наличие **адаптивной ситуации и адаптивных барьеров**, сообразно с которыми индивид и переселенческая ячейка в целом вырабатывали адекватные **стратегии адаптивного поведения**.

Применительно к периоду активизации переселенческого движения в Сибирь из четырёх губерний Европейской России во второй половине XIX – начале XX в. очевидным выглядит постепенное формирование специфической ситуации, т.е. совокупности объективных условий, в которых субъекту

приходилось действовать определённым образом. Своеобразие *адаптивной ситуации* в местах водворения мигрантов определялось различными факторами, оказавшими влияние на способность и темпы приспособления переселенцев к условиям региона. Далеко не последнюю роль в данном процессе играл природно-географический контекст, отдельные элементы которого часто выступали прямым опровержением того образа Сибири, который формировался в сознании переселенцев на родине. Указания на несоответствие природных условий избранной местности первоначальным представлениям о них являлись наиболее распространённым аргументом в объяснениях крестьянами-переселенцами их постоянно ухудшавшегося имущественного положения: «неблагоприятные климатические условия отражаются на состоянии нашего здоровья и хозяйстве» [3. Прил. 1]; «вследствие вредного влияния на здоровье климата Сибири мы окончательно обнищали» [4. С. 24]; «по причине неблагоприятного климата не имеем возможности применить в Сибири свои знания и развить садоводство» [4. С. 24].

Важнейшим компонентом адаптивной ситуации, сложившейся в ходе колонизационного процесса, являлась социальная среда, в которой были вынуждены действовать мигранты, поскольку второе и последующие поколения сибиряков становились носителями изменённой, преломлённой на сибирской почве культуры. Сибиряки, по мнению исследователей дореволюционного периода, обладали теми отличительными свойствами, которые были свойственны всем колонистам в условиях осваиваемых регионов. Освоение сибирских земель, требовавшее громадной энергии, развило в сибиряке дух предприимчивости, привычку полагаться только на себя. Земельный простор дал старожилу возможность развернуть свои силы, а суровость природных условий требовала крайнего их напряжения. По замечанию Н.М. Ядринцева, русский крестьянин «явился на Восток без всяких знаний, без могущественных научных и технических средств и сил для борьбы с природою... Положив основание повсюду будущей колонизации, он выполнил большую часть самой трудной работы и совершил половину исторической задачи. Едва ли можно отказать ему в героизме, но трудно также и не понять, что подобная борьба не отразилась на утрате многих высших, культурных свойств и не сделала это население более грубым и отсталым» [5. С. 100–101]. В подобной оценке старожильского типа Н.М. Ядринцев был не одинок. Приведём лишь наиболее распространённые суждения современников о свойствах характера и физическом облике сибиряка: «Ум... сибиряка гораздо менее развит и гибок, чем у какого-нибудь нижегородца или ярославца, зато он гораздо более преобладает над чувством... Холодно-рассудочная, практическая расчётливость сибиряков и преобладающая наклонность к материалистическому взгляду на вещи проявляется и в языке... Сибиряки забыли не только вынесенную из России, но и собственную историю; войны, государственная жизнь не возбуждали здесь патриотизма...» [6. Т. 16. С. 227–229].

Стереотипы поведения сибиряка, сложившиеся под влиянием природных условий региона водворения, определили специфику адаптации переселенцев, способствовали пролонгации процесса их личного и производственного приспособления к новым условиям жизни. С очевидным своеобразием этих условий переселенцы сталкивались уже при первом соприкосновении с си-

бирским социумом: в большей степени в ситуации совместного проживания со старожилами, в меньшей – при образовании самостоятельных посёлков. Насколько различно протекали адаптационные процессы в условиях смешанного или однородного поселений, косвенно свидетельствует позиция местных сибирских властей, пришедших в результате продолжительных наблюдений за переселенцами к выводу, что «ввиду коренных различий между переселенцами и старожилами в отношении обычаев, хозяйственных приёмов, религиозных верований – результаты приселения выходцев из Европейской России к старожильческим посёлкам крайне неблагоприятны. Поэтому надлежит оказывать на переселенцев воздействие с целью образования ими самостоятельных населённых пунктов» [7. Л. 13–15]. Объективным барьером для адаптации в начальной стадии обустройства переселенцев в Сибири являлась естественная преграда – сложность восприятия чужого человека. Очевидцы аграрного освоения Зауралья, отмечая осознание местным старожилым населением своего областного типа, неоднократно указывали на устойчивость данных представлений: «Если сибиряк русскому, который посещает его гостеприимный двор, говорит дружелюбно: «Милостивый государь, вы "россейский"», то этим он не хочет сказать, что вы земляк, а, напротив, хочет обозначить противоположность себе как сибиряку» [5. С. 109]. Иногда это противопоставление принимало крайние формы: «Знаешь, твоё высокое благородие, наша сибирская собака не станет есть твоего "россейского" хлеба...» [8. С. 101].

Противопоставление старожилов переселенцам по линии «мы – они», «свои – чужие» свидетельствовало о том, что адаптивные барьеры отражали систему объективных и субъективных, внутренних и внешних факторов, тормозивших приспособление личности (группы) к разноуровневым адаптивным ситуациям. К разряду основных адаптивных препятствий, сдерживавших процесс «вплетения» переселенцев из чернозёмных губерний России в социальную ткань сибирской жизни, относились мировоззренческий, эмоционально-психологический, ситуативный, временной барьеры.

В условиях адаптивной ситуации и преодоления адаптивных барьеров в местах выхода и водворения складывались и поведенческие стратегии мигрантов, характеризующиеся тремя основными качествами: контактностью (контактная или избегающая адаптация), активностью (активная или пассивная), направленностью (направлена на изменение среды или изменение себя).

Для **активной, контактной, направленной вовне** адаптивной стратегии характерно стремление активно воздействовать на среду или партнёра с целью изменить их, «приспособить» к своим особенностям и потребностям. Она предполагает широкий арсенал средств и может реализоваться через активное давление на партнёра, преобразование среды, а также различные виды манипуляции. Другими словами, это «стратегия кузнеца и воина» («всякий человек своему счастью кузнец») [9. Т. 3. С. 16–29]. Миграционное поведение представителей данного типа обуславливалось их природной активностью, стремлением к побуждающим ситуациям, высокой мобильностью и склонностью к оптимистической оценке перспективы. Все они являлись инициаторами выхода на переселение, обладали лидерскими способностями, свободно ориентировались в экстремальных ситуациях. Преимущественно из

этой категории крестьян вербовались мирские ходоки для осмотра и закрепления за обществом участков будущего водворения. По характеристике С.П. Швецова, перед нами «серьёзный, умный, дельный мужик... который знает на память все железнодорожные станции и переселенческие участки» [10. С. 31]. Активная жизненная позиция и уверенность в собственных силах укрепляли их лидерский авторитет, способствовали вовлечению в переселенческое движение широких крестьянских масс. Опрос переселенцев из чернозёмных местностей Европейской России, пришедших на заготовленные для них участки в Томской губернии в 1887–1888 гг., показал, что из 3 605 мигрантов 1/3 в своих действиях (от принятия решения о переселении до водворения и обустройства) руководствовалась советами ходоков [10. С. 30–31].

Мобильность, лёгкость вхождения в новую ситуацию, высокий энергетический потенциал способствовали эффективной адаптации в условиях Сибири, относительно безболезненному преодолению адаптивных барьеров.

Ко второму варианту следует отнести **активный, избегающий, направленный вовне** способ адаптивного поведения крестьян-переселенцев, который можно обозначить как «стратегию перелётной птицы» («Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше», «На одном месте и камень мхом обрастает», «Сокол на одном месте не сидит, а где птицу видит, туда и летит»). Названная стратегия представляет собой прямой уход индивида из ситуации с целью поиска новой среды, которая бы более гармонизировала с его свойствами. Человек уходит от контакта с фрустрирующей средой и сосредоточивает силы на поиске новых, более приемлемых условий существования.

Симптоматично, что разрыв с регионом-«реципиентом» (Европейская Россия) и процесс включения в среду региона-«донора» (Сибирь) у крестьян, носителей такой стратегии адаптивного поведения, выстраивался с различной степенью результативности.

Опросы крестьян из губерний чернозёмного центра в сопоставлении с данными об имущественном и бытовом положении в местах домиграционного размещения показывают, что относившаяся к этому типу часть потенциальных переселенцев отчётливо представляла себе не только причины своих экономических затруднений (малоземелье, увеличение плотности населения), но и располагала достаточными ресурсами для реализации собственных планов и достоверными сведениями о регионе предстоящего вселения. Материалом, подтверждающим существование такой группы земледельцев в переселенческом движении, может послужить сообщение Малоархангельского уездного съезда губернатору Орловской губернии со списком 12 крестьянских семей, ходатайствующих о переселении в Барнаульский уезд Томской губернии. Из документа следует, что 11 домохозяев «уже посылали ходоков в Алтайский округ, которые отыскивали место для посёлка и произвели посев, а также распродали имущество на родине, выручив достаточно средств на обустройство и устройство хозяйства на месте переселения» [11. Л. 41–42 об.].

По мнению А.А. Чарушина, «...курские переселенцы, за малым исключением, пришли на участок со своими средствами, устроились и в настоящее время обладают продовольственными средствами вполне достаточными. Из 28 семей в этом посёлке 27 имеют свои дома, 86 штук рабочего и рогатого скота, засеяли под озимые 15 десятин земли, заготовили сена больше, чем

требуется для прокормления скотины» [12. С. 116]. При сопоставлении приведённых данных с материалами по оценке миграционных возможностей этой же группы семей в период выхода на переселение выясняется, что ещё за два года до переселения курские крестьяне посылали в Мариинский округ двух ходоков для осмотра земли, планомерно распродала имущество, выручив в среднем от 350 до 400 рублей на семью, что и позволило большинству домохозяев сразу встать на ноги в регионе водворения [13. Т. 1, ч. 1. С. 116].

Таким образом, данной категории переселенцев было свойственно сохранение и поддержание на всех этапах адаптации первоначальных представлений о регионе вселения, основанных на реальном знании преимуществ и трудностей, связанных с самим актом переселения. В целом подготовленность данной группы крестьян к миграции способствовала относительно быстрому и безболезненному преодолению адаптивных барьеров. Однако те же черты и постоянная потребность в побуждающих ситуациях обуславливали сохранение в этой группе перманентной миграционной активности, что проявлялось в частых внутрирегиональных миграциях. Этот факт подтверждается многочисленными косвенными и прямыми свидетельствами, содержащимися в отчётах чиновников, материалах по исследованию экономического положения и быта переселенцев, водворённых в населённых пунктах Западной Сибири. Так, представитель тобольского губернского совета по крестьянским делам в отчёте на имя губернатора за 1894 г. об осуществлении выдачи ссуд на домообзаводство сообщал, «что он не имеет возможности выдать таковые многим семьям ввиду их нахождения в неизвестной отлучке» [14. Л. 7–8]. Чиновник по крестьянским делам Спасского участка Каинского округа по поводу прошения курских переселенцев о пособии докладывал в МВД о том, что многих крестьян уже нет на месте или они могут в ближайшее время «выбыть в другие места» [15. Л. 7]. В общей сложности, как следует из материалов переписи 1897 г., в пореформенный период во вторичных миграциях приняло участие более 50 тысяч крестьян [3. Прил. 1].

Стереотипы поведения данной категории крестьян наиболее предметно описаны С.П. Швецовым, отмечавшим, что «им свойственно с лёгкостью бросать насиженное место и безо всяких причин менять его на новое, часто гораздо худшее» [10. С. 324].

Третий путь – **активный, избегающий, направленный вовнутрь** (активный уход от контакта со средой и погружение во внутренний мир) – «стратегия улитки» («И зрячий глаз, да не видит нас»). Можно уйти от контакта с фрустрирующей средой, физически не отдаляясь от неё. Означенная стратегия – это избегание контакта со средой посредством замыкания во внутреннем, «своём» мире. Проявления стратегии достаточно разнообразны и включают, в частности, поиск альтернативы реальному миру в собственных фантазиях, а также в религиозных и философских системах.

Наиболее явно активный уход мигрантов от контакта со средой как модель адаптивного поведения проявился в религиозной сфере. Известно, что привыкший на родине к интенсивной религиозной деятельности переселенец попадал в Сибирь зачастую в совершенно иную обстановку. Такие свойства характера старожилов, как замкнутость и прагматизм, многократно отмеча-

лись переселенцами в жалобах и прошениях на имя правительственных чиновников («старожилы Бога не чтут: с ними не замолишься, благословения божеского не будет»). По замечанию В.П. Семёнова-Тян-Шанского, «сибирякам была мало свойственна религиозность. Живя разбросанными на огромном пространстве деревнями в 15, 20, 50, 80 верстах от церкви, сибирский крестьянин поневоле бывал в ней очень редко, часто только раз в жизни, когда приходилось венчаться. Сибиряк отвыкал от церкви и в конечном счёте отвык до такой степени, что не хотел в неё идти, когда она находилась недалеко от его жилья. В Сибири не стеснялись хоронить в лесу без отпевания» [6. С. 226–227]. На почве религиозного равнодушия родилось явление, отмеченное многими исследователями и непосредственными участниками колонизационных мероприятий в Сибири: «Там, где церковь стоит в середине села, половина которого заселена старожилами, а вторая половина – российскими «новосёлами», видно, что из последней идёт к службе масса народа, а из первой – единицы» [6. С. 227]. Вследствие такого положения вещей старожилы первого и последующего поколений попадали под мощное влияние адептов старообрядчества и представителей религиозных сект не православного толка, естественным образом втягиваясь в духовное противоборство с переселенческой массой. Особенно заметным это противостояние стало в период массовых аграрных миграций во второй половине XIX – начале XX в., что проявилось в регулярных столкновениях на религиозной почве.

Отметим, что религиозная конфликтность в рассматриваемый хронологический отрезок являлась существенным адаптивным барьером для всех категорий сибирского населения. Известны случаи, когда под напором действий консолидированной партии православных переселенцев староверы были вынуждены отступить. П.П. Сущинский писал: «Раскольники на Алтае образуют самостоятельные общества и очень отрицательно относятся к «мирским» людям. Однако это не мешает новосёлам постепенно приселяться к ним и, образовав свою сильную партию, получить от местной епархии разрешение на строительство церкви, после чего старожилы уходили в ещё более глухие места Алтая» [16. С. 32–33]. Не менее редкими являлись и жалобы православных крестьян на старожилов-старообрядцев и сектантов, когда вследствие «гонений» за веру или особо настойчивых попыток по обращению в раскол переселенцы были вынуждены возвращаться на родину или ремигрировать [17. Л. 596–598].

Вместе с тем необходимо признать, что подобные религиозные коллизии, с точки зрения процесса адаптации, приводили к неодинаковым последствиям для переселенцев и старожилов. Старообрядческий и сектантский сегменты старожилого населения Сибири в силу досконального знания местности, большей внутриобщинной сплочённости, а также упрощённости и как следствие относительной дешевизны обрядово-ритуальных манипуляций объективно имели больше шансов на восстановление и поддержание адаптивного сатус-кво. Переселенцы, в свою очередь, находились в ситуации постоянного присутствия альтернативы: либо отказаться от своих идейных убеждений, принять религиозную и бытийную картину мира старожилов, получив тем самым возможность развернуть своё хозяйство и ускорить темпы приспособления к социальным условиям местности, либо придерживаться прежних

взглядов, рискуя потерпеть экономический крах и вернуться на родину разорёнными.

Мировоззренческая несовместимость переселенцев и старожилов в религиозной сфере вкупе с финансовыми и организационными трудностями организации церковного быта переселенцев в самостоятельных посёлках выступала в качестве важного адаптивного барьера, снижавшего потенциальные адаптивные возможности новосёлов. Для многих мигрантов успех хозяйственной деятельности определялся степенью доверия к ним со стороны местных жителей, что могло быть обеспечено только реальным восприятием переселенцами «правильности» мировоззрения старожилов Сибири. Причём там, где отсутствовали религиозные разногласия, мировоззренческие антиномии, зависящие от обыденного жизненного и производственного опыта, выражались не менее остро. В подавляющем большинстве случаев в сознании переселенцев, окончательно решивших связать свою дальнейшую судьбу с новым местом жительства, формировалась устойчивая готовность отказаться от прежних убеждений – личностных, религиозных, экономических – с целью преодоления мировоззренческого барьера. В этой связи не выглядят абсурдными и безнравственными способы, к которым мигранты вынуждены были прибегать, рассчитывая достигнуть желаемого результата. Так, курские переселенцы, водворившиеся в 1884 г. в посёлке Чибуллинском Викуловской волости Тарского уезда Тобольской губернии, при первом знакомстве со старожилами «сумели подкупить их смирением, кланялись сходу в пояс» [18. С. 31]. Заметным явлением были и частые переходы крестьян из официального православия в старообрядчество и сектантство. В первое десятилетие XX в. только в Томской губернии уклонистов насчитывалось более полутора тысяч душ обоего пола [19. С. 77–83].

Четвёртый вариант – **пассивный, контактный, направленный вовнутрь**. Данная стратегия определяется тенденцией к пассивному подчинению условиям среды. Изменения происходят под воздействием влияния извне, без самостоятельного сознательного анализа ситуации и в большинстве случаев не предполагают глубокой личностной перестройки. Наиболее яркое проявление этой стратегии – внешнее конформное поведение. Стратегия может выражаться в форме пассивного согласия с внешними требованиями и несколько по-иному проявляется в феномене подражания.

Носителями такой адаптивной стратегии являлись мигранты, чье поведение определялось недостаточной способностью соблюдать принятые в новом окружении правила и нормы, учитывать собственный негативный опыт и склонностью к немедленной реализации своих побуждений в повседневности. Основной причиной миграции в этой группе были предшествовавшие ей нарушения социально-психологической адаптации, выражавшейся в недостаточно успешной деятельности, в неспособности к адекватной организации межличностных отношений в коллективе.

Значительный пласт потенциальных «неудачников» был представлен в переселенческом движении второй половины XIX–XX в. крестьянами, шедшими в Сибирь самовольно, поскольку уже сам по себе факт нелегитимной миграции часто являлся признаком наличия внешнего или внутреннего конфликта. Группа семей самовольных переселенцев из Воронежской и Курской

губерний, ходатайствуя об устройстве в Алтайском горном округе, описывала своё положение как «крайне безвыходное», объясняя сложившуюся ситуацию тем, что «распродали всё имущество на родине, а средства полностью истратили на переезд» [20. Л. 89–90]. Беднейшие крестьяне Землянского уезда Воронежской губернии, также распродав имевшееся, явились к губернатору с жалобой на то, что им «не выдали до сих пор увольнительных свидетельств» [21. Л. 1–15]. Чиновникам по крестьянским делам, выяснявшим обстоятельства переселений мигрантов, часто приходилось слышать объяснения такого рода: «...увольнительного приговора не получил... ушёл с места воровски, убёгом, чтобы волостные не поймали» [22. С. 28].

Отсутствие материальных возможностей, а главным образом чёткой стратегии и ясных представлений о том, за счёт каких ресурсов могут быть достигнуты позитивные результаты водворения на новом месте, существенно ограничивали жизненные перспективы таких крестьян. Вследствие этого снижалась эффективность адаптации, особенно в начальный период, когда установление адекватных взаимоотношений в системе «человек – среда» имело решающее значение для закрепления в Сибири. Уйдя из родных мест «воровски, убёгом», т. е. через конфликт, переселенец и в новом регионе оказывался в схожей ситуации: на земельное обеспечение он мог рассчитывать только при наличии свободных долей, ссудные мероприятия правительства касались его в исключительных случаях, льготы на данную категорию лиц также практически не распространялись. Показательный эпизод: самовольным переселенцам из Борисоглебского уезда Тамбовской губернии Жердеву, Трощеву и Камневу в 1893 г. было отказано в силу юридической их неправомерности в праве на получение свидетельства на удешевлённый тариф для проезда в Томскую губернию. Прибыв в Сибирь, они написали прошение о причислении к старожильческому посёлку Ядринцевский Тюкалинского округа Тобольской губернии, встреченное также отказом, поскольку пришли в регион «не по разрешению, а по паспорту» [23. Л. 1, 59–60].

Вследствие названных причин этот тип мигрантов был наиболее подвержен воздействию адаптивных барьеров, имел крайне ограниченные адаптационные возможности. Воспринимая своё экономическое и социальное положение фатально, индифферентно реагируя на происходящее вокруг него, представители данной группы быстрыми темпами элиминировались из социальной среды колонизируемого региона.

Таким образом, в рамках адаптивной ситуации, ставшей следствием принятия решения о переселении, способность к преодолению адаптивных барьеров у мигрантов определялась эффективностью выбранных стратегий адаптивного поведения. Решающими условиями в данном процессе являлись контактность и активность участников миграций, способствовавших системным изменениям взаимодействующих объектов (человек – среда). Можно констатировать, что адаптивную функцию в миграционной среде жизненная стратегия выполняла только тогда, когда обеспечивала развитие и усовершенствование

вание взаимодействующих сторон, а также сохранение целостности личности в рамках нового социального окружения.

Литература

1. *Le Goff, Mentalities A History of Ambiguities*, in J. Le Goff & Pierre Nora, Faire de L'histoire, III: Nouveaux objets. Paris, 1974.
2. *Гефеле О.Ф.* Личность в ситуации риска (социально-философский анализ) : дис. ... канд. филос. наук. – М., 2004. – 151 с.
3. *Тихонов В.Б.* Переселения в России во второй половине XIX в. (по материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики). – М.: Наука, 1978. – 213 с.
4. *Кашикарров М.* Статистический очерк хозяйственного и имущественного положения крестьян Орловской и Тульской губерний // Русское экономическое обозрение. – 1889. – № 9.
5. *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2003. – 555 с.
6. *Россия: Полное географическое описание нашего отечества : настольная и дорожная книга для русских людей : в 20 т. / под ред. В.П. Семенова-Тян-Шанского* – СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1899–1914. – Т. 1–20.
7. *Государственный архив Томской области.* – Ф. 3. – Оп. 44. – Д. 4000.
8. *Емельянова Н.Ф., Пережогина И.Н., Семёнова О.Г.* Крестьянский социализм в Зауралье при капитализме. – Курган: Курган. гос. пед. ин-т, 1994. – 160 с.
9. *Мельникова Н.Н.* Классификация стратегий адаптивного поведения // Теоретическая, экспериментальная и практическая психология : сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Батурина. – Челябинск, 2001 – Т. 3. – С. 16–29.
10. *Швецов С.П.* Переселенческое движение на Алтай // Северный вестник. – 1891. – № 7. – С. 21–53.
11. *Государственный архив Орловской области.* – Ф. 35. – Оп. 1. – Д. 53.
12. *Чарушин А.А.* Крестьянские переселения в бытовом их освещении. – Архангельск, 1911. – 17 с.
13. *Кауфман А.А.* Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии : в 2 т. – СПб., 1895–1896. – Т. 1–2.
14. *Государственный архив г. Тобольска.* – Ф. 332. – Оп. 1. – Д. 158.
15. *Государственный архив Томской области.* – Ф. 3. – Оп. 45. – Д. 965.
16. *Суцинский П.П.* Экономический быт и правовые отношения старожилов и новосёлов на Алтае. – СПб., 1898. – 39 с.
17. *Российский государственный исторический архив.* – Ф. 391. – Оп. 4. – Д. 1.
18. *Материалы для изучения быта переселенцев, водворённых в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х гг. XIX века по 1893 г.).* – М., 1895. – Т. 1. – 541 с.
19. *Государственный архив Томской области.* – Ф. 3. – Оп. 77. – Д. 21.
20. *Государственный архив Томской области.* – Ф. 3. – Оп. 44. – Д. 3063.
21. *Государственный архив Воронежской области.* – Ф. 26. – Оп. 22. – Д. 80.
22. *Дудолодов А.А.* Очерк переселенческого в Сибирь движения. – Б.м., 1884. – 46 с.
23. *Государственный архив Тамбовской области.* – Ф. 26. – Оп. 2. – Д. 646.

Статья поступила 15 сентября 2013 г.

Churkin Mikhail K., Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia).

ADAPTIVE SITUATION, BARRIERS AND BEHAVIORAL STRATEGIES OF IMMIGRANTS OF CENTRAL CHERNOZEM REGION OF EUROPEAN RUSSIA (THE SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY).

Key words: adaptation, adaptive barriers, adaptive strategies of behavior, settlers.

A comprehensive assessment of the phenomenology of the resettlement movement, where key role was played by the migrants from the Chernozem area of European part of Russia in the second half of the XIX – beginning of the XX century, is impossible without considering its socio-psychological aspects. Taking into account the modern level of science development, we can make a detailed analysis of peasant «views», «images», «values», which, as Jacques Le Goffe said, most obvi-

ously reveal themselves in the «irrational and anomalous human behavior», i.e. most often in critical situations.

From this point of view the resettlement movement in Siberia in the second half of the XIX – beginning of the XX century can be considered as a typical critical situation, characterized by more frequent manifestations of the irrational actions of consolidated groups of peasants. In this situation, the sustainable social and psychological patterns of behavior were formed providing a high rate of mobility of the majority of European Russia's rural population.

It is obvious that the participants of the resettlement process had a common ultimate goal: to adapt as fast as possible to local conditions, to organize efficient economic activities, to achieve economic success. Under such contextual circumstances behavioral strategies emerged in a new natural and social environment.

An active, contact, outward way of transformation of the environment can be considered as the first type of adaptive strategy characterized by the tendency to actively influence the environment or a partner in order to change them, to «adapt» to their features and needs. This strategy includes a wide range of ways and can be realized through the active pressure on the partner, transformation of the environment, as well as various kinds of manipulation.

The second type includes an active, divergent, outward way of adaptive behavior, the strategy of leaving the environment in search of new living conditions. This strategy represents a direct withdrawal from the situation to search for a new environment that would correspond to individual's features. A man avoids the contact with a frustrating environment and focuses on the search for new, more acceptable conditions of existence.

The third type is an active, divergent, inward (active avoidance of the interaction with milieu and moving into the inner world). This strategy is to avoid the contact with the environment through withdrawing into inner, «own» world. Manifestations of the strategy vary significantly and include, in particular, the search for alternatives to the real world in their own fantasies as well as in religious and philosophical systems. Active migrants avoiding the interaction with the environment as a model of adaptive behavior are most often seen in the religious sphere.

The fourth type is passive, contact, inward (passive subordination to the environmental conditions). This strategy is determined by the tendency to a passive submission to the environmental conditions. The changes occur due to the outside influence, without independent self-conscious analysis of the situation and in most cases do not involve a deep personal adjustment. The most striking manifestation of this strategy is the conformal external behavior. This strategy can be expressed in a form of passive acceptance of external requirements and is slightly differently manifested in the phenomenon of imitation.

Thus, as a part of the adaptive situation, resulting in the decision to resettle, an adaptive capability of migrants to overcome the barriers was determined by the efficiency of adaptive behavior strategies chosen.

References

1. *Le Goff*. Mentalities A History of Ambiguities, in J. Le Goff & Pierre Nora, *Faire de L'histoire*, III: Nouveaux objets. Paris, 1974.
2. *Gefelev O.F.* Lichnost' v situatsii riska (sotsial'no-filosofskii analiz) : dis. ... kand. filos. nauk. – M., 2004. – 151 s.
3. *Tikhonov V.B.* Pereseleniia v Rossii vo vtoroi polovine XIX v. (po materialam perepisi 1897 g. i pasportnoi statistiki). – M.: Nauka, 1978. – 213 s.
4. *Kashkarov M.* Statisticheskii ocherk khoziaistvennogo i imushchestvennogo polozheniia krest'ian Orlovskoi i Tul'skoi gubernii // *Russkoe ekonomicheskoe obozrenie*. – 1889. – № 9.
5. *Iadrintsev N.M.* Sibir' kak koloniia v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom ot-noshenii. – Novosibirsk: Sib. khronograf, 2003. – 555 s.
6. *Rossiiia*: Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva : nastol'naia i dorozhnaia kniga dlia russkikh liudei : v 20 t. / pod red. V.P. Semenova-Tian-Shanskogo – SPb.: Izd. A.F. Devriena, 1899–1914. – T. 1–20.
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti*. – F. 3. – Op. 44. – D. 4000.
8. *Emel'ianova N.F., Perezhogina I.N., Semenova O.G.* Krest'ianskii sotsializm v Zaural'e pri kapitalizme. – Kurgan: Kurgan. gos. ped. in-t, 1994. – 160 s.

9. *Mel'nikova N.N.* Klassifikatsiia strategii adaptivnogo povedeniia // Teoreticheskaiia, eksperimental'naia i prakticheskaiia psikhologiiia : sb. nauch. tr. / pod red. N.A. Baturina. – Cheliabinsk, 2001 – T. 3. – S. 16–29.
10. *Shvetsov S.P.* Pereselencheskoe dvizhenie na Altai // Severnyi vestnik. – 1891. – № 7. – S. 21–53.
11. *Gosudarstvennyi arkhiv Orlovskoi oblasti.* – F. 35. – Op. 1. – D. 53.
12. *Charushin A.A.* Krest'ianskie pereseleniia v bytovom ikh osveshchenii. – Arkhangel'sk, 1911. – 17 s.
13. *Kaufman A.A.* Khoziaistvennoe polozhenie pereselentsev, vodvorennykh na kazennykh zemliakh Tomskoi gubernii : v 2 t. – SPb., 1895–1896. – T. 1–2.
14. *Gosudarstvennyi arkhiv g. Tobol'ska.* – F. 332. – Op. 1. – D. 158.
15. *Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti.* – F. 3. – Op. 45. – D. 965.
16. *Sushchinskii P.P.* Ekonomicheskii byt i pravovye otnosheniia starozhilov i novoselov na Altae. – SPb., 1898. – 39 s.
17. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv.* – F. 391. – Op. 4. – D. 1.
18. *Materialy dlia izucheniia byta pereselentsev, vodvorennykh v Tobol'skoi gubernii za 15 let (s kontsa 70-kh gg. XIX veka po 1893 g.).* – M., 1895. – T. 1. – 541 s.
19. *Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti.* – F. 3. – Op. 77. – D. 21.
20. *Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti.* – F. 3. – Op. 44. – D. 3063.
21. *Gosudarstvennyi arkhiv Voronezhskoi oblasti.* – F. 26. – Op. 22. – D. 80.
22. *Dudoladov A.A.* Ocherk pereselencheskogo v Sibir' dvizheniia. – B.m., 1884. – 46 s.
23. *Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti.* – F. 26. – Op. 2. – D. 646.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

УДК 94(470)«19»

В.П. Зиновьев

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ КАДРОВ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИБИРИ¹

В статье дается оценка состояния изученности истории индустриальных кадров дореволюционной Сибири. Автор на основе обзора опубликованной исторической литературы приходит к выводу о маргинальности этого направления в современной историографии. Несмотря на это, отмечается, что результаты исследований прежних лет позволяют считать проблематику рабочей историографии изученной не хуже, чем других социальных слоев дореволюционной Сибири.

Ключевые слова: рабочий класс, индустриальные кадры, дореволюционная Сибирь, историография.

Постановка проблемы. Изменение социально-политической ситуации в России с неизбежностью кардинально отразилось на тематике исследований по социальной истории. Некогда одно из магистральных направлений отечественной истории – история рабочего класса – мгновенно превратилось в маргинальное. Резко сократилось число трудов на эту тему, сократилось и государственное финансирование подобной проблематики. В развитых индустриальных странах рабочая тематика в истории продолжает оставаться заметной частью исторической науки, действуют центры, исторические общества по изучению рабочего класса, рабочего движения. Выходят в свет десятки специальных журналов, которые финансируются профсоюзами, левыми партиями, университетами, государственными учреждениями. Например, в Нью-Йорке с 1960 г. издается журнал «Labor History», в Эдинбурге – журнал «Labour History Review», в Лондоне – «Labour Review», в Вашингтоне – «Monthly Labor Review», в Сиднее – «Labor History». Специальные журналы по истории рабочих издаются во Франции, Австралии, Италии, Японии и других странах. В России ничего подобного нет, Федерация независимых профсоюзов России (ФНПР) слабо защищает права трудящихся и не готова инициировать изучение российского рабочего класса, его региональных и отраслевых особенностей. Сам рабочий класс, деморализованный и разобщенный, занятый борьбой за кусок хлеба, также не интересуется своим славным прошлым. Между тем люди рабочих профессий пока являются большинством в России, и без них гражданского общества, которое предполагает

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

активную позицию населения, не построить. Цель настоящей статьи – обратить внимание научной общественности на необходимость изучения истории промышленных кадров России и их борьбы за свои права как части гражданской истории страны.

Источники и методы. Источниками статьи являются труды российских ученых по истории рабочих кадров дореволюционной Сибири, опубликованные в начале XXI в. Метод исследования – проблемно-исторический.

Результаты исследования. История рабочего класса в советской историографии занимала почетное второе место после истории КПСС. Она выполняла, кроме историко-познавательной, важную идеологическую роль, показывая историю становления класса-гегемона, доказывая закономерность его прихода к власти. Важной частью этой миссии истории рабочего класса был поиск доказательств зрелости капиталистических отношений в России, породивших социалистическую революцию, а значит, и поиск доказательств социальной зрелости победившего класса в начале XX в. Внимание правящей партии к истории рабочего класса привело к двоякому результату. С одной стороны, были серьезно и глубоко изучены наиболее крупные региональные, социально зрелые отраслевые отряды промышленных и транспортных рабочих, промышленные центры, процессы концентрации рабочих, а вместе с ними и процессы централизации капитала. С другой стороны, поверхностно или совсем не были изучены отряды работников менее развитых отраслей капиталистического производства – промыслов, ремесел, коммунального хозяйства, строительства, аграрной сферы.

Необходимо отметить, что концентрация внимания на истории рабочего класса вела к преувеличению результатов капиталистической эволюции российского хозяйства. Конъюнктурное понимание этой задачи нередко приводило к карикатурному поиску предпосылок Октябрьской революции в каждом уезде и превращало рабочий класс в лидера освободительной борьбы чуть ли не с первых политических выступлений в конце XIX в. Однако при всех идеологических перекосах и штампах история рабочего класса вместе с историей индустрии оставалась в числе лидеров исторической науки. Ею занимались научные сектора и группы в академических институтах и вузах страны. Результатом стало появление в 1980-е гг. обобщающих трудов по истории рабочего класса как СССР в целом, так и отдельных республик и регионов – Украины, Белоруссии, Сибири. Подготовка хроник рабочего и социал-демократического движения в «перестроечный период» стала продолжением этих скоординированных исследований.

Несмотря на резкое падение интереса к истории дореволюционного рабочего класса, в настоящее время в России сохранились центры его изучения.

В отечественной историографии последний очаг регулярного изучения пролетариата и рабочего движения еще теплится в Институте российской истории, в котором под редакцией И.М. Пушкаревой издавалось в 1992–2008 гг. фундаментальное исследование «Рабочее движение в России. Хроника» [1]. Хроника событий доведена до конца 1904 г. Обобщающая оценка рабочих кадров дореволюционной России дана в монографии Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой, в которой подводятся итоги изучения процессов классовообразования в России в отечественной историографии конца XX – начала

XXI в. [2]. Проблемы социально-экономического положения рабочих исследуются также в рамках экономической истории России. Центр экономической истории исторического факультета МГУ с 1996 г. выпустил 14 сборников «Экономическая история. Обзор» под редакцией Л.И. Бородинки. Немало статей в них посвящены истории рабочих России, так как центр считает одной из своих приоритетных задач изучение «рынка труда и трудовых отношений в российской промышленности» [3. С. 62]. Отдельные монографии по истории рабочих дореволюционной России выходят в серии «Экономическая история. Документы, исследования, переводы», публикуемой РОССПЭН [4, 5]. Редко, но защищаются диссертации, посвященные истории рабочих России [6].

Следует отметить важное обстоятельство, которое позитивно сказалось на изучении рабочего класса. Снятие пролетариата с пьедестала единственного гегемона освободительного движения и социального демиурга предоставило историкам возможность более объективно оценить уровень развития индустрии России в начале XX в. и степень социальной зрелости новых индустриальных классов – предпринимателей и работников. Сейчас можно с уверенностью говорить о том, что оба они накануне революции 1917 г. находились в стадии становления, поэтому консолидированность и четкое осознание своих интересов были характерны только для пролетариата и буржуазии столиц и немногих промышленно развитых районов империи. В равной мере оказались пересмотрены и взгляды на роль большевиков в революционных событиях начала XX столетия – они не являлись гегемонами политической борьбы, а наряду с другими социал-демократическими силами были частью широкого левого фронта против монархии. Другой отличительной чертой современных исследований стал отказ от резких классовых оценок и подходов при анализе экономического положения рабочих, свойственных советской историографии. История рабочих теперь чаще рассматривается в контексте становления индустриального общества в России, а его социальная активность – как проявление процесса формирования гражданского общества.

Отпала необходимость доказывать наличие предпосылок социалистической революции в каждом регионе, но осталась потребность в объяснении феномена русской революции начала XX в., которая является, наряду с английской и французской, Великой и по названию, и по масштабам воздействия на мировую историю. Осталась потребность понять, почему так медленно и трудно идет в России становление гражданского общества. Для этого необходимо, с одной стороны, продолжать исследования процессов формирования экономических элементов индустриального общества, этапов и механизмов классовообразования, динамики общественного движения в России в начале XX в. Безусловно, «ключом» к их объяснению остается изучение городского социума, городских рабочих, так называемых средних городских слоев, социально-экономической роли городов. С другой стороны, важно расширять тематику исследований рабочего класса, чему способствуют новые направления в исторической науке – история повседневности, история семьи, профессиоведение, историческая и социальная антропология. Они углубляют знания по тем сюжетам истории рабочего класса, которые были на периферии вни-

мания советских историков, сосредоточенных на выявлении социальной и политической зрелости пролетариата.

Применительно к Сибири прослеживаются те же тенденции в изучении истории рабочего класса. Здесь также нет какого-либо координирующего центра. Ранее эту роль выполнял Институт истории СО АН СССР в Новосибирске. Он был головным по реализации крупных проектов – «История Сибири» в 1960-е гг., «История рабочего класса и крестьянства» в 1970-х – начале 1980-х гг., «История хозяйственного освоения Сибири» и хроники рабочего и крестьянского движения в 1980-е гг. Современные кадры историков социально-экономической и политической истории Сибири выросли на этих проектах. Сибирские вузы, в том числе Томский государственный университет, выполняли отдельные темы таких государственных заказов. В постсоветское время, при отсутствии согласованности и координации исследований, частым явлением стали, во-первых, дублирующие работы; во-вторых, произошел очевидный перекося при выборе тем – социально-экономическая история конца XIX – начала XX в., в сущности, стала историей предпринимательства, чиновничества, управления, неполитических организаций, а изучение рабочего класса как самостоятельной общественной силы отошло на задний план.

В настоящее время сибирскими учеными исследуются лишь отдельные аспекты истории пролетариата попутно со смежными сюжетами экономической и социальной истории региона дореволюционного периода. В Барнауле под руководством Е.В. Демчик действует Центр по изучению экономической истории. Однако под экономической историей понимается преимущественно история предпринимательства и кооперативов, и только отдельные статьи в публикациях Центра посвящены рабочим кадрам дореволюционной Сибири [7].

Нередко новая информация по истории рабочих кадров Сибири появляется при публикации исторических сочинений и воспоминаний, которые не вышли в 1930-е гг. по политическим соображениям либо не считались достойными публикации [8–9]. В большей степени история социальной активности индустриального населения Сибири отражена в трудах, посвященных общественно-политической жизни обширной окраины [10–16]. Общая черта этих трудов – стремление показать борьбу рабочих за свои права как часть движения за эмансипацию, без выделения исключительной роли пролетариата. Историки Томского госуниверситета подготовили первую в российской историографии хронику общественно-политической жизни крупнейшей в России Томской губернии [17].

Сведения по истории рабочих кадров продолжают накапливаться также за счет краеведческой литературы, в которую сейчас пришли профессиональные историки, и уровень ее серьезно вырос. Это книги по отдельным предприятиям, городам, региональные энциклопедии [18–28]. Они конкретизируют историю рабочих Сибири. Демографические аспекты истории рабочих кадров анализируются в исследованиях сибирской семьи, ведущихся алтайскими историками под руководством Ю.М. Гончарова [29–32], этнические аспекты – в монографии Е.В. Карих [33], социокультурные – в диссертации В.П. Шахерова [34]. В Алтайском государственном университете изучаются

кадры горнозаводского производства Кабинета на Алтае и в Забайкалье в рамках исследования кабинетского хозяйства [35–39], начаты исследования по профессиоведению [40].

Изучение индустриальных кадров дореволюционной Сибири продолжается и в Томском госуниверситете. После публикации книг «Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период» [41] и «Хроники рабочего движения в Сибири» [42–44], подготовленных в основном сотрудниками Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири, в исследованиях по истории рабочего класса в Томске наступил перерыв, связанный с практическим прекращением финансирования исследований по рабочей тематике. Хроника рабочего движения в Сибири остается уникальной в практике отечественной историографии по хронологии (с XVII в. до начала 1917 г.), а также по охвату форм активности рабочих и партийно-политических организаций, работавших в пролетарской среде. В последнее десятилетие автором настоящей статьи были выполнены обобщающие исследования по социально-экономической и политической истории индустриального населения Сибири [45–48]. Различные сюжеты истории индустриального труда рассмотрены молодыми коллегами. И.А. Новиковым изучен основной элемент, организовывавший труд и быт рабочих дореволюционной России, – артели [49–52]. П.П. Румянцев опубликовал ряд статей о служащих на сибирских золотых промыслах и защитил кандидатскую диссертацию, тем самым инициировав профессиональные исследования слоя сибирских промышленных служащих и менеджеров [53–58]. А.Ю. Ижендеев и И.А. Агеев защитили диссертации по истории транспорта Сибири и формированию кадров управленцев и служащих [59–63], Е.В. Санкин – по истории рыбопромышленности и ее кадров [64–66]. З.М. Худуев исследовал промысловую охоту в Западной Сибири и кадры охотников-профессионалов [67].

И хотя проблемы истории дореволюционного пролетариата Сибири затрагивались в ряде докладов на конференциях, посвященных революционным событиям 1905–1907 гг. и 1917 г. [68–69] и современному рабочему классу [70–72], это нельзя считать состоявшейся «реабилитацией» рабочей проблематики, поскольку эти обращения к истории пролетариата не имеют исследовательского характера.

Приходится признать, что далеко не все сюжеты истории рабочих дореволюционной Сибири, как и России в целом, рассмотрены. Так, целые отраслевые отряды рабочих не изучены совершенно, в их числе – промысловики-охотники Восточной Сибири, лесорубы, ремесленники. Слабо изучена история судорбочих, работников коммунального хозяйства и транспорта. Не написана еще история такой категории работников, как служащие, их участия в общественном движении. Сибирские менеджеры заслуживают особого внимания. Предстоит также составить хронику общественного движения в Сибири, чтобы представить роль и место рабочих в общественной жизни региона [73, 74]. Она могла бы стать началом подготовки хроники общественной жизни дореволюционной России в целом, что помогло историкам объективно судить о реальной роли политических партий и различных социальных слоев в общественной жизни страны в конце XIX – начале XX в.

Обзор современной историографии индустриальных кадров дореволюционной Сибири позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время ведется исследование отдельных сюжетов истории индустриального труда попутно с рассмотрением смежных проблем экономической и социальной истории и обобщением сделанного ранее. Специальных работ почти нет. Знания по истории индустриального слоя населения дореволюционной Сибири в основном обеспечены достижениями историков 70–80-х гг. XX в. Эти наработки востребованы. Статьи об индустрии и рабочих кадрах в «Сибирской исторической энциклопедии» выглядят достойно по полноте и качеству материала [75, 76], так же как и соответствующие разделы готовящегося сейчас под эгидой Института истории СО РАН нового издания «Истории Сибири». Это говорит о том, что изучение индустриальной Сибири дореволюционного периода, как и индустриальной сферы России в целом и большинства других ее регионов (см.: [77]), пока не отстает от других направлений ее истории, несмотря на слабую поддержку профессиональной общественности и государства. Наоборот, сейчас наблюдается процесс подтягивания изученности других социальных слоев имперской России до уровня истории рабочих. Но утраченное ею лидерство может обернуться новым искажением истории предреволюционной России и неизбежно сказаться на содержании готовящегося сейчас единого учебника отечественной истории для школ.

Литература

1. *Рабочее движение в России 1895 – февраль 1917 г.*: Хроника. – М.: Институт российской истории РАН, 1992-2008. – Вып. 1–9. 1895–1904 годы.
2. *Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. – М.: Наука, 2004. – 574 с.
3. *Виноградов В.А., Арсентьев Н.М., Бородкин Л.И.* Экономическая история и современность: К 20-летию Научного совета РАН по проблемам российской и мировой экономической истории. – Саранск: Издательский центр Историко-социологического ин-та МГУ им. Н.П. Огарева, 2009. – 156 с.
4. *Постников С.П., Фельдман М.А.* Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900-1941 гг. – М.: РОССПЭН, 2009. – 367 с.
5. *Бородкин Л.И., Валетов Т.Я., Смирнова Ю.Б., Шильникова И.В.* «Не рублем единым»: Трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России. – М.: РОССПЭН, 2010. – 535 с.
6. *Афонина Л.И.* Социально-экономическое положение рабочих в Мальцовском промышленном округе во второй половине XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2013. – 22 с.
7. *Митин А.И.* Развитие системы безопасности на золотодобывающих предприятиях Сибири в начале XX в. // Экономическая история Сибири XX века: Материалы Всероссийской научной конференции, 30 июня – 1 июля 2006 г. – Барнаул, 2006. – Ч. 1. – С. 165–170.
8. *Шемелев В.И.* История Кузбасса с древнейших времен до отмены крепостного права. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1998. – 368 с.
9. *Кочнев П.Ф.* Жизнь на большой реке: записки сибирского приказчика. – Новосибирск: Сова, 2006. – 386 с.
10. *Дегальцева Е.А.* Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2002. – 288 с.
11. *Шиловский М.В.* Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. – 428 с.

12. Попов Д.И. Культурно-просветительские общества в Сибири в конце XIX – начале XX в. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2006. – 512 с.
13. Шиловский М.В. Томский погром 20-22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 150 с.
14. Штырбул А.А. Государства и общества трудящихся: историческое наследие: в 2 кн. – Кн. 1: (С древних времен до начала XX века). – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2010. – 662 с.
15. Шиловский М.В. Первая русская революция 1905-1907 гг. в Сибири. – Новосибирск: Изд-во СО РАН. Сиб. отд-ние, 2012. – 320 с.
16. Толочко А.П. Общественное движение в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.). – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. – 260 с.
17. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. – Т. 1: 1880 – февраль 1917 г. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. – 402 с.
18. Серебряный венец России: (Очерки истории Змеиногорска) / ред. В.А. Моисеев. – Барнаул: Управление архивного дела администрации Алтайского края, 1999. – 516 с.
19. Иркутск в панораме веков: Очерки истории города / ред. Л.М. Дамешек. – Иркутск: Восточно-Сибирская издательская компания, 2002. – 511 с.
20. Андрищенко Б.К., Багаева Л.А., Бузанова В.А. и др. Мариинский ликеро-водочный завод. 1902–2002 / под ред. В.П. Зиновьева. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 283 с.
21. История Иткульского спиртового завода. 1868–2003 годы / под ред. В.А. Скубневского. – Красноярск: Ситалл, 2004. – 336 с.
22. Томск. История города от основания до наших дней / под ред. Н.М. Дмитриенко. – 2-е изд., испр. и доп. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – 463 с.
23. Томский пивоваренный завод: исторический очерк. (1884–2004 гг.) / под ред. С.Ф. Фоминых. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – 201 с.
24. История промышленности Новосибирска: Исторические очерки. – Т. 1: Начало (1893–1917). – Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2004. – 646 с.
25. Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р. Очерки истории города Тары конца XVI – начала XX вв. – Барнаул: Азбука, 2006. – 188 с.
26. Дробченко В.А. История Анжеро-Судженского каменноугольного района (конец XIX в. – май 1918 г.). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – 334 с.
27. Ермолаев А.Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – 743 с.
28. Гурьевск: страницы истории / ред. В.А. Просеков. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 2008. – 180 с.
29. Гончаров Ю.М. Быт горожан Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул; Тобольск: Азбука, 2008. – 178 с.
30. Никитшина Н.В., Гончаров Ю.М. Семья горнозаводского населения Алтая второй половины XVIII – первой половины XIX в. – Барнаул: АЗБУКА, 2012. – 186 с.
31. Рабочая семья в Сибири: сб. науч. ст. – Барнаул: АЗБУКА, 2012. – 177 с.
32. Фаронов В.Н. Рабочая семья Сибири в конце XIX – начале XX в. (по материалам Томской губернии). – Барнаул: АЗБУКА, 2012. – 200 с.
33. Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – 232 с.
34. Шахеров В.П. Формирование городской среды Байкальской Сибири в XVIII – первой половине XIX в.: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – Иркутск, 2012. – 45 с.
35. Гришаев В.Ф. Алтайские горные инженеры. Барнаул: День, 1999. – 256 с.
36. Ведерников В.В. Горные инженеры на Алтае в 1747–1896 гг. – Барнаул: б. и., 2005. – 160 с.
37. Тихобаева Л.С. Рабочие Колыванской шлифовальной фабрики в XIX в. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – 126 с.
38. Ведерников В.В. Кабинетская цветная металлургия Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2012. – 165 с.
39. Ведерников В.В. Кабинетская цветная металлургия Сибири в XVIII – начале XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук. – Барнаул, 2013. – 520 с.
40. Историческое профессиональное: профессия, карьера, социальная мобильность: сборник статей / под ред. В.Н. Владимирова, М.Х.Д. ван Леувена. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. – 256 с.

41. *Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период.* – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982. – 458 с.
42. *Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика* : в 3 т. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. – Т. 1: XVII в. – 1904 г. / под ред. Н.В. Блинова, В.П. Зиновьева. – 374 с.
43. *Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика* : в 3 т. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. – Т. 2: 1905 – июнь 1907 гг. / под ред. В.П. Зиновьева. – 376 с.
44. *Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика* : в 3 т. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. – Т. 3: Июнь 1907 г. – февраль 1917 г. / под ред. В.П. Зиновьева. – 343 с.
45. *Зиновьев В.П.* Индустриальные кадры старой Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – 258 с.
46. *Зиновьев В.П.* Индустриальные рабочие Сибири в XVIII – начале XX в. // Леонид Михайлович Иванов. Личность и научное наследие историка: сб. к 100-летию со дня рождения. – М., 2009. – С. 140–158.
47. *Зиновьев В.П.* Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX – начало XX в. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – 336 с.
48. *Зиновьев В.П.* Рабочее движение в Сибири в 1895–1917 гг.: Статистический анализ // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2011. – № 3(14). – С. 13–18.
49. *Новиков И.А.* Артель в России во второй половине XIX – начале XX в.: К вопросу об определении термина // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2009. – №4 (8). – С. 147–161.
50. *Новиков И.А.* «Артель»: этимология слова и термин в русском дореволюционном законодательстве // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2009. – №327. – С. 83–85.
51. *Новиков И.А.* Артельный староста и артельная расправа в сибирской золотопромышленности // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2011. – №1 (13) – С. 7–11.
52. *Новиков И.А.* Артели в России во второй половине XIX – начале XX в.: социально-экономическая сущность и ее трансформация : дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2011. – 231 с.
53. *Румянцев П.П.* Культурные мероприятия в жизни служащих золотых приисков Сибири XIX – начала XX в. // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2008. – № 3(4). – С. 53–56.
54. *Румянцев П.П.* Образ служащих сибирских золотых промыслов в художественной литературе и публицистике XIX – начала XX в. // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2008. – № 308. – С. 106–109.
55. *Румянцев П.П.* Служащие на сибирских золотых промыслах в XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2009. – 250 с.
56. *Румянцев П.П.* Ленское золотопромышленное товарищество и Товарищество служащих как пример ведения приискового хозяйства // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2010. – № 1(9). – С. 18–21.
57. *Румянцев П.П.* Критический взгляд на замечания Г.Н. Потанина о рабочем вопросе в сибирской золотодобывающей промышленности // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2011. – № 4(16). – С. 50–52.
58. *Румянцев П.П.* Политические ссыльные на службе у сибирских золотопромышленников в XIX в. // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2012. – № 4(20). – С. 121–125.
59. *Ижэндеев А.Ю.* Томский округ путей сообщения // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2007. – № 300 (III). – С. 55–56.
60. *Ижэндеев А.Ю.* Управление Томской железной дороги в 1917–1920 гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2011. – № 353. – С. 77–80.
61. *Ижэндеев А.Ю.* Организация регионального управления транспортом России (на материалах Сибирской железной дороги и Томского округа путей сообщения в конце XIX – начале XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2012. – 23 с.
62. *Агеев И.А.* Обь-Енисейский канал в транспортной системе Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2010. – № 1(9). – С. 22–26.
63. *Агеев И.А.* История Обь-Енисейского соединительного водного пути : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2012. – 26 с.
64. *Санкин Е.В.* Обские рыбопромышленные пески Тобольской губернии в XIX – начале XX в. // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2007. – № 294. – С. 163–166.
65. *Санкин Е.В.* Динамика развития и районирование промыслового рыболовства в Западной Сибири в XIX – начале XX в. // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2008. – № 2(3). – С. 18–30.

66. Санкин Е.В. Промысловое рыболовство в Западной Сибири в XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Сургут, 2008. – 22 с.
67. Худуев З.М. Государственное регулирование промысловой охоты в Западной Сибири в XIX – начале XX в. // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2007. – № 294. – С. 175–178.
68. Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в.: материалы Всерос. науч. конф., Томск, 19–21 октября 2005 г. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – 304 с.
69. Русская революция в контексте истории: материалы регион. науч. конф., Томск, 6–8 ноября 2007 г. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. – 318 с.
70. Рабочий класс и рабочее движение в России в условиях радикальных трансформаций: материалы Всерос. науч. конф., Прокопьевск, 24–25 сентября 2009 г. – Томск: Изд-во НТЛ, 2009. – 268 с.
71. Защита гражданских и социальных прав жителей индустриальных моногородов: опыт, проблемы и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Прокопьевск, 2–3 ноября 2012 г. – Томск: Изд-во НТЛ, 2012. – 236 с.
72. Рабочий класс и трудовые коллективы в условиях российской действительности: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Томск, 31 октября 2012 г. – Томск: Изд-во ООО «РГ Графика», 2013. – 156 с.
73. Зиновьев В.П., Ларьков Н.С., Харусь О.А., Черняк Э.И. О составлении хроники общественного движения в Сибири // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. – № 363. – С. 92–94.
74. Зиновьев В.П. Современная историография общественного движения в дореволюционной Сибири // Сибирь в исторической перспективе и проблемы сохранения народов и культур: тез. докл. Всерос. науч. конф., приуроченной к году истории России. – Новосибирск, 2012. – С. 10–11.
75. Зиновьев В.П., Миназева Т.Н., Рышков В.М., Ушаков С.Н. Рабочий класс // Историческая энциклопедия Сибири. – Новосибирск, 2009. – Т. 2. – С. 738–745.
76. Зиновьев В.П. Рабочее движение // Историческая энциклопедия Сибири. – Новосибирск, 2009. – Т. 2. – С. 733–736.
77. Галлямова Л.И. Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX – начале XX в. – Владивосток: Дальнаука, 2000. – 222 с.

Статья поступила 20 сентября 2013 г.

Zinoviev Vasilij P. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia).

**MODERN HISTORIOGRAPHY OF INDUSTRIAL PERSONNEL
OF PRE-REVOLUTIONARY SIBERIA.**

Key words: working class, industrial personnel, pre-revolutionary Siberia, historiography.

The article evaluates the state of historical knowledge about industrial personnel of pre-revolutionary Siberia. The author makes a review of the published historical literature and comes to the conclusion that this area of historical research is marginal in modern historiography. However, it is noted that the high level of the previous research allows this area of historiography to keep up with the other ones. Along with the negative trends, the author points out positive changes in the historiography of the Russian working class and Siberian regional industrial workers. It is also noted that the end to consider the proletariat to be the hegemon of the liberation movement and the only social demiurge provided historians with the opportunity to make an impartial assessment of the level of development of Russian industry in the early XXth century, and the degree of social maturity of the new industrial classes - businessmen and workers. Nowadays, this ideological motive doesn't press historians to search for the preconditions of the October Revolution in each region. It was replaced by a new ideological imperative to search for the historical origins of the formation of civil society, to search for the answer to the question why the development of civil society in Russia is going so slow and hard? The need to explain the phenomenon of the Russian Revolution of the early XXth century remains valid as well. The author also mentions the expansion of research topics related to industrial personnel, which now include the history of everyday life, family history, professional studies, history of office workers and managers. The last Russian center conducting an active research on the proletariat and the labor movement is the Institute of Russian History that published in the years 1992–2008 a fundamental series «The Chronicle of the Labor Movement in Russia» edited by I.M. Pushkareva. The chronicle of events goes through the end of 1904. The monograph by N.A. Ivanova and V.P. Zheltova gives a summary evaluation of industrial personnel of pre-revolutionary Russia. Problems of social and

economic conditions of the workers' life are also analyzed within the economic history of Russia. Since 1996, the Center for Economic History at the History Faculty, Moscow State University, published 14 collections of the series «Economic History. Review» edited by Professor L.I. Borodkin. The Centre considers the study of «the history of labor market and labor relations in Russian industry» as one of its priority objectives. Monographs on the history of pre-revolutionary Russian working class are part of the series «Economic History. Documents, Studies, Translations» brought out by ROSSPEN publishing house.

The trends of the development of the all-Russian historiography are similar in the Siberian region. There is no coordination of research, the generalization of the previous results has taken place, and individual topics of the history of industrial population have been studied. Tomsk, Altai, Novosibirsk, Omsk, and Irkutsk universities as well as the Institute of History at the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences remain centres of research into industrial personnel.

References

1. *Raboochee dvizhenie v Rossii 1895 – fevral' 1917 g.*: Khronika. – M.: Institut rossiiskoi istorii RAN, 1992–2008. – Vyp. 1–9. 1895–1904 gody.
2. *Ivanova N.A., Zheltova V.P.* Soslovno-klassovaya struktura Rossii v kontse XIX – nachale XX veka. – M.: Nauka, 2004. – 574 s.
3. *Vinogradov V.A., Arsen'ev N.M., Borodkin L.I.* Ekonomicheskaya istoriya i sovremennost': K 20-letiyu Nauchnogo soveta RAN po problemam rossiiskoi i mirovoi ekonomicheskoi istorii. – Saransk: Izdatel'skii tsentr Istoriko-sotsiologicheskogo in-ta MGU im. N.P. Ogareva, 2009. – 156 s.
4. *Postnikov S.P., Fel'dman M.A.* Sotsiokul'turnyi oblik promyshlennykh rabochikh Rossii v 1900–1941 gg. – M.: ROSSPEN, 2009. – 367 s.
5. *Borodkin L.I., Valetov T.Ia., Smirnova Iu.B., Shil'nikova I.V.* «Ne rublem edinyim»: Trudovye stimuly rabochikh-tekstil'shchikov dorevoliutsionnoi Rossii. – M.: ROSSPEN, 2010. – 535 s.
6. *Afonina L.I.* Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie rabochikh v Mal'tsovskom promyshlennom okruge vo vtoroi polovine XIX veka : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Voronezh, 2013. – 22 s.
7. *Mitin A.I.* Razvitie sistemy bezopasnosti na zolotodobyvaiushchikh predpriyatiyakh Sibiri v nachale XX v. // Ekonomicheskaya istoriya Sibiri XX veka: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, 30 iyunia – 1 i iul'ia 2006 g. – Barnaul, 2006. – Ch. 1. – S. 165–170.
8. *Shemelev V.I.* Istoriya Kuzbassa s drevneishikh vremen do otmeny krepostnogo prava. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1998. – 368 s.
9. *Kochnev P.F.* Zhizn' na bol'shoi reke: zapiski sibirskogo prikazchika. – Novosibirsk: Sova, 2006. – 386 s.
10. *Degal'tseva E.A.* Obshchestvennye nepoliticheskie organizatsii Zapadnoi Sibiri (1861–1917 gg.). – Barnaul: Izd-vo Alt. gos. tekhn. un-ta, 2002. – 288 s.
11. *Shilovskii M.V.* Politicheskie protsessy v Sibiri v period sotsial'nykh kataklizmov 1917–1920 gg. – Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2003. – 428 s.
12. *Popov D.I.* Kul'turno-prosvetitel'skie obshchestva v Sibiri v kontse XIX – nachale XX v. – Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2006. – 512 s.
13. *Shilovskii M.V.* Tomskii pogrom 20–22 oktiabria 1905 g.: khronika, kommentarii, interpretatsiya. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2010. – 150 s.
14. *Shtyrbul A.A.* Gosudarstva i obshchestva trudiashchikhsia: istoricheskoe nasledie: v 2 kn. – Kn. 1: (S drevnikh vremen do nachala XX veka). – Omsk: Izd-vo OmGPU, 2010. – 662 s.
15. *Shilovskii M.V.* Pervaya russkaya revoliutsiya 1905–1907 gg. v Sibiri. – Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. Sib. otd-nie, 2012. – 320 s.
16. *Tolochko A.P.* Obshchestvennoe dvizhenie v Sibiri v gody novogo revoliutsionnogo pod"ema (1910–1914 gg.). – Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2012. – 260 s.
17. *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoi gubernii v 1880–1919 gg.* – T. 1: 1880 – fevral' 1917 g. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2013. – 402 s.
18. *Serebrianyi venets Rossii: (Ocherki istorii Zmeinogorska)* / red. V.A. Moiseev. – Barnaul: Upravlenie arkhivnogo dela administratsii Altaiskogo kraia, 1999. – 516 s.
19. *Irkutsk v panorame vekov: Ocherki istorii goroda* / red. L.M. Dameshek. – Irkutsk: Vostochno-Sibirskaya izdatel'skaya kompaniya, 2002. – 511 s.
20. *Andriushchenko B.K., Bagaeva L.A., Buzanova V.A. i dr.* Mariinskii likero-vodochnyi zavod. 1902–2002 / pod red. V.P. Zinov'eva. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2002. – 283 c.

21. *Istoriia Itkul'skogo spirtovogo zavoda. 1868–2003 gody* / pod red. V.A. Skubnevskogo. – Krasnoarsk: Sitall, 2004. – 336 s.
22. *Tomsk. Istoriia goroda ot osnovaniia do nashikh dnei* / pod red. N.M. Dmitrienko. – 2-e izd., ispr. i dop. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2004. – 463 s.
23. *Tomskii pivovarenyi zavod: istoricheskii ocherk. (1884–2004 gg.)* / pod red. S.F. Fominykh. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2004. – 201 s.
24. *Istoriia promyshlennosti Novosibirska: Istoricheskie ocherki.* – T. 1: Nachalo (1893–1917). – Novosibirsk: Izd. dom «Istoricheskoe nasledie Sibiri», 2004. – 646 s.
25. *Goncharov Iu.M., Ivonin A.R. Ocherki istorii goroda Tary kontsa XVI – nachala XX vv.* – Barnaul: Azbuka, 2006. – 188 s.
26. *Drobchenko V.A. Istoriia Anzhero-Sudzhenskogo kamennougol'nogo raiona (konets XIX v. – mai 1918 g.).* – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2007. – 334 s.
27. *Ermolaev A.N. Uezdnyi Mariinsk. 1856–1917 gg.* – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008. – 743 s.
28. *Gur'evsk: stranitsy istorii* / red. V.A. Prosekov. – Kemerovo: Kem. gos. un-t, 2008. – 180 s.
29. *Goncharov Iu.M. Byt gorozhan Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* Barnaul; Tol'bo'sk: Az Buka, 2008. – 178 s.
30. *Nikishina N.V., Goncharov Iu.M. Sem'ia gornozavodskogo naseleniia Altaia vtoroi poloviny XVIII – pervoi poloviny XIX v.* – Barnaul: AZBUKA, 2012. – 186 s.
31. *Rabochaia sem'ia v Sibiri: sb. nauch. st.* – Barnaul: AZBUKA, 2012. – 177 s.
32. *Faronov V.N. Rabochaia sem'ia Sibiri v kontse XIX – nachale XX v. (po materialam Tomskoi gubernii).* – Barnaul: AZBUKA, 2012. – 200 s.
33. *Karikh E.V. Mezhetnicheskie otnosheniia v Zapadnoi Sibiri v protsesse ee khoziaistvennogo osvoeniia. XIX – nachalo XX v.* – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. 2004. – 232 s.
34. *Shakherov V.P. Formirovanie gorodskoi sredy Baikal'skoi Sibiri v XVIII – pervoi polovine XIX v. : avtoref. dis. ... d-ra. ist. nauk.* – Irkutsk, 2012. – 45 s.
35. *Grishaev V.F. Altaiskie gornye inzheneriy.* Barnaul: Den', 1999. – 256 s.
36. *Vedernikov V.V. Gornye inzheneriy na Altae v 1747–1896 gg.* – Barnaul: b. i., 2005. – 160 s.
37. *Tikhobaeva L.S. Rabochie Kolyvanskoi shlifoval'noi fabriki v XIX v.* – Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2006. – 126 s.
38. *Vedernikov V.V. Kabinetskaia tsvetnaia metallurgii Sibiri v XVIII – pervoi polovine XIX v.* Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2012. – 165 s.
39. *Vedernikov V.V. Kabinetskaia tsvetnaia metallurgii Sibiri v XVIII – nachale XX vv. : dis. ... d-ra. ist. nauk.* – Barnaul, 2013. – 520 s.
40. *Istoricheskoe professiovedenie: professiia, kar'era, sotsial'naia mobil'nost': sbornik statei* / pod red. V.N. Vladimirova, M.Kh.D. van Leuvena. – Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2012. – 256 s.
41. *Rabochii klass Sibiri v dooktiabr'skii period.* – Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1982. – 458 s.
42. *Rabochee dvizhenie v Sibiri: istoriografiia, istochniki, khronika, statistika : v 3 t.* – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1988. – T. 1: XVII v. – 1904 g. / pod red. N.V. Blinova, V.P. Zinov'eva. – 374 s.
43. *Rabochee dvizhenie v Sibiri: istoriografiia, istochniki, khronika, statistika : v 3 t.* – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta., 1990. – T. 2: 1905 – iun' 1907 gg. / pod red. V.P. Zinov'eva. – 376 s.
44. *Rabochee dvizhenie v Sibiri: istoriografiia, istochniki, khronika, statistika : v 3 t.* – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1991. – T. 3: Iun' 1907 g. – fevral' 1917 g. / pod red. V.P. Zinov'eva. – 343 s.
45. *Zinov'ev V.P. Industrial'nye kadry staroi Sibiri.* – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2007. – 258 s.
46. *Zinov'ev V.P. Industrial'nye rabochie Sibiri v XVIII – nachale XX v. // Leonid Mikhailovich Ivanov. Lichnost' i nauchnoe nasledie istorika: sb. k 100-letiiu so dnia rozhdeniia.* – M., 2009. – S. 140–158.
47. *Zinov'ev V.P. Ocherki sotsial'noi istorii industrial'noi Sibiri. XIX – nachalo XX v.* – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2009. – 336 s.
48. *Zinov'ev V.P. Rabochee dvizhenie v Sibiri v 1895–1917 gg.: Statisticheskii analiz // Vestn. Tom. gos. un-ta. Istoriia.* – 2011. – № 3(14). – S. 13–18.
49. *Novikov I.A. Artel' v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.: K voprosu ob opredelenii termina // Vestn. Tom. gos. un-ta. Istoriia.* – 2009. – №4 (8). – C. 147–161.
50. *Novikov I.A. «Artel'»: etimologii slova i termin v russkom dorevoliutsionnom zakonodatel'stve // Vestn. Tom. gos. un-ta.* – 2009. – №327. – C. 83–85.
51. *Novikov I.A. Artel'nyi starosta i artel'naia rasprava v sibirskoi zolotopromyshlennosti // Vestn. Tom. gos. un-ta. Istoriia.* – 2011. – №1 (13) – C. 7–11.

52. *Novikov I.A.* Arteli v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.: sotsial'no-ekonomicheskaiia sushchnost' i ee transformatsiia : dis. ... kand. ist. nauk. – Tomsk, 2011. – 231 s.
53. *Rumiantsev P.P.* Kul'turnye meropriiatiia v zhizni sluzhashchikh zolotykh priiskov Sibiri XIX – nachala XX v. // *Vestn. Tom. gos. un-ta. Istoriia.* – 2008. – № 3(4). – S. 53–56.
54. *Rumiantsev P.P.* Obraz sluzhashchikh sibirskikh zolotykh promyslov v khudozhestvennoi literature i publitsistike XIX – nachala XX v. // *Vestn. Tom. gos. un-ta.* – 2008. – № 308. – S. 106–109.
55. *Rumiantsev P.P.* Sluzhashchie na sibirskikh zolotykh promyslakh v XIX – nachale XX v.: dis. ... kand. ist. nauk. – Tomsk, 2009. – 250 s.
56. *Rumiantsev P.P.* Lenskoe zolotopromyshlennoe tovarishchestvo i Tovarishchestvo sluzhashchikh kak primer vedeniia priiskovogo khoziaistva // *Vestn. Tom. gos. un-ta. Istoriia.* – 2010. – № 1(9). – S. 18–21.
57. *Rumiantsev P.P.* Kriticheskii vzgliad na zamechaniia G.N. Potanina o rabochem voprose v sibirskoi zolotodobyvauiushchei promyshlennosti // *Vestn. Tom. gos. un-ta. Istoriia.* – 2011. – № 4(16). – S. 50–52.
58. *Rumiantsev P.P.* Politicheskie ssyl'nye na sluzhbe u sibirskikh zolotopromyshlennikov v XIX v. // *Vestn. Tom. gos. un-ta. Istoriia.* – 2012. – № 4(20). – S. 121–125.
59. *Izhendeev A.Iu.* Tomskii okrug putei soobshcheniia // *Vestn. Tom. gos. un-ta.* – 2007. – № 300 (III). – S. 55–56.
60. *Izhendeev A.Iu.* Upravlenie Tomskoi zheleznoi dorogi v 1917–1920 gg. // *Vestn. Tom. gos. un-ta.* – 2011. – № 353. – S. 77–80.
61. *Izhendeev A.Iu.* Organizatsiia regional'nogo upravleniia transportom Rossii (na materialakh Sibirskoi zheleznoi dorogi i Tomskogo okruga putei soobshcheniia v kontse XIX – nachale XX vv.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Tomsk, 2012. – 23 s.
62. *Ageev I.A.* Ob'-Eniseiskii kanal v transportnoi sisteme Sibiri (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.) // *Vestn. Tom. gos. un-ta. Istoriia.* – 2010. – № 1(9). – S. 22–26.
63. *Ageev I.A.* Istoriia Ob'-Eniseiskogo soedinitel'nogo vodnogo puti : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Tomsk, 2012. – 26 s.
64. *Sankin E.V.* Obskie rybopromyshlennye peski Tobol'skoi gubernii v XIX – nachale XX v. // *Vestn. Tom. gos. un-ta.* – 2007. – № 294. – S. 163–166.
65. *Sankin E.V.* Dinamika razvitiia i raionirovanie promyslovogo rybolovstva v Zapadnoi Sibiri v XIX – nachale XX v. // *Vestn. Tom. gos. un-ta. Istoriia.* – 2008. – № 2(3). – S. 18–30.
66. *Sankin E.V.* Promyslovoe rybolovstvo v Zapadnoi Sibiri v XIX – nachale XX vv. : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Surgut, 2008. – 22 s.
67. *Khuduev Z.M.* Gosudarstvennoe regulirovanie promyslovoi okhoty v Zapadnoi Sibiri v XIX – nachale XX v. // *Vestn. Tom. gos. un-ta.* – 2007. – № 294. – S. 175–178.
68. *Sibirskoe obshchestvo v period sotsial'nykh transformatsii XX v.: materialy Vseros. nauch. konf., Tomsk, 19–21 oktiabria 2005 g.* – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2007. – 304 s.
69. *Russkaia revoliutsiia v kontekste istorii: materialy region. nauch. konf., Tomsk, 6–8 noiabria 2007 g.* – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2008. – 318 s.
70. *Rabochii klass i rabochee dvizhenie v Rossii v usloviakh radikal'nykh transformatsii: materialy Vseros. nauch. konf., Prokop'evsk, 24–25 sentiabria 2009 g.* – Tomsk: Izd-vo NTL, 2009. – 268 s.
71. *Zashchita grazhdanskikh i sotsial'nykh prav zhitelei industrial'nykh monogorodov: opyt, problemy i perspektivy: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Prokop'evsk, 2–3 noiabria 2012 g.* – Tomsk: Izd-vo NTL, 2012. – 236 s.
72. *Rabochii klass i trudovye kollektivy v usloviakh rossiiskoi deistvitel'nosti: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., Tomsk, 31 oktiabria 2012 g.* – Tomsk: Izd-vo OOO «RG Grafika», 2013. – 156 s.
73. *Zinov'ev V.P., Lar'kov N.S., Kharus' O.A., Cherniak E.I.* O sostavlenii khroniki obshchestvennogo dvizheniia v Sibiri // *Vestn. Tom. gos. un-ta.* 2012. – № 363. – S. 92–94.
74. *Zinov'ev V.P.* Sovremennaia istoriografiia obshchestvennogo dvizheniia v dorevoliutsionnoi Sibiri // *Sibir' v istoricheskoi perspektive i problemy sokhraneniia narodov i kul'tur: tez. dokl. Vseros. nauch. konf., priurochennoi k godu istorii Rossii.* – Novosibirsk, 2012. – S. 10–11.
75. *Zinov'ev V.P., Minazeva T.N., Rynkov V.M., Ushakov S.N.* Rabochii klass // *Istoricheskaiia entsiklopediia Sibiri.* – Novosibirsk, 2009. – T. 2. – S. 738–745.
76. *Zinov'ev V.P.* Rabochee dvizhenie // *Istoricheskaiia entsiklopediia Sibiri.* – Novosibirsk, 2009. – T. 2. – S. 733–736.
77. *Galliamova L.I.* Dal'nevostochnye rabochie Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. – Vladivostok: Dal'nauka, 2000. – 222 s.

УДК 94(47).084

М.В. Шиловский

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И СИБИРЬ (ВОЕННАЯ СФЕРА): ПОИСК НОВЫХ ПОДХОДОВ

Изучение периода Первой мировой войны применительно к Сибири сосредоточивалось преимущественно на социально-экономических вопросах. В то же время односторонне или вообще не анализировалась военная сфера явления в плане рассмотрения процессов общей мобилизации, подготовки пополнения в тыловых гарнизонах, социальном облике воинов-сибиряков, эффективности пропагандистско-воспитательной работы среди них. В статье автор пытается обосновать необходимость поиска новых подходов к их анализу и предложить новое прочтение перечисленных сюжетов на основе введения в научный оборот новых источников.

Ключевые слова: Первая мировая война, запасной полк, маршевая рота, призывник, ратник ополчения.

Постановка проблемы. Начавшаяся 19 июля (1 августа) 1914 г. Первая мировая война способствовала активному включению Сибири в общероссийское экономическое и военно-политическое пространство. В настоящей работе формулируются актуальные, на наш взгляд, вопросы функционирования военной сферы региона: мобилизация, подготовка пополнения, социальный облик воинов-сибиряков, уровень их воинской дисциплины и т. д.

Изученность темы. Изучение проблемы «Первая мировая война и Сибирь» в ее военной составляющей (мобилизация, участие сибирских соединений в боевых действиях, подготовка пополнения, политико-воспитательная работа среди призванных и т.д.) имело специфику, связанную прежде всего с состоянием отечественной историографии этого глобального вооруженного конфликта. Поскольку война породила социальный катаклизм 1917–1920 гг., а отношение к ней пришедших к власти большевиков было изначально негативным (империалистическая и захватническая), ее история в межвоенный период (1920–1941 гг.) разрабатывалась фрагментарно. Не случайно в четвертом томе «Очерков исторической науки в СССР» (1966) дореволюционный раздел завершается освещением революции 1905–1907 гг. и анализом внешней политики России второй половины XIX–начала XX в., а обозначенный в заголовке сюжет вообще отсутствует.

Военные тогда изучали организацию и ход боевых действий, изменения в структуре вооруженных сил, обеспечение их вооружением с целью практического использования накопленного в 1914–1917 гг. опыта для укрепления РККА, боевой подготовки военнослужащих, формирования мобилизационных ресурсов. Параллельно в эмиграции бывшие офицеры и генералы императорской армии создавали «свою» историю войны, в основном в мемуарах. В плане социальной истории Первую мировую начали изучать с целью выявления предпосылок свержения самодержавия. Своеобразной «матрицей» для

всех последующих сочинений вплоть до начала 1990-х гг. стала первая глава первого тома «Истории гражданской войны» (1935), в которой эти предпосылки перечислялись: захватнический характер военного конфликта, неподготовленность армии, военные поражения, экономический кризис, резкое ухудшение положения основной части населения, активизация стачечной борьбы пролетариата, политический кризис и окончательное банкротство самодержавия.

Принципиально ситуация не изменилась в 1940–1980-е гг. Военная составляющая конфликта получила окончательное воплощение в фундаментальном исследовании А.А. Строкова [1]. В обобщенном виде она наряду с анализом экономического и политического развития империи повторена в отдельной главе шестого тома «Истории СССР» (авторы В.А. Емец, А.Л. Сидоров, С.В. Тютюкин) [2. Т. 6. С. 516–628]. Характерно, что в упомянутых исследованиях имеются специальные разделы, посвященные состоянию вооруженных сил России накануне войны, но отсутствуют сведения о подготовке пополнения и состоянии дел в тыловых гарнизонах.

Применительно к Сибири проблематика Первой мировой войны стала изучаться со второй половины 1950-х гг. в плане выявления предпосылок социального катаклизма 1917 г. Промежуточные итоги этого процесса подводятся в отдельной главе третьего тома «Истории Сибири» (1968 г.), состоящей из двух разделов: «Влияние войны на экономику Сибири» (В.Г. Тюкавкин) и «Революционное движение в Сибири во время войны» (А.А. Мухин, В.П. Сафронов, А.А. Храмков), а также в соответствующих главах очерков истории рабочего класса и крестьянства региона дореволюционного периода (Д.М. Зольников [3. С. 363–408], А.Я. Воронина [4. С. 248–277]). Они заложили прочную основу для анализа экономических и социальных процессов в регионе в избранных хронологических рамках. Эти сюжеты получили дальнейшее развитие в работах Л.М. Горюшкина, В.П. Зиновьева, И.И. Кротта, Г.А. Ноздрина, В.А. Скубневского и др. Вместе с тем военная проблематика сводилась только к указанию количества воинских наборов (призывов) и общего числа мобилизованных в армию (до 1 млн чел.) [4. С. 248].

Параллельно начинается исследование процесса мобилизации, призывов в армию во время войны, расквартирования ополченцев и запасных полков (А.А. Храмков, А.Н. Баталов). Основное внимание обращалось на негативные явления тыловой армейской повседневности – плохие жилищно-бытовые условия содержания призванных, отвратительная организация питания, издевательство офицеров и унтер-офицеров, порождающие массовое дезертирство, масштабные выступления мобилизованных в июле 1914 г., тяжелые заболевания, негативное отношение к войне и самодержавию. Отмеченная тенденция постепенно начинает меняться. С начала 1990-х гг. появляются работы, более объективно и полно отображающие обозначенные выше вопросы [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12. Вып. 4. С. 53–61]. Увидели свет публикации, затрагивающие ратный подвиг сибиряков и сибирских формирований на фронте [13, 14]. Разделы, посвященные войне 1914–1918 гг., стали обязательными для очерков истории отдельных городов, губерний, краев и областей Сибири.

Источники и методы. Источниковую базу исследования составили неопубликованные делопроизводственные материалы (приказы, списки лично-

го состава, арматурные ведомости) запасных частей (батальонов и полков) Новониколаевска и Томска, а также дневники и мемуары современников анализируемых событий и участников войны (И.И. Серебренников, А.И. Деникин, Г.М. Семенов, Ф.А. Степун).

Методологическую основу работы составляют теоретические основания «когнитивной истории», предметом которой является процесс мышления как главная особенность человека и основа культуры. Поэтому наблюдение и получение проверяемых данных становятся возможными, если изучить сознание человека опосредованно – через созданные им материальные образы или реализованные продукты целенаправленной человеческой деятельности, т. е. исторические источники.

Автором использованы традиционные методы исторического исследования: историко-сравнительный, проблемно-хронологический, а также экстраполяция данных, полученных по отдельному объекту (запасному полку), на всю изучаемую совокупность однородных воинских формирований.

Результаты исследования. Несмотря на серьезные подвижки в изучении проблемы остаются существенные лакуны, дискуссионные вопросы, недостаточно исследованные сюжеты. Остановимся на некоторых из них. Что касается сибирских фронтовых объединений (дивизий и корпусов), то в самом общем виде П.А. Новиковым изучен боевой путь 2, 3 и 7-го Сибирских армейских корпусов, но ждет своих исследователей история 1, 4, 5, 6-го Сибирских армейских корпусов, воевавших в составе всех фронтов, за исключением Кавказского.

Дискуссионным остается вопрос о масштабах и характере выступлений мобилизованных сибиряков в июле 1914 г. Всего по данным хроники крестьянского движения в Сибири я насчитал в четырех губерниях региона 157 протестных акций мобилизованных в 72 селах и 13 деревнях 60 волостей, прежде всего в наиболее крупных сельских поселениях и волостных центрах, где сосредоточивалась основная масса призванных. Подавляющая их часть приходилась на Томскую губернию, где бунтовали в 49 волостях всех уездов, за исключением Бийского. Помимо сельской глубинки, волнения имели место в Кузнецке, Новониколаевске, Барнауле, Ишиме, на железнодорожных станциях Убинская, Боготол, Зима, вообще по линии железной дороги. Они сопровождались разгромом винных лавок (только в Томской губернии около 600), избиением должностных лиц крестьянского самоуправления, массовыми порубками леса на Алтае. Всего из 247 погибших участников солдатских бунтов в России на долю Томской губернии приходится 136–140 человек. Общее число привлеченных к суду за участие в них составило до 1400 человек.

В советский период волнения мобилизованных квалифицировалась как одна из форм политической борьбы крестьянства против самодержавия [15. С. 56–73; 16. № 11, вып. 3. С. 97]. В настоящее время И.А. Еремин и Т.А. Кижаева считают данное утверждение явной натяжкой и объясняют произошедшее негативным отношением патриархального крестьянства к воинской повинности и начавшейся антиалкогольной кампании, «что нарушало сложившуюся традицию проводов деревенских рекрутов на войну, обязательным элементом которых была пьяная гульба призывников и их родственников» [17. С. 231]. Еще раньше и применительно к Тобольской губернии правомерность

отождествления антивоенных выступлений крестьян с политикой правительства была отвергнута С.Ю. Шишкиной, назвавшей их основными причинами закрытие винных лавок и «опасение, что положение семей с уходом кормильцев и работников может значительно ухудшиться» [12. С. 55].

Первый по времени исследователь рассматриваемого явления А.А. Храмов, реагируя на попытку квалифицировать его как пьяный бунт, указывает на массовый характер произошедшего в масштабах как Томской губернии, так и всей страны. Такие выступления имели место в наиболее беспокойных селах и волостях Барнаульского уезда и сводились не только к разгрому (разграблению) винных лавок, но и выражали протест против притеснений властей и «в определенной степени недовольство войной». «Были ли эти волнения пьяным бунтом? – вопрошает историк. – Конечно, да. Но, как говорится, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. За бунтом, разгромами, эксцессами и убийствами нельзя упустить социальное и политическое составляющее этого движения» [18. С. 163–165].

На мой взгляд, волнения мобилизованных вызваны комплексом причин, и прежде всего просчетами и непрофессионализмом властных структур [19. № 1. С. 87]. Мобилизованные сутками ждали на сборных пунктах отправки дальше или погрузки в эшелоны, при этом длительное время не получая горячей пищи и находясь на улице (Барнаул).

Там, где властям удалось справиться со стихией, не было и массовых беспорядков (Бийск и Бийский уезд, города Восточной Сибири). Например, об Иркутске И.И. Серебренников 2 августа 1914 г. записал в дневнике: «Мобилизация проходит спокойно, совершенно нет пьяных» [20. С. 21].

Повальное пьянство во время мобилизации было связано не только с негативным отношением населения к воинской повинности. Нельзя забывать о стремлении предприимчивых слоев заработать в ситуации запрета продажи спиртных напитков. «От времени до времени в Омске, – свидетельствует акмолинский губернатор, – на толкучке и в притонах появлялись продавцы водки, спирта, коньяка, добываемых за пределами области или оставшихся от запасов, сделанных до мобилизации. Некоторые со слабой волей запасные набрасывались на эти напитки, не брезгуя даже политугой, платили большие деньги, пили и хмелели» [21. Д. 138. Ч. 1. Л. 7].

Еще на один аспект темы необходимо обратить внимание – это степень вовлеченности в массовые беспорядки старожилов и переселенцев. Не случайно главным районом волнений являлись южная и восточная части Барнаульского уезда, селения Павловское, Мормыши, Ребриха, Ключевское и др., где осело большое количество новоселов из числа столыпинских мигрантов.

Дальнейшего изучения требует и система подготовки призванных в армию в запасных формированиях Омского и Иркутского военных округов. Известно лишь об их дислокации и численности гарнизонов сибирских городов, агитационно-пропагандистской деятельности радикалов среди военнослужаших, разрозненных фактах протестных акций (дезертирство, неподчинение командирам, самовольные отлучки и т. д.). Хотелось бы воспроизвести, как мне кажется, наиболее соответствующее действительности суждение о состоянии российской армии тех лет, сформулированное генералом, впоследствии одним из вождей Белого движения А.И. Деникиным: «Я не скло-

нен идеализировать нашу армию. Но когда фарисеи – вожди русской революционной демократии, пытаясь оправдать учиненный главным образом их руками развал армии, уверяют, что она и без того близка была к разложению, они лгут. Я не отрицаю крупных недостатков в системе назначения и комплектования высшего командного состава, ошибок нашей стратегии, тактики и организации, технической отсталости нашей армии, несовершенства офицерского корпуса, невежества солдатской среды, пороков казармы. Знаю размеры дезертирства и уклонения от военной службы, в чем повинна наша интеллигенция едва ли не больше, чем темный народ... Каков народ, такова и армия. И как бы то ни было, старая русская армия, страдая пороками русского народа, вместе с тем в своей преобладающей массе обладала его достоинствами, и прежде всего необычайным долготерпением в перенесении ужасов войны, дралась безропотно почти 3 года, часто шла с голыми руками против убийственной высокой техники врагов, проявляя высокое мужество и самоотвержение, и своей обильной кровью искупала грехи верховной власти, правительства, народа и свои» [22. Т. 1. Вып. 1. С. 30].

Известно, что к 1917 г. в армию призвали не менее 1 млн сибиряков, или примерно половину трудоспособных мужчин, из них на долю Томской губернии пришлось 600 тыс. [23. № 6. С. 67–68; 11. С. 98]. Но за этими валовыми показателями мы до сих пор не имеем представления о воинах-сибиряках, их социальном облике. В какой-то степени прорвать завесу умолчания помогают архивные материалы по личному составу 38-го Сибирского стрелкового запасного полка (батальона), размещавшегося в Новониколаевске, а с осени 1915 г. – в Томске (Степановка).

Именно они позволяют судить о вероисповедании, профессиях, образовании, возрасте и семейном положении новобранцев. Так, из партии в 98 человек, призванных летом 1915 г. в Тарском уезде Тобольской губернии, 1 являлся лютеранином, 1 – католиком, 5 – старообрядцами, остальные 91 – православными. 46 из них считались грамотными, 51 – неграмотными, 2 – малограмотными (умели читать и писать). Подавляющее большинство по роду занятий относилось к хлебопашцам, но 24 человек имели навыки ремесла (11 сапожников, 4 портных, по два – плотники, кузнецы, штукатуры, по одному – колесник, слесарь, хлебопек). 185 новобранцев из Змеиногорского уезда Томской губернии, призванные 25–26 мая 1916 г., имели в своем составе 174 православных, 11 старообрядцев; 26 грамотных, 74 малограмотных, 73 неграмотных; 99 из них были женатыми, 86 – холостыми; по роду занятий: 154 хлебопашца, 6 шорников, 5 кузнецов, по 4 плотника и сапожника, по 2 пимоката и портных, по одному – чернорабочий, кочегар, смазчик, столяр.

Среди 729 новобранцев из Барнаульского уезда досрочного призыва 1916 г. (призваны в августе 1915 г.), за исключением одного католика, все были православными, в подавляющем большинстве хлебопашцами (32 чернорабочих, 13 сапожников, по 9 кузнецов и портных, 7 плотников, 10 представителей других специальностей); 483 неграмотных, 116 грамотных, 130 малограмотных.

Прибывшие в часть 15 октября 1916 г. 302 ратника из Мариинского уезда Томской губернии имели в своем составе, при абсолютном преобладании православных, 10 католиков, 4 старообрядцев, 2 мусульман, 1 сектанта;

285 из них были женатыми, 25 – грамотными, 224 – неграмотными, 53 – малограмотными. Разнообразным оказался профессиональный состав команды, включавшей представителей 27 специальностей, в том числе 216 чернорабочих, 32 плотника, 8 сапожников, 7 кузнецов, 6 столяров, 4 колесников, 3 портных, по 1–2 пимоката, печника, овчинника, письмоводителя, кучера, коммерсанта, коновала, кочегара, псаломщика и т.д., что объясняется спецификой географического положения Мариинского уезда, расположенного вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали, и развитием в нем горнодобывающей промышленности. Отметим также, что среди призванных ратников имелаась большая группа старших возрастов (призыва 1894 г. – 67 человек, 1895 г. – 97, 1896 г. – 100), т. е. сорокалетних; остальные 38 были от 40 до 20 лет. Именные списки позволяют установить, что 285 из 302 мариинских новобранцев (94 %) были женаты [24. Л. 40–47; 25. Л. 32–37; 26. Л. 14–28, 45–64].

Таким образом, среди призванных в армию в 1914–1916 гг. сибиряков абсолютно преобладали малограмотные и неграмотные православные крестьяне, занимавшиеся в основном сельским хозяйством. Процент неграмотных в Сибири соответствовал данным по России – 61 % призванных [27. С. 170]. Помимо русских, украинцев, белорусов среди попавших в запасной полк находились представители других национальностей. Так, из 258 человек, прибывших из Бирского уезда Уфимской губернии и зачисленных в 1-ю роту полка, русские составили 36 человек, остальные были башкирами и татарами, из 250 человек личного состава 5-й роты русских насчитывалось 105, «инородцев» – 145. В июле 1915 г. в части числилось 12 немцев-колонистов (И. Фрейн, И. Шаад, Г. Этинх, А. Шмидт, Э. Родд и др.) [28. Л. 13–14 об.; 24. Л. 20]. Призывали в армию и сибирских татар. Например, в селении Юрты-Абалыкские Малокорюковской волости Томского уезда в 1915 г. «приняли в строй», по выражению того времени, Н. Ахмежданова, 20 лет, магометанина, татарина, неграмотного, женатого; в 1916 г. – М.Г. Юнусова, 20 лет, магометанина, татарина, женатого, хлебопашца, «грамотного по-русски»; Г. Мустафинова, 20 лет, брат которого по мобилизации 1914 г. уже воевал, магометанина, татарина, холостого, хлебопашца, «грамотного по-русски» [29. Л. 80–81, 87–89].

Для неправославных предусматривался даже особый порядок принятия присяги. Из приказа командира 38-го полка подполковника Доброхотова от 25 октября 1915 г. (Томск) узнаем, что «завтра, 26 сего сентября, в 9 часов утра, во дворе мечети, на углу Татарской улицы и Татарского переулка За истоком, я приведу к присяге нижних чинов (молодых солдат всех призывов и ратников ополчения 2-го разряда) всех рот только магометанского вероисповедывания». 27 октября в расположении 7-й роты в духовной семинарии присягу должны были принять язычники и старообрядцы [28. Л. 111, 115].

Кстати, еще одним неисследованным эпизодом Первой мировой войны является привлечение по реквизиции освобожденных от воинской повинности аборигенов, в том числе в Сибири. На основании высочайшего повеления от 25 июня 1916 г. распоряжениями военного министерства они должны были быть «назначены» в казенные и частные учреждения и предприятия, «работающие для нужд государственной обороны». Только количество реквизи-

рованных по этому нормативному акту бурят, отправленных в Тверскую, Вологодскую, Могилевскую и Архангельскую губернии, в частности в Архангельский порт, составило 20 878 человек [30. С. 137].

Поскольку общая мобилизация 18 июля – 1 августа и кампания 1914 г. «съели» практически весь подготовленный контингент резервистов (более 5 млн), пополнение армии в последующем осуществлялось за счет призыва лиц, достигших 20-летнего возраста, а также ратников ополчения 1-го и 2-го разрядов, которых к прохождению воинской службы ранее не привлекали. Их направляли в запасные полки и после соответствующей подготовки в течение 6–12 недель в составе маршевых рот (250 человек) отправляли в действующую армию. Только из Омского ВО в 1914–1915 гг. ежемесячно вывозили по 25 тыс. человек (по 100 маршевых рот) из примерно 300 тыс. человек, поглощаемых фронтом. В 1916 г. этот показатель составил 15 тыс. человек (62 маршевые роты) [8. № 6. С. 41; 31. № 4. С. 7].

Как и насколько эффективно осуществлялась эта подготовка, учитывая, что курс молодого солдата призванные в мирное время осваивали 4 месяца, мы не знаем, поскольку вопрос практически не изучался. В порядке его постановки отметим, что основной структурой, занимавшейся этим, являлся запасной стрелковый полк, подобный 38-му, состоявший из 10–12 рот численностью 250–500 человек каждая и учебной команды для подготовки младшего командного состава (ефрейторов и унтер-офицеров). Суть подготовки новобранцев командующий Омским военным округом генерал от кавалерии Н. А. Сухомлинов в приказе от 28 августа 1915 г. определял следующим образом: «Вновь напоминаю, что для действующей армии необходимы одиночные бойцы, умеющие хорошо стрелять, колоть штыком, применяться к местности, преодолевать препятствия, вести разведку и нести сторожевую службу» [25. Л. 202].

Исходя из этого, обучение организовывалось по жесткому расписанию от подъема в 5 часов утра до отбоя в 22.00, в том числе и в воскресенье. Расписание занятий личного состава двух рот полка с 3 по 9 августа показывает, что отрабатывались подготовительные упражнения к стрельбе и уклады чучела, самоокапывание, ружейные приемы, строевое охранение; изучались присяга, обязанности часового и подчаска, чинопочитание, правила воинской вежливости и составления донесения. Солдатам объяснялись символика знамени и система наград за боевые подвиги, обязанности и назначение солдата, наказания и последствия сдачи в плен, приводились примеры доблестного исполнения воинского долга в прежние и настоящую войны. Обязательными были практические стрельбы. Утренние и послеобеденные занятия заканчивались проверкой выправки и отдания чести продолжительностью 20–25 минут [25. Л. 7–8]. Курсанты учебной команды после завершения курса обучения сдавали экзамены на знание уставов (строевого пехотного, дисциплинарного, полевой, внутренней и гарнизонной службы и пр.), норм денежного и вещевого довольствия, топографии, наставления по самоокапыванию и сбережению здоровья, проверку тактической и полевой подготовки. Успешно окончившие обучение производились в ефрейторы, а наиболее отличившиеся «за хорошее поведение и твердое знание службы переименовывались в

младшие унтер-офицеры» [28. Л. 59]. Все принимали присягу и в составе маршевых рот отправлялись в действующую армию.

Подготовку новобранцев осуществляли унтер-офицеры, фельдфебели из постоянного состава полка и офицеры. Всего в штате части на 1 сентября 1915 г. числилось 38 офицеров и военных чиновников, в том числе уже упоминавшийся подполковник Доброхотов, 31 прапорщик, 2 зауряд-прапорщика, 1 старший врач, 1 младший врач, 2 зауряд-военных чиновника [25. Л. 193–193 об.]. Младшие офицеры в основном окончили 1-ю и 2-ю Иркутские школы прапорщиков. В литературе утвердилось негативное отношение к этим учебным заведениям – за три-четыре месяца обучения нельзя было подготовить полноценного командира. Будущий атаман, во время войны есаул Г.М. Семенов квалифицировал их как «суррогат офицеров, который ни по своей подготовке, ни по воспитанию не подходил к предназначенной ему роли. Офицеры военного времени, т.е. офицеры поневоле, естественно, не могли иметь должного авторитета в глазах солдата, не имея сколько-нибудь удовлетворительных военных знаний. Многие из них вышли из среды революционно настроенной русской общественности и свою роль понимали довольно своеобразно, внедряя в головы подчиненной им массы освободительные идеи революционной догматики» [32. С. 53].

Однако эти прапорщики из числа студентов, инженеров, учителей успешно справлялись со свалившимися на их плечи нелегкими задачами подготовки солдат из числа сибирских крестьян. Как правило, маршевые роты, подготовленные ими, получали положительную оценку фронтовиков. Так, из «Краткого отчета об осмотре 72-й маршевой роты 38-го Сибирского запасного полка, прибывшей на укомплектование 244-го пехотного Красноставского полка из Томска» от 8 декабря 1916 г. следует, что в ней «нижних чинов действительной службы 166 чел., ратников 1 разряда 23, ратников 2 разряда 28 и запасных 3. Сроков службы 1916, 1917 и 1918 гг. и ратники 1903, 1904 и 1905 гг. Уроженцы Томской губ. Срок обучения 9 недель. Стрельб произведено: одиночной подготовительной 3 упражнения и одиночной боевой 2 упражнения. Боевая подготовка: обязанности стрелка в рассыпном строю знают удовлетворительно, наводка со станка и установка прицела правильная. Штыковому бою обучены удовлетворительно, рассыпание в цепь, перебежки и применение к местности удовлетворительны. Сторожевая и дозорная службы удовлетворительны. С действием лопаты в бою ознакомлены. Строевая подготовка: стойка, ружейные приемы и повороты усвоены удовлетворительно. Шаг вялый, колка чучела удовлетворительная. Обмундирование: шинели суконные хорошего качества. Шаровары исправны. Снаряжение хорошего качества. Теплые и годовые вещи выданы всем и хорошие, а сапог негодных к носке 146 пар. Жалоб заявлено не было. Общее заключение: строевая и боевая подготовка роты комиссией найдена удовлетворительной» [33. Л. 86].

Слабо исследованным, но в то же время наиболее дискуссионным является вопрос об отношении воинов-сибиряков к войне и военной службе, состоянии воинской дисциплины в запасных полках, в изучении которого явно преобладала негативная оценка воспитательной работы в тыловых гарнизонах.

С одной стороны, с точки зрения инспектирующих положение дел в этой сфере было благополучным. Так, командующий Омского ВО генерал Н.А. Сухомлинов, проинспектировав запасные батальоны в Томске, в приказе от 21 августа 1915 г. отметил: «Во всех батальонах люди выглядят молодцами, особенно прошедшие 3- и 4-недельное обучение. Молодые солдаты, прибывшие всего 2–3 дня тому назад, уже имеют воинскую выправку, хорошо отвечают на приветствие. Вид людей здоровый, веселый. Ответы дают спокойно, разумно. Видна работа начальствующих лиц и сердечное отношение к нижним чинам. Обучение в общем поставлено вполне правильно и идет успешно... В общем батальоны представились хорошо, видна усиленная офицерская работа и забота начальствующего состава» [25. Л. 158–159].

С другой стороны, как видно из воспроизведенного выше расписания занятий, не предусматривалось бесед относительно характера войны, разъясняющих ее официальную трактовку как отечественную, справедливую. Призванный в армию офицер запаса, впоследствии выдающийся философ русского зарубежья Ф.А. Степун так отзывался о своих подчиненных по батарее 12-я Сибирской артиллерийской бригады, сформировавшейся осенью 1914 г. в Иркутске: «Однажды, будучи дежурным по бригаде, я разговорился у коновязи с группой «стариков» – за уборкой лошадей солдаты-крестьяне невольно становились откровеннее. Вопросы сыпались один за другим: «И с чего это немец нам войну объявил, ваше благородие?», «А далеко ли до немца ехать?», «Крещенный ли немцы народ или как турки, нехристи?», «Может быть, они с того на рожон лезут, что жить им тесно, с хорошей жизни на штык не полезешь, так нельзя ли от них откупиться?»... В первом откровенном разговоре со своими батарейцами я, к своему величайшему удивлению, заметил, что большинству из них война, правильная война, представлялась чем-то вроде крестового похода. Очевидно, такое представление поддерживалось в них, с одной стороны, церковною молитвою о благоверном императоре и «христоролюбивом воинстве», а с другой – солдатскими песнями, связанными с воспоминаниями о турецких походах. Мое сообщение, что немцы христиане, а больше трети из них католики, то есть христиане, каждое воскресенье обязательно ходящие в церковь, крестьящиеся в ней и становящиеся на колени, совершенно сбило моих собеседников с толку, так как явно не вязалось с их представлением о враге – турке и японце... Нельзя сказать, чтобы сибирские крестьяне не были патриотами. Свою Россию они любили, и главное, крепко верили в ее мощь, но их своеобразный крестьянский патриотизм носил скорее хозяйственный, чем государственный характер. Сколько раз слышал я в Карпатах общесолдатское мнение: «Да зачем нам, ваше благородие, эту Галицию завоевывать, когда пахать неудобно». Несмотря на такую гражданскую неподготовленность к войне, бригада воевала на славу» [34. С. 269–271].

Отдельные факты, которыми я располагаю, опровергают сложившийся в историографии стереотип о негативном отношении призванных в армию сибиряков и массовых их протестных акциях антивоенного характера в период пребывания в запасных полках и по пути на фронт. Подобные явления носили единичный характер и вообще типичны для любой армии, формируемой на основе всеобщей воинской повинности, включая советскую и современ-

ную российскую. Действительно, были случаи дезертирства, и жандармы, например, сообщали, что 7 ноября 1915 г. «при проследовании воинского поезда с маршевыми ротами 25-го Сибирского запасного батальона через разъезд Сураново Томской ветки, прапорщиками Михайловским и Филипповским, находившимися в составе эшелона, было произведено несколько выстрелов по самовольно отлучившимся и убегавшим от эшелона нижним чинам, коими убит один и ранены: один в колено, другой в кисть руки и стоящая у своего дома местная крестьянка – в ногу с раздроблением кости. Пострадавшим своевременно оказана медицинская помощь. Эшелон проследовал спокойно» [35. Л. 2].

Имели место самовольные отлучки, неявки на призывные участки, пьянство, неподчинение командирам, но они не носили массового и системного характера. Ситуацию с отставшими от воинских эшелонов в какой-то степени проясняют материалы дознания, произведенные прапорщиком Смирновым по приказу коменданта г. Вязьмы 5 января 1917 г. по поводу «доставленного без документов, который назвал себя рядовым 11-й роты 38-го Сибирского запасного полка Федором Тимофеевым Бокутиным срочной службы досрочного призыва 1918 года, происходящего из крестьян Каинского уезда Булатовской волости, деревни Оселок-Васильевский, православного, грамотного, холостого». Арестованный признался, что «самовольно от своего эшелона и от своей роты отлучился в гор. Вязьму к своей сестре на Духовщинской улице, где пробыл два дня. 5 января я выехал от своей сестры и направился на станцию, [где] меня задержали военно-полицейские патрули» [24. Л. 69].

Факты такого рода отлучек, а именно так квалифицируется в документе подобное деяние, были достаточно распространенными. Например, согласно рапорту сопровождавшего офицера от 13 января 1917 г. в процессе следования в действующую армию из личного состава 72-й маршевой роты (250 человек) 38-го полка один солдат отстал на станции Новониколаевск, двое на станции Татарской, причем «все трое вернулись в полк». Из личного состава пяти маршевых рот (1250 человек) до пункта назначения – станции Ржев не доехали (отстали) 15 человек, из которых трое до подписания акта приема явились к коменданту станции, и «им были направлены прямо на фронт» [33. Л. 30–31 об., 97]. Более того, командирам маршевых рот запасного полка прапорщикам Сафонову, Грудачеву, Расторгуеву инкриминировалось, что «во время пути следования эшелона [они] проводили нижних чинов через оцепление и отпускали их домой, отчего было в пути 22 самовольно отлучившихся нижних чина, из которых нагнали эшелон 14 человек» [33. Л. 44].

Таким образом, осуществленный нами краткий анализ ситуации в сфере военной составляющей истории Первой мировой войны на региональном (Сибирь) уровне показывает насущную необходимость развертывания систематического исследования в этой области.

Литература

1. *Строков А.А.* История военного искусства. Капиталистическое общество периода империализма (до конца первой мировой войны 1914–1918 гг.). – М.: Воениздат, 1967. – 711 с.
2. *История СССР с древнейших времен до наших дней.* Сер. 1: с древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической Революции. – М.: Наука, 1966–1968. – Т. 1–6.
3. *Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период.* – Новосибирск: Наука, 1982. – 459 с.
4. *Крестьянство Сибири в эпоху капитализма.* – Новосибирск: Наука, 1983. – 396 с.
5. *Ларьков Н.С.* Начало гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. – 252 с.
6. *Иконникова Т.Я.* Дальневосточный тыл России в годы первой мировой войны. – Хабаровск: Изд-во Хабар. гос. пед. ун-та, 1999. – 365 с.
7. *Фабрика Ю.А.* Сибирский щит: (Становление сибирского воинства и военные деятели Сибири). – Новосибирск: Новосиб. полиграфкомбинат, 2001. – 249 с.
8. *Фабрика Ю.А.* Новониколаевск и его жители в Первой мировой войне 1914–1918 гг. // Воен.-ист. журн. – 2010. – № 6. – С. 41–45.
9. *Рацупкин Ю.М.* Иркутский военный округ во второй половине XIX – начале XX веков: формирование, специфика, деятельность. – Иркутск: Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2003. – 208 с.
10. *Горелов Ю.П.* Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003. – 388 с.
11. *Еремин И.А.* Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005. – 276 с.
12. *Шишкина С.Ю.* Война и общественные настроения: 1914 г. (на материалах Тобольской губернии) // Тюменский исторический сборник. – Тюмень, 2000. – Вып. 4. – С. 53–61.
13. *Новиков П.А.* Восточно-сибирские стрелки в Первой мировой войне. 2, 3 и 7-й Сибирские армейские корпуса в 1914–1918 гг. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. – 275 с.
14. *Симонов Д.Г., Шиловский М.В.* Первая мировая война // Историческая энциклопедия Сибири. – Новосибирск, 2010. – Т. 2. – С. 597–601.
15. *Храмков А.А.* Крестьянские волнения в Томской губернии в дни всеобщей мобилизации в июле 1914 г. // Сборник научно-исследовательских работ кафедр общественных наук. – Томск, 1958. – С. 28–40.
16. *Горюшкин Л.М.* Крестьянское движение в Сибири в годы первой мировой войны // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. – 1979. – №11, вып. 3. – С. 95–102.
17. *Еремин И.А., Кижасева Т.А.* Алтай в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // История Алтайского края XVIII–XX вв.: научные и документальные материалы. – Барнаул, 2005. – С. 225–237.
18. *Храмков А.А.* Так были ли волнения запасных в Томской губернии в июле 1914 г. пьяным бунтом? // Актуальные вопросы истории Сибири. Восьмые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. – Барнаул, 2011. – С. 163–166.
19. *Шиловский М.В.* Массовые беспорядки среди мобилизованных в Сибири во второй половине июля 1914 г. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – № 1. – С. 84–88.
20. *Серебренников И.И.* Претерпев судеб удары: Дневник 1914–1918 гг. – Иркутск: Изд-во Сапронов, 2008. – 592 с.
21. *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).* ДПОО. – 4-е делопроизводство. – 1914.
22. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. – М.: Мысль, 1991. – 205 с.
23. *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне // Воен.-ист. журн. – 1993. – № 1–2, 4, 6–7, 10–11.
24. *Государственный архив Новосибирской области (ГАО).* – Ф. Д-132. – Оп. 1. – Д. 5.
25. *ГАО.* – Ф. Д-132. – Оп. 1. – Д. 1.
26. *ГАО.* – Ф. Д-132. – Оп. 1. – Д. 21.
27. *Изонов В.В.* Подготовка русской армии накануне первой мировой войны // Последняя война Российской империи. – М., 2006. – С. 165–173.
28. *ГАО.* – Ф. Д-132. – Оп. 1. – Д. 2.
29. *ГАО.* – Ф. Д-78. – Оп. 1. – Д. 168.
30. *Штаер Н.Ю.* Реквизиция бурят на тыловые работы в годы Первой мировой войны // Материалы 51-й Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: История. – Новосибирск, 2013. – С. 137–138.

31. Смирнов А.В., Мазаник Т.А. Правовое регулирование подготовки мобилизации людских ресурсов в дореволюционной России // История государства и права. – 2013. – № 4. – С. 2–9.
32. Семенов Г.М. О себе: воспоминания, мысли и выводы. – М.: АСТ, 1999. – 316 с.
33. ГАНО. – Ф. Д-132. – Оп. 1. – Д. 35.
34. Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. – СПб.: Алетея, 2000. – 644 с.
35. ГАРФ. – ДПОО. – 4-е делопроизводство. – 1915. – Д. 77. – Ч. 4.

Статья поступила 2 сентября 2013 г.

Shilovskiy Mikhail V., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

WORLD WAR I AND SIBERIA (MILITARY ASPECTS): SEARCH FOR NEW APPROACHES.

Key words: World War I, reserve unit, march company, conscript, militiaman.

Next year the world will mark the centenary of the World War I, which had a significant impact on the social, economic and political development of Russia and Siberia. However the researchers have been focused for the most part on the War's economic and social implications for the region. The military aspects of this phenomenon (mobilization, participation of Siberian formations (army corps) in combat operations, personnel reinforcements in reserve units of the Omsk and Irkutsk military districts, social appearance of Siberian soldiers) have been viewed one-sidedly, preconceived or neglected at all. Having evaluated the current state of research in the above mentioned issues, the author introduces new sources for scientific use and comes to a conclusion that mass protests of mobilized soldiers in the second half of July, 1914, occurred for many reasons (mistakes and lack of professionalism on the part of the authorities; peasants' negative attitude towards military service, re-settlers' involvement into mass riots etc.). The majority of Siberian soldiers mobilized in 1914–1916 were semi-literate or illiterate peasants, mostly unmarried, involved in agriculture. Military training of conscripts and militiamen was conducted during 9–12 weeks in reserve units under the guidance of junior command personnel and military officers (ensigns). Conscripts used to be absent without permission and get drunk, they failed to appear at recruiting stations and fulfill officers' orders, but these violations were not massive, at least before 1917.

References

1. Stokov A.A. Istorii voennogo iskusstva. Kapitalisticheskoe obshchestvo perioda imperializma (do kontsa pervoi mirovoi voiny 1914–1918 gg.). – М.: Voenizdat, 1967. – 711 s.
2. Istorii SSSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Ser. 1: s drevneishikh vremen do Velikoi Oktiabr'skoi Sotsialisticheskoi Revoliutsii. – М.: Nauka, 1966–1968. – Т. 1–6.
3. Rabochii klass Sibiri v dooktiabr'skii period. – Novosibirsk: Nauka, 1982. – 459 s.
4. Krest'ianstvo Sibiri v epokhu kapitalizma. – Novosibirsk: Nauka, 1983. – 396 s.
5. Lar'kov N.S. Nachalo grazhdanskoi voiny v Sibiri: Armii i bor'ba za vlast'. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1995. – 252 s.
6. Ikonnikova T.Ia. Dal'nevostochnyi tyl Rossii v gody pervoi mirovoi voiny. – Khabarovsk: Izd-vo Khabar. gos. ped. un-ta, 1999. – 365 s.
7. Fabrika Iu.A. Sibirskii shchit: (Stanovlenie sibirskogo voinstva i voennye deiateli Sibiri). – Novosibirsk: Novosib. poligrafkombinat, 2001. – 249 s.
8. Fabrika Iu.A. Novonikolaevsk i ego zhiteli v Pervoi mirovoi voine 1914–1918 gg. // Voen.-ist. zhurn. – 2010. – № 6. – С. 41–45.
9. Rashchupkin Iu.M. Irkutskii voennii okrug vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov: formirovanie, spetsifika, deiatel'nost'. – Irkutsk: Vost.-Sib. in-t MVD Rossii, 2003. – 208 s.
10. Gorelov Iu.P. Sibiriaki na zashchite Otechestva v voinakh nachala XX veka. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2003. – 388 s.
11. Eremin I.A. Tomskaya guberniia kak tylovai raion Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1918 gg.). – Barnaul: Izd-vo BGPU, 2005. – 276 s.
12. Shishkina S.Iu. Voina i obshchestvennye nastroyeniia: 1914 g. (na materialakh Tobol'skoi gubernii) // Tiimenskii istoricheskii sbornik. – Tiumen', 2000. – Vyp. 4. – С. 53–61.
13. Novikov P.A. Vostochno-sibirskie strelki v Pervoi mirovoi voine. 2, 3 i 7-i Sibirskie armeiskie korpusa v 1914–1918 gg. – Irkutsk: Izd-vo IrGTU, 2008. – 275 s.

14. *Simonov D.G., Shilovskii M.V.* Pervaia mirovaia voina // Istoricheskaia entsiklopediia Sibiri. – Novosibirsk, 2010. – T. 2. – S. 597–601.
15. *Khramkov A.A.* Krest'ianskie volneniia v Tomskoi gubernii v dni vseobshchei mobilizatsii v iiule 1914 g. // Sbornik nauchno-issledovatel'skikh rabot kafedr obshchestvennykh nauk. – Tomsk, 1958. – S. 28–40.
16. *Goriushkin L.M.* Krest'ianskoe dvizhenie v Sibiri v gody pervoi mirovoi voiny // Izv. SO AN SSSR. Ser. obshchestv. nauk. – 1979. – №11, vyp. 3. – S. 95–102.
17. *Eremin I.A., Kizhaeva T.A.* Altai v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1918 gg.) // Istoriiia Altaiskogo kraia XVIII–XX vv.: nauchnye i dokumental'nye materialy. – Barnaul, 2005. – S. 225–237.
18. *Khramkov A.A.* Tak byli li volneniia zapasnykh v Tomskoi gubernii v iiule 1914 g. p'ianym buntom? // Aktual'nye voprosy istorii Sibiri. Vos'mye nauchnye chteniia pamiati prof. A.P. Borodavkina. – Barnaul, 2011. – S. 163–166.
19. *Shilovskii M.V.* Massovyie besporiadki sredi mobilizovannykh v Sibiri vo vtoroi polovine iiulia 1914 g. // Gumanitarnye nauki v Sibiri. – 2013. – № 1. – S. 84–88.
20. *Serebrennikov I.I.* Preterpev sudeb udary: Dnevnik 1914–1918 gg. – Irkutsk: Izd-vo Sapronov, 2008. – 592 s.
21. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF).* DPOO. – 4-e deloproizvodstvo. – 1914.
22. *Denikin A.I.* Ocherki russkoi smuty. – M.: Mysl', 1991. – 205 s.
23. *Golovin N.N.* Voennye usiliia Rossii v mirovoi voine // Voenn.-ist. zhurn. – 1993. – № 1–2, 4, 6–7, 10–11.
24. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti (GANO).* – F. D-132. – Op. 1. – D. 5.
25. *GANO.* – F. D-132. – Op. 1. – D. 1.
26. *GANO.* – F. D-132. – Op. 1. – D. 21.
27. *Izonov V.V.* Podgotovka russkoi armii nakanune pervoi mirovoi voiny // Posledniaia voina Rossiiskoi imperii. – M., 2006. – S. 165–173.
28. *GANO.* – F. D-132. – Op. 1. – D. 2.
29. *GANO.* – F. D-78. – Op. 1. – D. 168.
30. *Shtaer N.Iu.* Rekvizitsiia buriat na tylovye raboty v gody Pervoi mirovoi voiny // Materialy 51-i Mezhdunarodnoi nauchnoi studencheskoi konferentsii «Student i nauchno-tekhnicheskii progress»: Istoriiia. – Novosibirsk, 2013. – S. 137–138.
31. *Smirnov A.V., Mazanik T.A.* Pravovoe regulirovanie podgotovki mobilizatsii liudskikh resursov v dorevoliutsionnoi Rossii // Istoriiia gosudarstva i prava. – 2013. – № 4. – S. 2–9.
32. *Semenov G.M.* O sebe: vospominaniia, mysli i vyvody. – M.: AST, 1999. – 316 s.
33. *GANO.* – F. D-132. – Op. 1. – D. 35.
34. *Stepun F.A.* Byvshee i nesbyvsheesia. – SPb.: Aleteiia, 2000. – 644 s.
35. *GARF.* – DPOO. – 4-e deloproizvodstvo. – 1915. – D. 77. – Ch. 4.

НАУЧНЫЕ ПРОЕКТЫ

**«Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности
и социальной адаптации в истории и современности»:
научно-исследовательский проект
Томского государственного университета**

Уважаемые коллеги!

Начиная с этого номера журнала, мы будем представлять основные направления работы проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности», осуществляющегося сотрудниками исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (НИ ТГУ). Проект необычен, по крайней мере, по трем основаниям.

Во-первых, это победитель крупнейшего в стране открытого конкурса на получение грантов Правительства Российской Федерации для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых в российских образовательных учреждениях высшего профессионального образования (грант № 14.В25.31.0009). Сотрудники созданной по условиям проекта Лаборатории социально-антропологических исследований будут работать в 2013–2015 гг. над решением блока как академических, так и прикладных проблем развития современного общества. Важными задачами проекта являются создание устойчивых связей Томского университета с ведущими мировыми научными школами и стимулирование притока молодежи в гуманитарные сферы образования и науки.

Во-вторых, это не только научный, но также и образовательный проект. В его задачи входит разработка образовательных программ по направлению «антропология и этнология» с целью высокопрофессиональной подготовки как бакалавров и магистров, так и научных работников более высокой квалификации.

Уже на начальном этапе осуществления проекта его участниками был разработан полный комплект образовательных программ по данной специальности. Большая часть запланированных лекционных курсов будет впервые представлена в ТГУ. Важность этого начинания трудно переоценить. Хорошо известно, что Томский университет, даже при отсутствии специализированной кафедры этнографии, как еще недавно было принято называть эту дисциплину, с 60-гг. XX в. является одним из ведущих центров подготовки специалистов-этнологов, с успехом работающих сейчас во многих академических и вузовских научных центрах Западной Сибири. «Голод» на специалистов в области социальной антропологии ощущается сейчас во всей России. Мы полагаем, что реализация данного проекта будет содействовать решению этой проблемы.

И наконец, в-третьих, это проект – в силу сложности поставленных коллективом задач – интердисциплинарный. Целью его является изучение проблем формирования и трансформации идентичностей и социальной адаптации человека в условиях модернизации и глобальных социальных потрясений. И хотя это изучение предполагается вести в основном на сибирских материалах – Сибирь, как мы все хорошо знаем, является территорией исторически полиэтнической, многоконфессиональной, урбанистической, со сложным сочетанием образов жизни, стилей поведения и социально-экономических укладов, – мы рассчитываем осуществлять наш анализ в контексте мировых процессов. Чтобы успешно решать поставленные задачи, нам потребуется привлечение широкого круга зарубежных и российских специалистов как в области антропологии (понимаемой максимально широко как совокупность социальной/культурной антропологии, физической, или биологической, антропологии, археологии или, если угодно, этноархеологии, а также лингвистической антропологии, включая исследования фольклора), так и собственно истории, социологии и ряда иных обществоведческих и гуманитарных дисциплин.

Мы рассчитываем на углубление и развитие наших многолетних контактов с крупнейшими российскими научными и образовательными центрами, к числу которых, безусловно, относятся и Институт этнологии и антропологии РАН, и факультет этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, и ряд иных специализированных научных коллективов, давно и плодотворно работающих в области социальной антропологии. И мы также будем стремиться к расширению контактов с зарубежными коллегами. Собственно, проект изначально позиционировал себя как международный: в его наблюдательный совет согласились войти крупнейшие этнологи США, Швеции, Германии, Австрии, Франции.

Специфика проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» может быть сформулирована и более кратко. Речь идет о создании в ходе реализации проекта научной лаборатории, в нашем случае лаборатории (а в перспективе кафедры) социальной антропологии мирового уровня. Мирового – и по научному уровню работающих в ней специалистов, и по степени сложности стоящих и решаемых задач.

Представляя в этом номере лишь три подпроекта, три из почти десятка заявленных направлений исследований, мы рассчитываем не только на продолжение этой серии публикаций, но и, разумеется, на заинтересованное обсуждение со стороны коллег как на начальной стадии реализации проекта, так и в ходе публикации получаемых нами результатов.

Д.А. Функ,

руководитель проекта, д-р ист. наук, проф., заведующий кафедрой этнологии Московского государственного университета, главный научный сотрудник Лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета

И.В. Нам,

д-р ист. наук, проф. кафедры современной отечественной истории, заведующая Лабораторией социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета

УДК 94(47)

В.Н. Кудряшев

ИДЕЯ РУССКОЙ НАЦИИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.: ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

В статье осуществлена постановка исследовательских задач в рамках проекта «Проблемы национальной идентичности в общественно-политической мысли России второй половины XIX в.». В качестве рабочей гипотезы определен детерминирующий характер русской национальной идентичности в отношении так называемого «национального вопроса», в рамках которого не только определялись важнейшие идентификационные маркеры, но и перспективы развития России. В зависимости от вкладываемого в понятие «русская нация» этнического или политического содержания устанавливались формат национально-государственного устройства России, принципы национальной политики и межнациональных отношений.

Ключевые слова: национальная идентичность, этническая идентичность, гражданская идентичность, нация, национальный вопрос, общественно-политическая мысль.

Постановка проблемы. В 1990-е гг. Россия вступила на путь радикальной модернизации и в настоящее время переживает очередную историческую трансформацию. Среди наиболее значимых проявлений этого процесса важное место занимает смена парадигмы основных коллективных и личностных идентичностей в российском обществе, в том числе национальной.

В последние годы существования Советского Союза заметно ослабевает роль государства в формировании идентичности. В условиях всеобщего кризиса начинается дезинтеграция единого идеологического и социокультурного пространства, бывшего основой проекта формирования наднациональной общности «советский народ». Затем происходит распад государства, сопровождавшийся коренным изменением политических границ, возникновением новых государств, стремящихся подтвердить свой суверенитет. Изменился вектор политического, социально-экономического, социокультурного развития, привычные механизмы социализации были разрушены в ходе демонтажа прежних институтов. В этих условиях становится неизбежной острая актуализация национальной идентичности, поиск парадигмы которой в России происходит в русле нахождения компромисса между гражданским и этническим выражением.

Все сказанное обуславливает востребованность ретроспективного исследования генезиса представлений о русской национальной идентичности и ее месте в российском национальном дискурсе.

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009).

Цель анонсируемого исследовательского проекта – определить влияние представления о русской нации на сущность и содержание концепций и проектов решения национального вопроса, предлагавшихся сторонниками различных течений русской общественно-политической мысли, и выявить основные направления их корректировки под влиянием конкретно-исторических обстоятельств.

Для реализации данной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

- выявить особенности представления о национальной идентичности в интерпретации различных течений русской общественно-политической мысли второй половины XIX в.;
- показать соотношение этнической, религиозной и гражданской идентичности в русском национальном дискурсе;
- изучить процесс выработки в русской мысли важнейших национальных маркеров и идентификаторов и их трансформации;
- охарактеризовать влияние европейской интеллектуальной традиции на развитие идеи русской национальной идентичности;
- определить роль и значение идеи национальной идентичности в перспективных проектах русской интеллектуальной элиты будущего национально-государственного устройства и развития межнациональных отношений Российской империи.

Объектом исследовательского проекта выступает русская общественно-политическая мысль второй половины XIX в., актором которой являлась интеллектуальная элита. Будучи производной от общественного сознания, общественно-политическая мысль реализуется в системе теоретических идей и концепций, направленных на оптимизацию государственного устройства России с учетом его полиэтничности, и выстраивание определенного, закрепленного в правовой системе формата межнациональных отношений.

Предмет исследования – теоретические установки представителей различных направлений русской общественно-политической мысли, определявшие принципиальные подходы к национальной самоидентификации и отраженные в дискуссиях второй половины XIX в.

Хронологические рамки исследования охватывают вторую половину XIX в. Именно в этот период закладывались доктринальные основы позиций по национальному вопросу всех направлений общественно-политической мысли России. Избранные хронологические рамки позволяют проследить выработку национальных идентификаторов наиболее яркими представителями российской общественно-политической мысли и выявить, во-первых, механизм перехода индивидуальной позиции в общественную мысль; во-вторых, основные подходы в национальной политике, ставшие особенно актуальными в начале XX в. в связи с изменениями в политической жизни и формированием политических партий и движений.

Изученность темы. Многие значимые аспекты обсуждения проблем национальной идентичности в русской общественно-политической мысли еще в конце XIX в. стали объектом научных исследований. При этом следует отметить сосредоточенность дореволюционных, советских, эмигрантских и современных исследователей на локальных аспектах темы. Как правило, вопро-

сы национальной идентичности затрагивались ими при изложении взглядов тех или иных мыслителей и публицистов. Своеобразная «локальность» присутствует и при избрании территориальных рамок исследований, когда, например, рассматриваются взаимоотношения русского народа с одним из народов Российской империи и возникающий в результате конфликт идентичностей («польский вопрос», «еврейский вопрос» и т.д.).

Заметна неравномерность в освещении взглядов представителей разных течений общественной мысли. При обращении к проблемам поиска национальной идентичности традиционно большее внимание уделялось освещению позиций представителей славянофильского и государственно-консервативного течений, либеральная и социалистическая точка зрения рассматривалась в меньшей степени. Стоит отметить заметную активизацию усилий исследователей в последние два десятилетия, но одновременно приходится констатировать сохранение тенденции к фрагментарности в изучении проблемы. Специальных трудов, где бы комплексно анализировались все аспекты и элементы формирования национальной идентичности у всех представителей русской общественно-политической мысли XIX в., нет, что является дополнительным аргументом в пользу актуальности и научной значимости данного исследования.

Источники и методы. Для решения поставленных задач используется обширный комплекс источников. В зависимости от характера содержащейся в источниках информации можно выделить: научные труды, политическую публицистику, документы и материалы политических организаций, мемуары, дневники, письма.

Специфика объекта исследования обусловила приоритет в источниковом комплексе трудов представителей различных течений общественно-политической мысли России.

Наиболее многочисленную группу источников составляют статьи в периодических изданиях различных направлений: государственно-консервативного («Русский вестник», «Русское обозрение», «Московские ведомости», «Гражданин», «Новое время»), славянофильского («Русская беседа», «Молва», «День», «Москва», «Москвич», «Русь» «Благовест», «Русское дело»), либерального («Русское богатство», «Вестник Европы», «Отечественные записки»), народнического («Народная воля», «Вперед», «Набат», «Община»), марксистского («Социал-демократ»). Наличие революционных организаций делает одним из важных источников их программные и организационные документы.

Большой интерес представляет переписка общественных деятелей и мыслителей XIX в., обращение к которой позволяет лучше понять их действительное мнение, не ограниченное цензурой, личностные качества, взаимоотношения. В ходе подготовки исследования предстоит изучить как опубликованные, так и неопубликованные письма из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ).

Национальный дискурс, по признанию большинства исследователей в европейской и, с некоторым отставанием, в российской интеллектуальной традиции, формировавшийся под воздействием бурных национальных процессов в Европе конца XVIII – начала XIX в., изначально сосредоточился на определении принципов взаимодействия нации и государства. В нем отчетливо определились два направления в теоретико-методологических подходах к важнейшим понятиям, в том числе понятию «нация», ставшему основой национальной идентификации. Оно рассматривалось как:

1) отношение, известное под названием «гражданство», в рамках которого нацию составляет коллективный суверенитет, основанный на общем политическом участии;

2) отношение, известное как этничность, в рамках которого в нацию включаются все те, кого предположительно связывают общий язык, история или культурная идентичность в более широком понимании [1. С. 298; 2. С. 33–43].

Этническая и национальная идентичности сосуществуют как две зачастую конкурирующие формы групповой идентичности: для одной решающим фактором является культурная общность, для другой — политическая (государственная). На это обращала внимание К. Вердери, отмечая, что «нация» обозначает отношение между государством (реально существующим или тем, которое надеются обрести в будущем) и его якобы однородными подданными. Образ родства, если не биологического, то культурного, распространяется на уровень государства. Этничность же не подразумевает подобного общегосударственного измерения [1. С. 297–298].

Чаще всего различия между этнической и национальной самоидентификацией личности сводятся к тому, что первая рассматривается как данная от рождения, а вторая — как результат осознанного выбора и действий. «Нация в отличие от этноса... это то, что дано мне не фактом моего рождения, а моими собственными усилиями и личным выбором. Этнос я не выбираю, а нацию — выбираю, могу выбрать... Нация — это государственная, социальная, культурная принадлежность индивида, а не его антропологическая и этническая определенность» [3. № 5–6. С. 16].

Подобным образом указанные отличия реализуются и на уровне социумов. Здесь также национальная идентичность предполагает определенную ментальную установку, ощущение индивидом в сильной или слабой степени своей принадлежности к крупному социополитическому образованию (обычно государству). Как отмечал Ю. Хабермас, понятие гражданства развивается из понятия самоопределения или суверенитета народа, не зависящего от этнической идентичности [4. С. 370]. Гражданство, в отличие от этнической принадлежности, основанной на общности происхождения, традиций и языка, характеризует такую идентичность, которая свидетельствует о наличии политической целостности и суверенитета народа. Оно не наследуется от рождения и не передается как родовое состояние, а приобретает демократическим путем и на основе свободного волеизъявления.

Гражданство у Ю. Хабермаса является более широким по смыслу, чем традиционное юридическое «подданство», т.е. принадлежность определенных лиц к данному государству, существование которого признается между-

народным правом. Такое членство в государстве определяется в первую очередь принципом добровольности, а уже потом местом проживания и рождения [5. С. 200].

В целом сосуществование данных идентичностей отражает наличие двух наиболее значимых форм социальной группировки людей – этнической и государственной, между ними существуют сложные взаимосвязи, взаимопересечения, а иногда и взаимоисключения, и каждая из этих идентичностей – многомерное явление. Рассмотренный подход требует исследования взаимодействия и, возможно, конфликтов этносов и государства, особенно усложняющегося в условиях полиэтнических государств. Он весьма актуален при исследовании национальных проблем России XIX в. в силу популярности в русской общественно-политической мысли идеи: одна российская нация (политическая) – много народностей. Таким образом, русский национальный дискурс приобретает многомерный характер. В его рамках следует различать определение в русской мысли маркеров этнической идентичности русских и их национальной (политической) идентичности как комплекса отношений с государством и другими народностями в рамках единого государства.

Противостояние двух принципиальных подходов к феномену нации в национальном дискурсе XX в. привело к появлению концепций генетической расположенности народов к одному из вариантов национального развития [6. С. 73–75]. Адекватность данного подхода была поставлена под сомнение Р. Брубейкером, назвавшим его манихейской теорией о существовании двух типов национализма: хорошего – гражданского и плохого – этнического и соответствующих им двух концепций наций, также содержащих оценки «плохая» – «хорошая». Он не согласился с ориенталистской оценкой восточноевропейского национализма как обреченного на этническое содержание и западного как исключительно гражданского [7. Вып. 2. С. 263–264]. Данная методология содержит изначальный дефект в силу двусмысленности концептуализации культурного измерения национальности и национализма. При наложении культурных параметров на схему разделения этнического и гражданского национализма она очевидно не работает. Лишенные культурного наполнения, этническая и гражданская идентичность утрачивают важнейшие сущностные ориентиры. И наоборот, если культурный компонент налагать произвольно на выделенные виды нации, придавая им широкое толкование, то затруднено будет осуждение любых видов этнического национализма, а национализм гражданский обретет шовинистическую окраску.

Изучая разновидности национализма в их взаимодействии с государством, ученый показал, как этническая и гражданская модель в конкретных ситуациях налагались друг на друга и со временем меняли свое значение [7. Вып. 2. С. 264–265]. Эта точка зрения представляется более объективной и будет использоваться в данной работе, поскольку русская общественная мысль предлагала алгоритмы развития России как в парадигме формирования политической, так и этнической нации.

Предполагаемые результаты исследования. В качестве рабочей гипотезы предлагаются следующие положения. Господствующая в современной науке модернистская идея о государстве, конституируемом нацией, т.е. формуле, по которой исторически перспективным считается только государство, создан-

ное нацией и опиравшееся на нацию, достаточно сложно вписывается в реалии процессов нациестроительства, происходивших в полиэтнической Российской империи. Здесь одновременно в рамках конкурировавших национальных проектов, целенаправленно осуществлявшихся различными социально-политическими субъектами, формировалось несколько вариантов идентичности. Каждый из субъектов опирался на определенный потенциал, политические, культурные, интеллектуальные ресурсы, сформировавшиеся в ходе социальных, политических, этнических процессов в историческом пространстве России. Такими субъектами следует считать имперское государство и национальные элиты народов Российской империи, русскую в том числе. При этом нужно учитывать особый характер отношений между имперским государством и русской национальной элитой.

Имперские власти главной целью видели политическую интеграцию полиэтнического населения посредством универсалистских идеологических проектов, создания единого правового и административного пространства. Проводимая в Российской империи русификация не имела целью создание преимуществ для русского этнического большинства, она носила сугубо инструментальный характер в интересах укрепления государственного единства. Здесь можно говорить о проекте формирования имперской идентичности, имевшей политическую природу. Но нельзя полностью исключать этническую окраску данного проекта. В его основе опора на язык и культуру самого многочисленного – великорусского народа. В разные периоды XIX в. присутствие элементов русской этничности в государственной идеологии и, соответственно, в формируемой на ее основе имперской идентичности было неодинаковым. Важнейшим элементом государственной идеологии являлся миф об общем историческом прошлом, содержанием которого было созидание русского государства силами русского народа. Однако проводимое в рамках этой государственной политики распространение русского языка как государственного вызывало экстраполяцию негатива и на русских как его носителей. Этот негатив распространялся на русскую культуру, воспринимавшуюся как культура поработителей, стремившихся уничтожить национальную культуру других народов. Также в исторической памяти национальных элит процесс включения национальных территорий в состав России не расценивался как однозначно позитивный. С развитием национального самосознания национальные элиты разрабатывают собственные проекты формирования и развития наций, большинство которых не вписывалось в имперскую перспективу.

В среде русской интеллектуальной элиты проблема идентичности была детерминирующим элементом так называемого «национального вопроса», в рамках которого не только определялись важнейшие идентификационные маркеры, но и решался вопрос о месте русского народа (или нации) в истории человечества, его настоящем и будущем. Одним из важнейших аспектов в проблеме национальной идентичности было определение понятия русской нации. В зависимости от вкладываемого в него этнического или политического содержания устанавливались формат национально-государственного устройства России, принципы национальной политики и межнациональных отношений.

С проблемой национальной идентичности в русской традиции тесно связана идентичность цивилизационная. В определенной степени цивилизационная идентификация стала первым этапом в определении русскими интеллектуалами черт и сущности русской идентичности. Дискуссия между западниками и славянофилами определила первые координаты идентичности русских как Европы или как не-Европы, но затем русский идентификационный дискурс пошел по национальной модели в рамках дихотомии этнической и политической национальной идентичности. Однако и в дальнейшем вопрос о цивилизационной принадлежности России был своеобразным фоном дискуссий о национальной идентичности. Вплоть до середины 1860-х гг. важнейшей проблемой русского национального дискурса являлся вопрос о национальной идентичности, трактовавшейся через сохранение национальной самобытности (т.е. непохожести на Европу) в условиях разворачивавшейся модернизации. В ходе усиления колониальной экспансии России в Азии в русской общественно-политической мысли растет тревога по поводу возможного возрастания азиатского влияния. Но до конца XIX в. сохранялось убеждение в односторонности цивилизационного воздействия высокоразвитой русской культуры на отсталые азиатские народы.

В условиях полиэтнической Российской империи тезис о коллективной самоидентификации по отношению к Европе/Западу был чрезвычайно удобен для демонстрации гомогенного характера российского населения в перспективе формирования русской или российской нации. Он использовался как в рамках государственной идеологии, так и адептами русского национализма (имперского и этноцентристского). Здесь первенствующее значение приобретали фундаментальные отличия русских национальных идентификаторов, распространявшихся на все население (рассматривавшееся как православное, русское, носитель русской культуры и языка), от европейских. Этноконфессиональные различия внутри России в результате утрачивали значимость. Таким образом, и те, кто представлял Россию нацией в ряду других европейских наций, и те, кто противопоставлял ее Европе, акцентировали ее этническую однородность, ставшую основанием государственного единства как результата государственного созидания в единстве исторической традиции от Киевской Руси к Московской, а затем – к Российской империи.

Особенностью русской национальной идентичности было ее формирование в условиях уже сложившейся государственности, которая считалась русской. Поэтому даже в условиях возраставшей конкуренции других национальных проектов, с которыми русская элита вынуждена была считаться, сохранялась уверенность в силе русского национального потенциала, опиравшегося на Русское государство. Это привело к тому, что вплоть до начала XX в. преобладающим подходом русской элиты к нациестроительству был «включающий» принцип лояльности уже существовавшему Российскому государству и причастности к русской культуре (что, как правило, сопровождалось утверждением о необходимости тем или иным образом менять характер связей внутри сообщества). И лишь в начале XX в. в качестве альтернативного начинает рассматриваться «исключающий» принцип русскости, связанный с акцентированием этнических или этноконфессиональных характеристик [8. Вып. 22. С. 50–52].

Переплетение разных оснований идентификации в представлениях о русскости / российскости считается одним из проявлений того, что многие исследователи определяют как слабость русского национализма и «неоформленность» русского национального самосознания [9. С. 9–10]. Но, по мнению О.Ю. Малиновой, следовало бы говорить не столько о незавершенности «закономерного» процесса формирования национальной идентичности, сколько о неполном соответствии безусловно существующей (хотя и трансформирующейся) макрополитической идентичности матрице воображения сообщества, заданной идеей нации [8. Вып. 22. С. 50–52]. Эта черта русской идентичности обусловлена целым комплексом исторических, социокультурных, экономических, географических и политических факторов. Не отрицая значимости других составляющих этого комплекса, в рамках данного проекта планируется сосредоточить внимание на особенностях дискурсивного конструирования русской национальной идентичности во второй половине XIX в. и выявлении диалектики ее этнической, религиозной и цивилизационной составляющих.

Литература

1. Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм»? // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 297–307.
2. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. – СПб.: Алетейя, 1998. – 306 с.
3. Межуев В.М. Идея национального государства в исторической перспективе // Полис. – 1992. – № 5–6. – С. 10–16.
4. Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы : О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 364–380.
5. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М.: КАМИ, 1995. – 245 с.
6. Kohn H. Nationalism: Its Meaning and History. – Princeton, 1955. – 192 p.
7. Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма // Ab imperio: Теории и истории национальностей и национализма в постсоветском пространстве. – 2000. – №. 2. – С. 247–268.
8. Малинова О.А. Российская идентичность между идеями нации и цивилизации // Вестн. ин-та Кенана в России. – 2012. – Вып. 22. – С. 48–56.
9. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917). – Смоленск: Русич, 2001. – 512 с.

Статья поступила 5 сентября 2013 г.

Kudriashev Vyacheslav N. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia).

THE IDEA OF THE RUSSIAN NATION IN THE SOCIAL AND POLITICAL THOUGHT OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY: THE PROBLEM OF NATIONAL IDENTITY.

Key words: national identity, ethnic identity, civic identity, nation, national question, social and political thought.

The article sets research tasks within the project «Problems of national identity in the social and political thought of Russia in the second half of the XIX century». The purpose of this study is to determine the impact of perceptions of the Russian nation on the nature and content of the concepts and projects to solve the national question that were proposed by supporters of various vectors of social and political thought, and to identify the main areas of their adjustment under the influence of specific historical circumstances.

The prevalent in modern science modernist idea of a state constituted by a nation meaning that only a state created and backed by a nation can be historically successful, does not quite fit into the realities of nation-building processes occurring in the multi-ethnic Russian Empire. At the same time here, within the framework of competing national projects purposefully implemented by various social and political actors, a number of identities was being formed. Each of the subjects relied on a certain potential, political, cultural and intellectual resources that emerged in the course of social, political, ethnic processes in Russia's historical space. As such subjects an imperial state and national elites of peoples of the Russian Empire, including that of Russian, should be considered. Here, the special nature of the relationship between the imperial state and the Russian national elite should be taken into account.

As a working hypothesis the determining character of Russian national identity has been defined with regards to the so-called «national question» within which not only important identification markers were established, but also the question of the role of the Russian nation in the history of mankind, its present and future, was being dealt with. One of the most important issues as to the national identity was the definition of the Russian nation. Depending on what ethnic or political content it was filled with, the format of the national state system of Russia, the principles of national policy and international relations were defined.

Traditionally in Russia, closely connected with the issue of national identity, is the notion of civilizational identity. To a certain degree, the civilizational identity constituted the first step towards the definition of the features and essence of Russian identity by Russian intellectuals. The debate between Westerners and Slavophiles identified the first markers of Russian identity as Europe or non-Europe. But then, in the process of developing and deepening Russian identification discourse, it went on in the framework of national model, within the dichotomy of ethnic and political national identity.

References

1. Verderi K. Kuda idut «natsii» i «natsionalizm»? // Natsii i natsionalizm. – M., 2002. – S. 297–307.
2. Khobsbaum E. Natsii i natsionalizm posle 1780 g. – SPb.: Aleteiia, 1998. – 306 s.
3. Mezhev V.M. Ideia natsional'nogo gosudarstva v istoricheskoi perspektive // Polis. – 1992. – № 5–6. – S. 10–16.
4. Khabermas Iu. Evropeiskoe natsional'noe gosudarstvo: ego dostizheniia i predely: O proshlom i budushchem suvereniteta i grazhdanstva // Natsii i natsionalizm. – M., 2002. – S. 364–380.
5. Khabermas Iu. Demokratiia. Razum. Nравstvennost'. – M.: KAMI, 1995. – 245 s.
6. Kohn H. Natsionalizm: Its Meaning and History. – Princeton, 1955. – 192 p.
7. Brubeiker R. Mify i zabluzhdeniia v izuchenii natsionalizma // Ab imperio: Teorii i istorii natsional'nostei i natsionalizma v postsovetskom prostranstve. – 2000. – № 2. – S. 247–268.
8. Malinova O.A. Rossiiskaia identichnost' mezhdue ideiami natsii i tsivilizatsii // Vestn. in-ta Ke-nana v Rossii. – 2012. – Vyp. 22. – S. 48–56.
9. Khosking Dzh. Rossiia: narod i imperiia (1552–1917). – Smolensk: Rusich, 2001. – 512 s.

УДК 94(47)

С.Ф. Фоминых, М.В. Грибовский, А.Н. Сорокин

**КОРПОРАТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ
ВУЗОВСКИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI в.:
КОНЦЕПЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ¹**

В статье представлена программа изучения корпоративной идентичности отечественных вузовских преподавателей конца XIX – начала XXI в. Исследование призвано уточнить способы формирования, поддержания и эволюцию форм проявления корпоративной идентичности представителей отечественного преподавательского сообщества.

Ключевые слова: профессорско-преподавательский корпус, университет, институт, идентичность.

Постановка проблемы. Вузовский профессорско-преподавательский корпус – особая социальная категория российского общества. Несмотря на относительно немногочисленность, уже начиная с XIX столетия эта социальная группа играла заметную роль в жизни России и часто выступала маркером протекавших в государстве политических и социальных процессов. Обращение к указанному предмету имеет фундаментальное и прикладное значение. Оно позволяет заполнить один из пробелов в комплексном анализе социальной истории России конца XIX – начала XXI в. Рассматриваемый период – время неоднократных попыток проведения модернизации России, причем как «сверху» (ускоренное развитие страны в условиях отмененного крепостного права; «сталинская модернизация»; обновление общественно-политической системы в конце XX в.), так и «снизу» (Первая русская революция, приведшая к модернизации политической системы). Далеко не пассивную роль в названных модернизационных процессах играл и вузовский профессорско-преподавательский корпус. В рамках развернувшейся в российском обществе в 2010-х гг. дискуссии о модернизации эта тема приобретает особое звучание.

Неоценимую помощь в деле изучения прошлого и настоящего вузовской преподавательской корпорации может оказать теория корпоративной идентичности. Изучение эволюции корпоративной идентичности преподавателей представляет особую значимость в силу того, что применение предлагаемых этой теорией исследовательских подходов способно дать ответы на вопросы о самоидентификации преподавателей, формировании корпоративной культуры высшего учебного заведения, моделях поведения вузовских преподавателей в различных обстоятельствах.

Проект предполагает изучение:

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009).

- особенностей формирования корпоративной идентичности российских (советских) вузовских преподавателей дореволюционного, советского, постсоветского периодов;
- форм проявления идентичности в разные исторические периоды;
- кризисов корпоративной идентичности представителей научно-педагогического сообщества;
- трансформации корпоративной идентичности на сломе эпох: после 1917 г., после 1991 г.;
- «уровней идентичности»: соотношения человека с организацией/учреждением (преподаватели вуза), со специалистами (физики, медики и пр.), с сообществом в целом (преподаватели).

С точки зрения достижения целей исследования особый интерес представляют такие сюжеты, как «Корпоративная преподавательская культура дореволюционного университета», «Процесс формирования новой идентичности советских преподавателей высшей школы в 1920–30-е гг.», «Процесс формирования новой идентичности российских вузовских преподавателей во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг.», «Государственная политика как фактор консолидации и формирования профессиональной идентичности научно-педагогического сообщества», «Связь кризиса корпоративной идентичности научно-педагогического сообщества после распада СССР с проблемой миграции ученых».

Рабочая гипотеза: а) преподаватели российских вузов уже в конце XIX в. представляли собой сложившуюся профессиональную корпорацию; б) корпоративная идентичность преподавательского состава отечественных вузов в разные годы формировалась и поддерживалась участием в вузовском самоуправлении, системой ученых степеней и званий, процедурой комплектования кафедр (посредством выборности или назначения в разное время), коммуникативными связями (участием в конференциях, научных командировках), совместными научными и методическими работами; в) корпоративная идентичность проявлялась в участии профессоров и преподавателей в обсуждении «университетского вопроса», использовании символики вуза, языке общения (своеобразный «вузовский» стиль), отдельных «типовых» элементах мировоззрения; г) в советский период, в отличие от других исследуемых этапов, усиливается роль государства в оформлении модельных идеологических и поведенческих установок, игравших ключевую роль в корпоративизации вузовского преподавательского сообщества.

Цель исследования – реконструкция корпоративной идентичности отечественных вузовских преподавателей конца XIX – начала XXI в.

Хронологические рамки исследования – конец XIX – начало XXI в. Нижняя граница исследования связана с вступлением в силу нового университетского устава (1884), регламентировавшего жизнь классической высшей школы, верхняя – первые десятилетия XXI в., когда в условиях постсоветской России отечественное научно-педагогическое сообщество оказалось перед новыми вызовами.

Изученность темы. Несмотря на то, что понятие идентичности стало широко использоваться применительно к современному вузовскому сообществу только в публикациях последнего времени, важные сведения по интересую-

щему нас вопросу можно обнаружить в работах, посвященных истории профессорско-преподавательского состава и истории высшего образования в целом. Интерес представляют исследования профессорско-преподавательского корпуса дореволюционной России А.Е. Иванова [1, 2, 3], Ф.А. Петрова [4, 5], С.А. Некрылова [6, 7, 8], М.В. Грибовского [9, 10, 11], Е.А. Ростовцева [12, 13, 14], А.Н. Дмитриева [15, 16], Л.А. Сазоновой [17], Л.А. Бушуевой [18].

Профессорско-преподавательскому корпусу советского времени посвящены работы С.А. Красильникова [19], В.В. Петрика [20, 21], А.В. Литвинова [22], К.В. Петрова [23], А.Н. Сорокина [24, 25, 26] и ряда других исследователей.

Интерес к проблематике изучения корпоративной идентичности преподавателей высшей школы среди исследователей рубежа XX–XXI вв. обусловлен стремительно меняющейся российской социальной действительностью и структурными преобразованиями в обществе, которые влияют на формирование новых идентичностей и трансформируют существующие.

В современной научной литературе можно выделить два подхода к пониманию того, что такое корпоративная идентичность. Согласно первому подходу «это отождествление сотрудниками или отдельными организационными структурами себя как части организации, выражающееся в признании корпоративной философии, в воплощении организационных норм и правил поведения» [27]. Согласно другому корпоративная идентичность – это «результат когнитивно-эмоционального процесса осознания себя представителем определенной организации», определенная «степень соответствия с ней» [28. С. 90]. В рамках первого подхода предполагается, что отождествление профессорско-преподавательского состава (ППС) с университетской организацией осуществляется посредством реализации необходимых организационных норм и правил. При втором подходе акцент делается на эмоциональной составляющей членства в организации.

Значительная часть современных исследований посвящена профессиональной и корпоративной идентичности той или иной социально-профессиональной группы [29, 30]. В этой связи особо следует отметить труды С.А. Липатова, А.С. Куприянова, Р. ван Дик [31, 32, 33, 34], в которых рассмотрены структурные компоненты корпоративной идентичности сотрудников российских бизнес-организаций. Применительно к теме нашего исследования эти работы представляют интерес с точки зрения разработки теоретического инструментария изучения структурных компонентов корпоративной идентичности ППС вузов России. Вклад в антропологию организаций внесли Н.В. Богатырь, П.В. Романов [35, 36]. Этот подход предполагает применение к наблюдению за членами корпорации тех же методов, которые «использовались антропологами в туземном поле» [37. С. 4].

Современный период историографии изучаемой темы характеризуется наличием работ, в которых исследуются различные вопросы корпоративной идентичности ППС, специализирующихся в области социальных и гуманитарных наук. Следует выделить работу В.Ф. Левичевой «Гуманитарная интеллигенция: основания корпоративной идентичности», в которой в результате проведенной серии опросов студентов и преподавателей Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) была изучена пробле-

ма трансформации интеллигенции, проявлявшаяся, по мнению автора, в наличии признаков системного кризиса идентичности ППС вузов. Результаты проведенных опросов продемонстрировали усиливающуюся корпоративность гуманитарной интеллигенции. Автор приходит к выводу, что корпоративно замкнутая и локальная идентичность гуманитарной интеллигенции сопровождается в нашем обществе эмпирически фиксируемыми состояниями неудовлетворенности общественными процессами, общей напряженности, ощущением рассогласованности между внешней востребованностью определенных личностных и профессиональных качеств и внутренней целостностью, осмысленностью социокультурной позиции интеллектуала [38. С. 60].

Значительная часть исследований посвящена социальной идентичности ППС российских вузов. Так, в работе И.Г. Зотовой «Основные черты социальной идентичности преподавателей вузов», написанной на материалах анкетного опроса «Что объединяет преподавателей вуза с профессиональным сообществом», проведенного в 2010 г. среди преподавателей вузов Республики Мордовия, сделана попытка представить типологию идентичности преподавателей вуза. В результате выявлены основные факторы, влияющие на структуру, становление и развитие идентичности преподавателей высшей школы: гендер, возраст, занимаемая должность, квалификация (ученая степень), опыт работы. Непосредственное влияние оказывает и профессиональная среда, формирующая у преподавателей представление о своем профессиональном сообществе, его профессионально значимых характеристиках, ценностях. По мнению автора, социальная (профессиональная) идентичность выступает механизмом социализации в преподавательском сообществе, посредством которого происходит переструктуризация поведения, мотивации, оценок, социальных связей [39. С. 81].

В качестве примера современных исследований, посвященных изучению вопросов корпоративной идентичности ППС российских вузов, следует выделить статью О.Л. Лейбовича «Преподаватель вуза: кризис идентичности». Основное внимание в ней сосредоточено на изучении доцентуры как наиболее массовой категории преподавательского корпуса, играющей, по мнению автора, ключевую роль в образовательном процессе. Автор подробно характеризует различные аспекты и составляющие идентичности доцентов государственных вузов в советский период, анализирует кризис идентичности, наступивший после распада СССР, а также выделяет основные преподавательские типы доцентов в современных вузах [40].

Ряд исследователей подходят к изучению корпоративной идентичности ППС с позиций развития корпоративной культуры вуза. Например, ученые Владивостокского государственного университета экономики и сервиса полагают, что ведущим параметром высокой корпоративной культуры является корпоративная идентичность [41]. При этом под корпоративной идентичностью понимается отождествление сотрудниками или отдельными организационными структурами себя как части организации, выражающееся в признании миссии организации, основных принципов деятельности, выбранной в стратегии развития и реализованных на практике организационных нормах и правилах поведения.

Учеными Ульяновского государственного технического университета (УлГТУ) проводилось изучение важнейших параметров корпоративной культуры, в том числе корпоративной идентичности ППС. В ходе проведенного в УлГТУ в 2008 г. социологического исследования профессиональной идентичности преподавателей (опрошено 528 человек) в качестве одного из ключевых критериев определения уровня развития корпоративной культуры вуза было установлено, насколько элементы профессиональной идентичности профессорско-преподавательского состава соответствуют концепции корпоративной культуры современного вуза. Для этого была разработана градация уровней корпоративной культуры вузов. На основе анализа элементов профессиональной идентичности профессорско-преподавательского состава УлГТУ было установлено наличие в их культуре трех субкультур. Основанием для разделения послужил должностной статус преподавателей в сочетании с научной степенью. Это субкультуры молодых преподавателей; старших преподавателей и доцентов, имеющих кандидатскую степень; профессоров, имеющих степень доктора наук. В результате исследователи пришли к выводу, что процесс идентификации преподавателя со своей профессией накладывает отпечаток на формирование его профессиональной культуры, которая, в свою очередь, может соответствовать или противоречить концепции развитой корпоративной культуры вуза [42]. Так, наличие в системе профессиональной идентичности четверти преподавателей УлГТУ ценности научной деятельности и ее выражение в моделях профессионального поведения в виде активной включенности в исследовательскую практику можно считать одним из критериев высокой корпоративной культуры вуза. Относительно активная включенность преподавателей УлГТУ в исследовательскую деятельность приближает их профессиональную культуру к идеальной модели культуры преподавателя и свидетельствует о принятии этой частью профессорско-преподавательского состава ценности науки, декларируемой корпоративной культурой вуза [42. С. 59].

В 2006 г. в Вятском государственном университете был проведен социологический опрос сотрудников, в котором приняли участие 229 человек, из них 160 человек относились к профессорско-преподавательскому составу, 61 человек – к учебно-вспомогательному персоналу и 8 человек – к административно-управленческому аппарату. В результате проведенных исследований был сделан, в частности, вывод о том, что на формирование корпоративной идентичности ППС и корпоративной культуры вуза оказывают влияние как внешние факторы (общие экономические и политические условия, традиции, деловая среда), так и внутренние (личность руководителя и др.) [43. С. 99].

При всем многообразии работ, посвященных корпоративной идентичности, они преимущественно фокусируются на современном состоянии проблемы и выполняются в рамках социологических и психолого-педагогических подходов.

Новизна нашего исследования в рамках проекта заключается в рассмотрении проблемы корпоративной идентичности ППС в исторической ретроспективе с применением новейших исследовательских методик.

Исследовательские модели, источники и методы. В последние десятилетия в отечественной исторической науке (вслед за европейской и американской) все более востребованной становится социальная история. Широкое использование в истории методов социологии позволяет увеличить познавательные возможности исторической науки, поэтому сегодня исследователи с охотой обращаются к анализу различных социальных групп в надежде создать многомерную картину прошлого.

Исследование корпоративной идентичности отечественных вузовских преподавателей лежит на стыке истории, антропологии, социологии, психологии, педагогики.

При изучении специфики формирования корпоративной идентичности профессоров и преподавателей российских (советских) университетов будут использованы «социальный» подход и биографический метод. В контексте «социального» подхода биография рассматривается как «реконструкция личной жизни отдельных исторических индивидов» и одновременно как одна из необходимых «предпосылок познания включавшего их исторического социума» (Л.П. Репина). Биографический метод, предполагающий сбор и анализ данных о жизненном пути человека как личности и субъекта деятельности, с учетом событийной канвы того или иного исторического периода позволяет не только реконструировать жизнь человека, но является и эффективным средством познания исторического социума. Составной частью современных биографических исследований является просопография, что в данном случае предполагает сплошное исследование биографий вузовских преподавателей конца XIX – начала XXI в. с особым вниманием к карьерам и коммуникативным связям [44].

Реконструкция социальной картины общества на основе изучения биографий его членов представляется важным направлением исторического исследования. Здесь обе составляющие имеют самостоятельную ценность: как изучение человеческих судеб на переломных этапах истории, так и общая картина, вырисовывающаяся на основании анализа полученных массовых данных.

Просопографический метод позволяет, во-первых, выявить основные модели поведения исследуемых объектов, а во-вторых, анализ биографий всех профессоров и преподавателей за конкретный хронологический отрезок дает возможность не только создавать «коллективные (социальные, групповые) портреты», но и реконструировать горизонтальные связи между представителями университетской общественности – дружеские/враждебные, соседские, родственные и т. п.

Применение метода просопографии в исследованиях профессорско-преподавательского корпуса базируется на историографической традиции составления биографических словарей ректоров, профессоров и преподавателей российских университетов. В этом отношении у исследовательского коллектива имеется большой задел. Членами коллектива на протяжении последних 20 лет были написаны биографические словари «Профессора Томского университета» (Томск, 1996, 1998, 2001, 2003, 2013), «Ректоры Томского университета» (Томск, 2003), «Профессора Сибирского государственного медицинского университета» (Томск, 2004, 2013), статьи об ученых для «Эн-

циклопедии города Томск» (Томск, 2004), «Энциклопедии Томской области» (Томск, 2008, 2009).

В исследовании будет предпринята реконструкция социальных связей – родственных, дружеских, соседских, что диктует необходимость привлечения примеров-казусов, демонстрирующих реализацию этих горизонтальных связей конкретными людьми в выбранную для исследования эпоху.

При анализе корпоративной идентичности преподавателей советского (с 1960–1970-х гг.) и постсоветского времени в исследовании будут широко задействованы методы социологии: опросы и глубинные интервью, интервью-гайд с ныне живущими представителями российского вузовского педагогического сообщества.

Метод свободного самоописания позволит дать общую характеристику профессиональной идентичности преподавателя вуза (представление о деятельности преподавателя вуза, профессиональном пространстве вуза, о роли значимых событий для члена сообщества) и описать внешние и внутренние социально-психологические условия, способствующие обретению профессиональной идентичности.

Источниковая база исследования будет сформирована за счет опубликованных (законодательные и нормативно-правовые акты Министерства народного просвещения, Народного комиссариата просвещения, Министерства образования и науки, российского/советского правительства) и неопубликованных источников (архивные материалы, в том числе делопроизводственная документация вузов), материалы периодической печати, источники личного происхождения (дневники, письма, мемуары). Последним стоит уделить особое внимание, поскольку именно в подобного рода источниках с большой степенью вероятности можно обнаружить свидетельства, позволяющие «диагностировать» корпоративную идентичность.

Историко-архивная часть проекта предполагает выявление совокупности документальных источников о вузовской общественности конца XIX – начала XXI в., хранящихся в зарубежных архивах (Центральный государственный исторический архив Украины, архив г. Киева, государственные архивы Одесской и Харьковской областей, Национальный архив Эстонии, Государственный архив Варшавы), центральных российских архивохранилищах (Государственный архив РФ, Российский государственный исторический архив), а также в региональных российских архивах (государственные архивы Кемеровской, Томской, Новосибирской областей, Пермского края, Национальный архив Республики Татарстан, Центральный исторический архив Москвы, Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга и др.), их отбор и систематизацию.

Помимо этого, в качестве ценных источников информации для исследования можно использовать такие компоненты интернет-пространства, как форумы и социальные сети.

Разнообразие исследовательских техник при изучении заявленной темы даст возможность извлечь из источников скрытую, не всегда доступную при традиционном историческом анализе информацию, получить интересные результаты, глубже обосновать выводы, в целом полнее использовать информацию источников, раскрыть характер и содержание событий и процессов.

Предполагаемые результаты исследования. Реализация обозначенных направлений в конкретно-историческом плане позволит реконструировать особенности формирования корпоративной идентичности российских (советских) вузовских преподавателей дореволюционного, советского, постсоветского периодов; выявить «уровни идентичности», формы проявления идентичности в разные исторические периоды; проанализировать способы преодоления кризисов корпоративной идентичности представителей научно-педагогического сообщества.

Литература

1. Иванов А.Е. Высшая школа России конца XIX – начала XX в. – М.: АН СССР, 1991. – 392 с.
2. Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в. – 1917 г. – М.: ИРИ РАН, 1994. – 198 с.
3. Иванов А.Е. Российское «ученое сословие» в годы «второй отечественной войны» // Вопросы истории естествознания и техники. – 1999. – № 2. – С. 108–127.
4. Петров Ф.А. Немецкие профессора в Московском университете. – М.: Христианское издательство, 1997. – 180 с.
5. Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX века: Формирование системы университетского образования: в 4 кн. – М.: Христианское издательство: ГИМ, 1998–2000. – Кн. 1–4.
6. Некрылов С.А. Профессорско-преподавательский корпус Императорского Томского университета (1888 – февраль 1917 г.): дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1999. – 300 с.
7. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х. – 1919 г.). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – Т. 1. – 514 с.; 2011. Т. 2. – 598 с.
8. Некрылов С.А., Сорокин А.Н. Первые профессора-физики и физические исследования в Императорском Томском университете в дореволюционный период // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2010. – № 4 – С. 167–172.
9. Грибовский М.В. Политический надзор над профессорами и преподавателями российских университетов в конце XIX – начале XX веков // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2011. – № 1 (13). – С. 25–30.
10. Грибовский М.В. Российская университетская преподавательская корпорация и «национальный вопрос» (конец XIX – начало XX в.) // Мультикультурная и многонациональная Россия: материалы IV Междунар. междисциплинарной конф., посвящ. памяти заслуженного деятеля науки, почетного профессора РУДН, академика МАН ВШ Тамары Васильевны Батаевой. Москва, 19 ноября 2011 г.: в 2 ч. – Ч. 1: Актуальные проблемы отечественной истории и исторической науки: 2-я половина XIX – начало XXI века. – М., 2011. Ч. 1. С. 59–73.
11. Грибовский М.В. Феномен приват-доцентуры в российских университетах конца XIX – начала XX вв. // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. – Сер. «История и политические науки». – 2012. – № 2. – С. 103–108.
12. Ростовцев Е.А. Испытание патриотизмом. Профессорская коллегия Петроградского университета в годы Первой мировой войны // Диалог со временем. – 2009. – Вып. 29: Мир и война: аспекты интеллектуальной истории. – С. 308–324.
13. Ростовцев Е.А. Академическая корпорация столичного университета в фокусе историографии // КЛИО. Журнал для ученых. – 2012. – №7. – С. 47–62.
14. Ростовцев Е.А. Казус профессора фон Листа (эпизод из университетской истории периода Первой мировой войны) // Уроки истории – уроки историка: сб. ст. к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930–1996) / сост. Т.Н. Жуковская; отв. ред. А.Ю. Дворниченко. – СПб., 2012. – С. 308–315.
15. Дмитриев А.Н. Первая мировая война: университетские реформы и интернациональная трансформация российского академического сообщества // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / под ред. Э.И. Колчинского, Д. Байрау, Ю.А. Лайус. – СПб., 2007. – С. 236–255.
16. Дмитриев А.Н. Заграничная подготовка будущих российских профессоров накануне Первой мировой войны // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов.

1884–1917 гг.: исследования и документы / науч. ред. М.В. Грибовский, С.Ф. Фоминых. – Томск, 2012. – С. 65–76.

17. Сазонова Л.А. Повседневность университетского профессора Казани 1863–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2009. – 217 с.

18. Бушueva Л.А. Профессорская корпорация Казани в эпоху перемен: межличностные коммуникации университетских людей (начало XX века) // Диалог со временем. – 2011. – Вып. 36. – С. 248–266.

19. Красильников С.А., Сергеевых Г.П. Учёные и политический режим в 1930-е гг. // Кадровые науки советской Сибири. – Новосибирск, 1991. – С. 122–134.

20. Петрик В.В. Высшая школа Сибири в конце 50-х – начале 90-х годов XX века / под ред. М.С. Кузнецова; – Томск: Том. гос. ун-т, 2006. – 646 с.

21. Петрик В.В. Развитие высшей школы Сибири в конце 1950-х – начале 1990-х годов: дис. ... д-ра ист. наук. – Кемерово, 2009. – 609 с.

22. Литвинов А.В. Профессорско-преподавательский корпус Томского университета (20–30-е гг. XX в.): дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2002. – 237 с.

23. Петров К.В. Профессорско-преподавательский корпус Томского университета (1945–1980): дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2004. – 235 с.

24. Сорокин А.Н. Первая региональная конференция физиков в Томске весной 1934 г. как явление консолидации научного сообщества для решения задач индустриализации Сибири // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. – 2012. – Т. 11, вып. 1. – С. 131–136.

25. Сорокин А.Н. Комитеты ученых Сибири в годы Великой Отечественной войны // История в подробностях. – 2010. – № 1. – С. 58–65.

26. Сорокин А.Н. Взаимодействие научного сообщества физиков Сибири и власти в первое послевоенное десятилетие (на примере Томского научно-образовательного комплекса) // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2013. – № 1 (27). – С. 120–125.

27. Крылов А.Н. Корпоративная идентичность для менеджеров и маркетологов. – М.: Изд-во НИИ, 2004. – 222 с.

28. Дагаева Е.А. Имидж вуза и корпоративная идентичность // Высшее образование в России. – 2008. – № 11. – С. 89–93.

29. Иванова Н.Л. Профессиональная идентичность в социально-психологических исследованиях // Вопросы психологии. – 2008. – № 1. – С. 89–100.

30. Яшина А.А. Эмпирическое исследование профессиональной идентичности молодого преподавателя вуза // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. – Сер. Гуманит. науки. – 2006. – Т. 12, № 4. – С. 69–72.

31. Липатов С.А. Социальная идентичность работников в организационных условиях // Идентичность и организация в меняющемся мире: сб. науч. ст. / под ред. Н.М. Лебедевой, Н.Л. Ивановой, В.А. Штроо. – М., 2008. – С. 191–212.

32. Куприянов А.С. Структурные компоненты корпоративной идентичности сотрудников российских бизнес-организаций // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 1. – С. 72–74.

33. Р. ван Дик. Преданность и идентификация с организацией / пер. с нем. – Харьков: Изд-во «Гуманит. Центр», 2006. – 140 с.

34. Ostrom E. Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 280 p.

35. Романов П.В. Социальная антропология организаций: учеб. пособие по элективному курсу для студентов всех специальностей. – Саратов: СГТУ, 1999. – 134 с.

36. Романов П.В. Социальная антропология организаций: история, эпистемология и основные методологические принципы // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – Т. 2, вып. 4. – С. 92–107.

37. Богатырь Н.В. Антропология организаций и сетевых сообществ: история и современность // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 3. – С. 3–12.

38. Левичева В.Ф. Гуманитарная интеллигенция: основания корпоративной идентичности // Социологические исследования. – 2001. – № 2. – С. 57–61.

39. Зотова И.Г. Основные черты социальной идентичности преподавателей вузов // Социология образования. – 2011. – № 3. – С. 73–81.

40. Лейбович О.Б. Преподаватель вуза: кризис идентичности // Высшее образование в России. – 2007. – № 2. – С. 49–61.

41. Оноприенко Ю.И. Основы теории информатизации с элементами системного анализа информационных процессов в природе и обществе. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. – 107 с.

42. Гоношилина И.Г. Сильная корпоративная культура вуза: параметры измерения // Вопросы культурологии. – 2009. – № 10. – С. 57–61.

43. Петерсонс А.Э. Факторы формирования корпоративной культуры. – М.: Перспектива, 2007. – 190 с.

44. *Biographieforschung im Diskurs* / Hrsg. von B. Völter, B. Dausien, H. Lutz, G. Rosenthal. – Wiesbaden: Springer, 2009. – 274 s.

Статья поступила 17 сентября 2013 г.

Fominykh Sergei F., Gribovskiy Mikhail. V., Sorokin Alexander N. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia).

CORPORATE IDENTITY OF NATIONAL UNIVERSITY LECTURERS AT THE END OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY: THE STUDY CONCEPT.

Key words: faculty staff, university, institute, identity.

University faculty is a special social category of Russian society. Despite being a relatively sparse group, even from the XIX century, it played a significant part in the life of the country and often was a marker of the social and political processes occurring in Russia. Studying the evolution of teaching staff's corporate identity is critical as application of research approaches offered by this theory provides answers to the questions concerning academic professors' self-identification, university corporate culture formation, university professor's behavioral patterns in different circumstances.

The project proposes the research into :

- the characteristics of Russian (Soviet) university professor's corporate identity formation in pre-revolutionary, Soviet and post- Soviet periods;
- the forms of identity manifestation in different periods;
- the crises of academic teaching community representatives' corporate identity;
- the transformation of corporate identity at the end of eras: after the years 1917 and 1991;
- 'levels of identity': the correlation between a person and an institution (university professors), specialists (physicists, doctors), and the whole community (teaching staff).

One can mention the diversity of research works dedicated to corporate identity, but they mostly focus on the contemporary state of the issue and are created within social studies, pedagogical and psychological approaches. The novelty of the proposed project research is in the examination of the issue of academic teaching staff's corporate identity in historic retrospective with the use of cutting edge research methods.

The research into Russian university professors' corporate identity lies at the confluence of anthropology, social studies, psychology, pedagogy; it is interdisciplinary in its nature. The 'social' approach, the biographical and prosopographical methods, the method of free self-description will be applied. The analysis of the professor's identity in the Soviet (from the 1960th till the 1970th) and post-Soviet periods stipulates the application of social studies methods: surveys and in-depth interviews with living representatives of the Russian university teaching community.

The research will be based on the published (laws and regulations by Ministry of Public Instruction, People's Commissariat of Education, Ministry of Education and Science of the Russian/ Soviet government) and unpublished sources (archive recordings including documents of universities), periodical press materials, sources of personal origin (diaries, letters, memoirs).

The accomplishment of the goals set will allow reconstruct the peculiarities of Russian (Soviet) university professor's corporate identity formation in pre-revolutionary, Soviet and post- Soviet periods, the forms of identity manifestation in different periods, the mechanisms of crisis management for academic teaching community representatives' corporate identity, identity levels.

References

1. *Ivanov A.E.* Vysshaya shkola Rossii kontsa XIX – nachala XX v. – М.: AN SSSR, 1991. – 392 s.
2. *Ivanov A.E.* Uchenye stepeni v Rossiiskoi imperii XVIII v. – 1917 g. – М.: IRI RAN, 1994. – 198 s.

3. *Ivanov A.E.* Rossiiskoe «uchenoe soslovie» v gody «vtoroi otechestvennoi voiny» // *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*. – 1999. – № 2. – S. 108–127.
4. *Petrov F.A.* Nemetskie professora v Moskovskom universite. – M.: Khristianskoe izdatel'stvo, 1997. – 180 s.
5. *Petrov F.A.* Rossiiskie universitety v pervoi polovine XIX veka: Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniia: v 4 kn. – M.: Khristianskoe izdatel'stvo: GIM, 1998–2000. – Kn. 1–4.
6. *Nekrylov S.A.* Professorsko-prepodavatel'skii korpus Imperatorskogo Tomskogo universiteta (1888 – fevral' 1917 g.): dis. ... kand. ist. nauk. – Tomsk, 1999. – 300 s.
7. *Nekrylov S.A.* Tomskii universitet – pervyi nauchnyi tsentr v aziatskoi chasti Rossii (seredina 1870-kh. – 1919 g.). – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2010. – T. 1. – 514 s.; 2011. T. 2. – 598 s.
8. *Nekrylov S.A., Sorokin A.N.* Pervye professora-fiziki i fizicheskie issledovaniia v Imperatorskom Tomskom universite v dorevoliutsionnyi period // *Vestn. Tom. gos. un-ta. Istoriia*. – 2010. – № 4 – S. 167–172.
9. *Gribovskii M.V.* Politicheskii nadzor nad professorami i prepodavateliami rossiiskikh universitetov v kontse XIX – nachale XX vekov // *Vestn. Tom. gos. un-ta. Istoriia*. – 2011. – № 1 (13). – S. 25–30.
10. *Gribovskii M.V.* Rossiiskaia universitetskaia prepodavatel'skaia korporatsiia i «natsional'nyi vopros» (konets XIX – nachalo XX v.) // *Mul'tikul'turnaia i mnogonatsional'naia Rossiia: materialy IV Mezhdunar. mezhdistsiplinarnoi konf., posviashch. pamiati zaslužennogo deiatelia nauki, pochetnogo professora RUDN, akademika MAN VSh Tamary Vasil'evny Bataevoi*. Moskva, 19 noiabria 2011 g.: v 2 ch. – Ch. 1: Aktual'nye problemy otechestvennoi istorii i istoricheskoi nauki: 2-ia polovina XIX – nachalo XXI veka. – M., 2011. Ch. 1. S. 59–73.
11. *Gribovskii M.V.* Fenomen privat-dotsentury v rossiiskikh universitetakh kontsa XIX – nachala XX vv. // *Vestn. Mosk. gos. obl. un-ta. – Ser. «Istoriia i politicheskie nauki»*. – 2012. – № 2. – S. 103–108.
12. *Rostovtsev E.A.* Ispytanie patriotizmom. Professorskaia kollegiia Petrogradskogo universiteta v gody Pervoi mirovoi voiny // *Dialog so vremenem*. – 2009. – Vyp. 29: Mir i voina: aspekty intellektual'noi istorii. – S. 308–324.
13. *Rostovtsev E.A.* Akademicheskaiia korporatsiia stolichnogo universiteta v fokuse istoriografii // *KLIO. Zhurnal dlia uchenykh*. – 2012. – № 7. – S. 47–62.
14. *Rostovtsev E.A.* Kazus professora fon Lista (epizod iz universitetskoii istorii perioda Pervoi mirovoi voiny) // *Uroki istorii – uroki istorika: sb. st. k 80-letiiu Iu.D. Margolisa (1930–1996)* / sost. T.N. Zhukovskaia; otv. red. A.Iu. Dvornichenko. – SPb., 2012. – S. 308–315.
15. *Dmitriev A.N.* Pervaia mirovaia voina: universitetskie reformy i internatsional'naia transformatsiia rossiiskogo akademicheskogo soobshchestva // *Nauka, tekhnika i obshchestvo Rossii i Germanii vo vremia Pervoi mirovoi voiny* / pod red. E.I. Kolchinskogo, D. Bairau, Iu.A. Laius. – SPb., 2007. – S. 236–255.
16. *Dmitriev A.N.* Zagranichnaia podgotovka budushchikh rossiiskikh professorov nakanune Pervoi mirovoi voiny // Professorsko-prepodavatel'skii korpus rossiiskikh universitetov. 1884–1917 gg.: issledovaniia i dokumenty / nauch. red. M.V. Gribovskii, S.F. Fominykh. – Tomsk, 2012. – S. 65–76.
17. *Sazonova L.A.* Povsednevnost' universitetskogo professora Kazani 1863–1917 gg.: dis. ... kand. ist. nauk. – Kazan', 2009. – 217 s.
18. *Bushueva L.A.* Professorskaia korporatsiia Kazani v epokhu peremen: mezhluchnostnye kommunikatsii universitetskikh liudei (nachalo XX veka) // *Dialog so vremenem*. – 2011. – Vyp. 36. – S. 248–266.
19. *Krasil'nikov S.A., Sergeevykh G.P.* Uchenye i politicheskii rezhim v 1930-e gg. // *Kadry nauki sovetskoi Sibiri*. – Novosibirsk, 1991. – S. 122–134.
20. *Petrik V.V.* Vysshaia shkola Sibiri v kontse 50-kh – nachale 90-kh godov XX veka / pod red. M.S. Kuznetsova; – Tomsk: Tom. gos. un-t, 2006. – 646 s.
21. *Petrik V.V.* Razvitie vysshei shkoly Sibiri v kontse 1950-kh – nachale 1990-kh godov: dis. ... d-ra ist. nauk. – Kemerovo, 2009. – 609 s.
22. *Litvinov A.V.* Professorsko-prepodavatel'skii korpus Tomskogo universiteta (20–30-e gg. XX v.): dis. ... kand. ist. nauk. – Tomsk, 2002. – 237 s.
23. *Petrov K.V.* Professorsko-prepodavatel'skii korpus Tomskogo universiteta (1945–1980) : dis. ... kand. ist. nauk. – Tomsk, 2004. – 235 s.
24. *Sorokin A.N.* Pervaia regional'naia konferentsiia fizikov v Tomske vesnoi 1934 g. kak iavlenie konsolidatsii nauchnogo soobshchestva dlia resheniia zadach industrializatsii Sibiri // *Vestn. Novosib. gos. un-ta*. – 2012. – T. 11, vyp. 1. – S. 131–136.

25. *Sorokin A.N.* Komitety uchenykh Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny // Istorii v po-drobnostiakh. – 2010. – № 1. – S. 58–65.
26. *Sorokin A.N.* Vzaimodeistvie nauchnogo soobshchestva fizikov Sibiri i vlasti v pervoe poslevoennoe desiatiletie (na primere Tomskogo nauchno-obrazovatel'nogo kompleksa) // Bylye gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal. – 2013. – № 1 (27). – S. 120–125.
27. *Krylov A.N.* Korporativnaia identichnost' dlia menedzherov i marketologov. – M.: Izd-vo NIB, 2004. – 222 s.
28. *Dagaeva E.A.* Imidzh vuza i korporativnaia identichnost' // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2008. – № 11. – S. 89–93.
29. *Ivanova N.L.* Professional'naia identichnost' v sotsial'no-psikhologicheskikh issledovaniiax // Voprosy psikhologii. – 2008. – № 1. – S. 89–100.
30. *Iashina A.A.* Empiricheskoe issledovanie professional'noi identichnosti mladogo prepodavatelya vuza // Vestn. Kostrom. gos. un-ta im. N.A. Nekrasova. – Ser. Gumanit. nauki. – 2006. – T. 12, № 4. – S. 69–72.
31. *Lipatov S.A.* Sotsial'naia identichnost' rabotnikov v organizatsionnykh usloviiax // Identichnost' i organizatsiia v meniaiushchiesia mire: sb. nauch. st. / pod red. N.M. Lebedevoi, N.L. Ivanovoi, V.A. Shtroo. – M., 2008. – S. 191–212.
32. *Kupriianov A.S.* Strukturnye komponenty korporativnoi identichnosti sotrudnikov rossiiskikh biznes-organizatsii // Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia. – 2012. – № 1. – S. 72–74.
33. *R. van Dik.* Predannost' i identifikatsiia s organizatsiei / per. s nem. – Khar'kov: Izd-vo «Gumanit. Tsentr», 2006. – 140 s.
34. *Ostrom E.* Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 280 p.
35. *Romanov P.V.* Sotsial'naia antropologiiia organizatsii: ucheb. posobie po elektivnomu kursu dlia studentov vseh spetsial'nostei. – Saratov: SGTU, 1999. – 134 s.
36. *Romanov P.V.* Sotsial'naia antropologiiia organizatsii: istoriia, epistemologiiia i osnovnye metodologicheskie printsipy // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. – 1999. – T. 2, vyp. 4. – S. 92–107.
37. *Bogatyr' N.V.* Antropologiiia organizatsii i setevykh soobshchestv: istoriia i sovremennost' // Etnograficheskoe obozrenie. – 2012. – № 3. – S. 3–12.
38. *Levicheva V.F.* Gumanitarnaia intelligentsiia: osnovaniia korporativnoi identichnosti // Sotsiologicheskie issledovaniia. – 2001. – № 2. – S. 57–61.
39. *Zotova I.G.* Osnovnye cherty sotsial'noi identichnosti prepodavatelei vuzov // Sotsiologiiia obrazovaniia. – 2011. – № 3. – S. 73–81.
40. *Leibovich O.B.* Prepodavatel' vuza: krizis identichnosti // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2007. – № 2. – S. 49–61.
41. *Onoprienko Iu.I.* Osnovy teorii informatizatsii s elementami sistemnogo analiza informatsionnykh protsessov v prirode i obshchestve. – Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2004. – 107 s.
42. *Gonoshilina I.G.* Sil'naia korporativnaia kul'tura vuza: parametry izmereniia // Voprosy kul'turologii. – 2009. – № 10. – S. 57–61.
43. *Petersons A.E.* Faktory formirovaniia korporativnoi kul'tury. – M.: Perspektiva, 2007. – 190 s.
44. *Biographieforschung im Diskurs* / Hrsg. von B. Völter, B. Dausien, H. Lutz, G. Rosenthal. – Wiesbaden: Springer, 2009. – 274 s.

УДК 930.85

Е.Е. Дутчак, А.В. Васильев, Е.А. Ким, Т.В. Полежаева

ПРАВОСЛАВНЫЙ ЛАНДШАФТ ТАЕЖНОЙ СИБИРИ: КОНЦЕПЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

В статье представлена программа изучения сети сакральных мест и объектов на территории таежной Сибири. Исследование призвано уточнить обстоятельства взаимодействия официального и «народного» православия, объяснить различия в адаптивных и идентификационных практиках русского крестьянского населения региона в период 1890–1930-х гг.

Ключевые слова: Сибирь, Русская православная церковь, старообрядчество, крестьянство, адаптация, идентичность.

Постановка проблемы. Конфессиональную жизнь современной православной России характеризует нарастающий конфликт между традиционными и новыми формами религиозности. Его происхождение исследователи связывают, с одной стороны, с расширением состава верующих за счет тех, кто вырос и воспитывался в атеистической или *не*-религиозной среде и объективно не готов усваивать канонические нормы и правила церковной жизни; с другой – с глобальной секуляризацией сознания, присущей эпохе постмодерна в целом [1, 2]. Эти процессы дают на выходе не просто арифметическое увеличение численности православных, они становятся основой для формирования религиозного национализма [3, 4, 5].

В связи с этим особую важность приобретает изучение, во-первых, социальных сетей, обеспечивающих органичную сопряженность этноконфессиональной и культурной идентичностей; во-вторых, факторов, которые в условиях активных модернизационных трансформаций способны нивелировать, сдерживать или, напротив, провоцировать настроения ксенофобии.

Решение этой исследовательской задачи требует поиска «исследовательской площадки». Полагаем, что таежные районы Сибири могут ею стать в силу особенностей освоения края, в котором наряду с коренными сибирскими народами приняли участие «русскоязычные акторы» с разными целевыми установками и жизненными стратегиями: а) представители светской и церковной власти, чьей задачей стало создание условий для использования экономического потенциала региона; б) легальные и нелегальные колонисты, для которых сознательный выбор таежных территорий определялся конфессиональными, политическими и/или хозяйственными мотивами; в) представители разных социальных групп – «жертвы» государственной штрафной колонизации.

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

Мы ограничили рамки исследования томско-чулымским и прикетским таежными массивами, руководствуясь следующим. Расположенные в одной природно-климатической зоне, эти территории отличаются социально-демографической и этнической структурой, системами коммуникаций и жизнеобеспечения, но в то же время в составе их русскоязычного населения в разные исторические периоды можно выделить обособленные группы, полностью или частично в своих социальных практиках руководствующиеся нормами и императивами христианской культурной традиции.

Эти региональные особенности позволяют обозначить принципиально новый для изучения прошлого и настоящего Сибири круг вопросов, а именно: каким образом русский добровольный или вынужденный мигрант в отрыве от культурной метрополии воспроизводил собственные этноконфессиональные качества, какие модели самоотождествления он должен был создать и какие практики освоить, чтобы сохранить культурные особенности в мультикультурной среде? Не вступают ли сегодня в противоречие выработанные им формы и виды идентификации с идентичностями более глобального уровня – национальной и общегражданской?

Рабочая гипотеза – этноконфессиональная идентичность русского населения таежной Сибири поддерживалась двумя параллельными «сетями»: а) вхождением в состав церковно-приходских общин; б) принадлежностью к неформальным группам защитников и помощников старообрядческих скитов. Соответственно, их разрушение (одномоментное или с временной дистанцией) ставило под угрозу органичное воспроизводство русской социокультурной традиции, затрудняло формирование адаптивных жизненных стратегий.

Цель исследования – реконструкция факторов и механизмов идентификации русского населения таежной Сибири, степени участия в этих процессах социальных институтов Русской православной церкви и культурных традиций крестьянского пустынножительства.

Хронологические рамки исследования – 1890–1930-е гг. – период, на протяжении которого растущее население региона столкнулось с необходимостью адаптироваться к кардинальным макросоциальным трансформациям и, соответственно, корректировать привычные формы и способы идентификации. На наш взгляд, есть смысл выделить три этапа, позволяющие дифференцировать характер и степень воздействия модернизации на повседневность таежной зоны и, как следствие, определить контуры создаваемых или «обновленных» моделей идентичности:

- конец XIX – начало XX в. – экономическая интеграция региона и втягивание сибирского крестьянского хозяйства в товарные отношения (экономическая модернизация);
- 1905 – начало 1920-х гг. – формирование новых властных институтов и принципов конфессиональной политики, повышение конфликтности в обществе, перестройка социальных отношений, помимо прочего проходившая на фоне дискуссий в староверии о возможности наступления конца света в 1912 г. (политическая модернизация);
- середина 1920-х – 1930-е гг. – активные социалистические преобразования, сопровождавшиеся политическими репрессиями и разрушением при-

вычных моделей социализации и идентификации (социальная и культурная модернизация).

Изученность темы. Привлечение теории идентичности в сферу ретроспективного анализа предполагает насыщение ее понятийного аппарата историческим содержанием, в противном случае всеупотребительность и избыточная универсальность термина «идентичность» [6] не позволит говорить о корректности выводов.

Исходной посылкой для настоящего исследования стало положение о том, что идентичность индивидов и групп может быть рассмотрена как явление двойственной природы, в составе которой различаются базовые элементы – относительно «неизменяемые» ценности, нормы и представления, заданные принадлежностью к определенной этноконфессиональной традиции и «отвечающие» за однозначное восприятие происходящего, и элементы «ситуативные», возникающие под воздействием внешних факторов. Это делает идентификацию никогда не завершающимся процессом и ставит ее в зависимость от внутренней согласованности ситуативного и базового. Формирующиеся в результате модели самоотождествления и адаптации либо окажутся эклектичными и потому направленными на механическое увеличение практик и жизненных стратегий, либо зафиксируют иерархию идентичностей и поставят заимствования под контроль [7].

Полагаем, что «базовые» и «ситуативные» элементы идентичности могут быть установлены путем реконструкции, с одной стороны, символов, воплощающих ценностные ориентиры этноконфессиональной общности, с другой – поведенческих практик, создаваемых при их участии. Особенностью регионов, на протяжении значительного времени остававшихся зонами фронта (природного, политического или культурного), является доминирующее значение в процессах их освоения пространственной символики. Так, применительно к таежной Сибири она включила в себя не только имперский образ распространяющегося вширь православия, но и пространственные мифологемы, противоречащие официальному варианту христианской доктрины (Беловодье, «земной рай», «чистые/святые места»).

Теоретической основой для системного анализа пространственного и социального измерения культуры и, соответственно, изучения механизмов и каналов идентификации, на наш взгляд, способна выступить концепция культурного ландшафта, объединившая в себе достижения истории, этнографии и фольклористики. Принято считать, что культурный ландшафт отражает социальные, политические и экономические процессы тех обществ, которые его породили [8. Р. 17–48; 9. Р. 4]. Однако одинаково верно и обратное: возникнув однажды, он в дальнейшем сам становится фактором формирования разнообразных территориальных связей.

Частью культурного ландшафта предстает религиозный ландшафт, выделение которого в качестве исследовательского объекта отталкивается от представления о дихотомии сакрального и профанного. В свою очередь, многообразие попыток ее анализа восходит к двум основополагающим подходам, предложенным еще Э. Дюркгеймом и М. Элиаде, в рамках которых сакральное рассматривается с точки зрения его возможностей создавать и консолидировать социальные общности или как способ религиозного переживания и

опыта [10. С. 21–65]. Примерами реализации этих подходов в отечественной науке служат работы А.А. Панченко и Т.Б. Щепанской о «святых местах» народного православия [11; 12]. В первом случае исследование направлено на анализ «внутренней» структуры святого места – соответствующих обрядов, ритуалов и текстов, организующих сакральное пространство и раскрывающих фольклорную картину мира, во втором – на выявление роли святых мест в системе жизнеобеспечения крестьянского населения, когда их совокупность создает своего рода информационную социальную сеть, призванную помимо прочего формировать поведенческие стратегии.

Решающее значение для продолжения на современном этапе исследований религиозных локусов имеют импульсы, исходящие со стороны географической науки. В частности, центральное для гуманитарной географии положение об опосредованности культурных феноменов территорией, сопряженности и взаимодействии «первичных» и «вторичных» образов пространства ориентирует на поиск корреляций между потребностями региональных сообществ и привычными для них «техниками» символизации физической среды обитания [13].

Сегодня можно говорить о том, что созданы теоретико-методические основы как для изучения на материалах «святых локусов» особенностей народного православия [14], так и для реконструкции процессов складывания православного ландшафта в полиэтничном и колонизируемом пространстве [15; 16].

Эти разработки позволяют совместить изучение архитектурных объектов и географических локусов, наделяемых способностью «генерировать» и «сохранять» свойства сакральности, с исследованием социальных сетей, возникающих в результате символического деления пространства на сакральное и профанное. Соответственно, реконструкция истории складывания сети сакральных мест и объектов не только дает возможность для уточнения обстоятельств взаимодействия и конкуренции символических практик официального и «народного» православия в процессах хозяйственного и политического освоения края, но и создает условия для выяснения вопросов общего характера, например о средствах описания и изучения ситуации, когда сохраненный традицией пространственный символ становится самостоятельным фактором поддержания этноконфессиональной идентичности автохтонного и пришлого населения региона.

Исследовательские модели, источники и методы. Ключевой особенностью создаваемых религиозными локусами социальных сетей является их организация по *принципу дуальности* [17], когда области сакрального и профанного связаны между собой отношением-оппозицией, тождественны по значению и предполагают компенсацию символического неравенства балансом социальных интересов «хранителей» сакрального и «носителей» профанного.

В рамках настоящего исследования в качестве самостоятельных социокультурных образований, полностью или частично являвшихся элементами подобных дуальных структур, рассматриваются:

1) церковно-приходские общины, образование и деятельность которых регламентировались законодательно, а внутренние и внешние связи – обычным правом;

2) старообрядческие общины (таежные и локализованные в населенных пунктах), предлагавшие своим последователям альтернативные государственным и обычно-правовым формы взаимодействия;

3) сформированные в ходе социалистических преобразований новые формы социального объединения – артели, коммуны, колхозы, в состав которых вошли как члены прежних церковно-приходских общин, так и помощники нелегальных таежных монастырей.

Все они обладают свойствами, позволяющими рассматривать их как открытые, невосстановимые и саморегулируемые системы. В методическом плане это означает:

- Описание элементов, взаимоотношения которых обеспечивают целостность локальных общностей и стабильность ее многообразных синхронных и диахронных связей (строение системы).

В каждый момент своей истории внутренняя жизнь коллектива может быть рассмотрена как комплекс следующих элементов: 1) «культурный текст» – совокупность идеологем и мифологем, определяющих ее отношение к внешнему миру и устанавливающих способы достижения равновесия между сакральным/правильным и профанным/не-правильным или нейтральным; 2) воспроизведение «культурного текста» – индивидуальные и коллективные мотивы, интересы и переживания, служащие непосредственным импульсом для действий и предопределяющие конкретные формы соотношения этих действий с этноконфессиональными ценностями; 3) социальная оболочка «культурного текста» – организационные, коммуникативные и дискурсивные практики, обуславливающие трансляцию и эволюцию идей, норм поведения, стратегий реагирования на импульсы извне. Установление устойчивых и регулярных пространственно-временных связей между названными уровнями составляет основу многофакторного анализа выделенных локальных общностей, присущих им видов деятельности, верований и убеждений и дает материал для характеристики социосферы территории в целом.

- Выявление резерва самоизменяемости локальной общности в контексте макросоциальных процессов (функционирование и развитие внутренних и внешних атрибутов системы).

Возможности функционирования и развития локальной общности определяются ее способностью приспосабливаться к перманентно трансформирующейся метасистеме путем освоения новых социальных ролей и поведенческих стратегий, но при условии сохранения базовых этнокультурных (конфессиональных) ценностей. Исходя из этого, моделирование направленности и особенностей ее адаптации строится на нескольких теоретико-методических положениях [18. С. 28–31].

1. Процессы адаптации несводимы к ситуации «вызова» внешнего мира: он может только ускорить формирование потребности в защите/приспособлении. Более оправданно рассматривать их как способность культуры к постоянному самообновлению [19; 20; 21] и, соответственно, учитывать, что характер, глубина изменений и скорость реагирования определяются не

только прямым воздействием извне в какой-либо момент времени, но и особенностями религиозной доктрины (в данном случае важным представляется различие «концепции спасения», предлагаемой Русской православной церковью, и ее эсхатологически ориентированных вариантов, разработанных лидерами старообрядческих согласий и толков).

Для изучения адаптационных процессов нужны статичные и динамичные модели. Статичная (синхронно сбалансированная) модель описывает мировоззренческий фундамент, который обеспечивает единство ценностей и институциональных связей, конфессионально значимых целей и приемов их достижения. Динамичная – почему и в какой последовательности происходит коррекция интеллектуальных и социальных практик, эволюционируют вероучение и система ценностей. Соответственно, сам механизм реагирования может быть представлен как наложение двух процессов: центростремительный направлен на сохранение культурного базиса («культурного текста» и санкционируемых им форм деятельности), центробежный – на его модификацию.

2. Ядром статичной модели является наиболее устойчивая к внешним влияниям *автомодель* – идеальное самосознание культуры. Термин предложен Ю.М. Лотманом и означает, что ядро любой культурной системы составляют лежащие в ее основании доминанты, они унифицируют разнородные элементы и служат кодом для самопознания и самодешифровки текстов этой культуры [22. Т. 5. С. 170]. В нашем случае автомоделью становится православная концепция спасения. Еще М. Вебером было установлено, что в конфессиональных сообществах концепция спасения конструирует «рациональную картину мира» и обеспечивает стабильность мотиваций ее приверженцев [23. С. 307–344]. Таким образом, вероучение, становясь особым механизмом отбора, осмысления и структурирования информации, диагностирует происходящее как естественный, запрограммированный или экстраординарный ход событий и тем самым формирует представления об объемах сопутствующих ему рисков.

3. Динамичная модель подчинена вероучению, вернее, той его части, которая устанавливает уровень открытости для внешнего влияния зоны – относящиеся и не относящиеся «до веры предметы». Конфессиональное сознание в этих целях использует институт табуирования: локализация и императивность идеологических, ритуальных и бытовых запретов всегда показывает важность какой-либо сферы бытия в деле сохранения автомодели в желательном и необходимом для ее членов объеме. В то же время увеличение числа запретов или их обход сами по себе не являются признаком стабилизации / дестабилизации этноконфессиональной системы. Отказ от нововведений и их принятие логичнее считать мутационными инновациями: и те и другие вырабатываются в рамках и из материалов данной культуры, поэтому в равной мере выражают желание повысить организованность и устойчивость этноконфессионального дуального организма.

Конечные результаты адаптационного процесса будут раскрываться в другом – через отношения между собственной культурой и ее автомоделью. Адаптация может считаться успешной в том случае, если, несмотря на трансформации, у локального сообщества сохранится деятельное стремление

к максимально полному воплощению вероучения и сохранению продуцируемых им социальных практик; о провале адаптации говорит ситуация, когда автомобиль и культура функционируют отдельно и нет предпосылок к сближению. В социальном плане это означает разрушение дуальной структуры или перевод ее в режим «скрытой идентичности», в обоих случаях сопровождаемый ревизией пространственных религиозных образов.

4. Успешность защиты локального сообщества от разрушающих воздействий внешней среды зависит от адекватности реакции на них. В свою очередь, это возможно при условии, если религиозная система эволюционирует, во-первых, с равной модернизационным процессам скоростью; во-вторых, на уровне работы всех ее подсистем – личности, хозяйственной и социальной организации, идеологии. Именно это обстоятельство и предполагает установление адаптационных ресурсов выделенных социальных общностей – интеллектуальных и социальных практик, позволяющих разным группам населения таежной зоны сохранять свою целостность, привычные формы жизнеобеспечения и не только корректировать вероучение и поведение в соответствии с реальными макросоциальными трансформациями, но и видоизменять уже сложившуюся совокупность объектов конфессионального ландшафта.

- Определение параметров сравнения эффективности социальных сетей таежной Сибири, нацеленных на поддержание этноконфессиональной идентичности православного населения региона.

Параметрами сравнения избраны: 1) их идейно-конфессиональный потенциал, определяющий повседневную жизнь церковного прихода и неформальной общины, ориентированной на старообрядческий скит (сравнение «культурных текстов»); 2) организационный потенциал (здесь: сравнение ритуальной и хозяйственной деятельности, их корреляций с доктринальными идеями и культурными символами, «правил» отбора поведенческих стратегий, причин и характера бытовой регламентации); 3) коммуникативный потенциал (сравнение внутригрупповых отношений и взаимодействий, которые определяются вероучением и формируются в результате объективных условий существования коллектива); 4) логика и принципы организации «сакральных локусов», с помощью которых сознательно или неосознанно конструировалось отношение к храмовому пространству, таежному скиту или природному объекту как местам, «чистым» в конфессиональном отношении и потому обладающим способностью блокировать или элиминировать кризисную информацию.

Совокупность и комбинация указанных характеристик, описывающих динамику развития избранных локальных общностей на протяжении 1890–1930-х гг., дает основание как для выявления разных типов конфессиональных дуальных структур, так и выполняемых ими коммуникативных, адаптационных и идентификационных функций для индивидов и групп, включенных в их орбиту.

Символическая природа идентичности как состояния идентификации как процесса требует специальной проработки вопроса о характере информации, содержащейся в историческом источнике. Сложность заключается в том, что обычно привлекаемый в регионоведческих исследованиях корпус законодательных, статистических, делопроизводственных, судебно-следственных,

публицистических материалов содержит сведения об административно-правовом поле, в котором существовало население императорской и советской России, открывает роль объединений по религиозному признаку в условиях хозяйственного освоения таежных окраин, позволяет выявить общее и особенное в складывании конфессиональных объектов и социальных сетей, но при этом не несет в себе упоминаний о рефлексиях крестьянина по поводу своей этнической и конфессиональной принадлежности.

Решить эту проблему может, на наш взгляд, расширение источниковой базы за счет включения конфессиональных книжных собраний – церковно-приходских или общинных и семейных старообрядческих библиотек. Причем в данном случае речь следует вести о двух уровнях содержащейся в них историко-культурной информации: текстовой (прямой) и мега-текстовой (структурной). Иными словами, о конкретном литургическом, уставном или чтении *тексте*, помогающем его обладателям совершить богослужение, организовать повседневность или получить представление о границе между «своим» и «чужим» и, значит, остаться в самоощущениях людьми русскими и православными одновременно; и *мега-тексте* – собраниях книг, складывавшемся в течение долгого времени и большей частью целенаправленным усилием.

Разработки последних десятилетий в области «истории памяти», истории чтения и семиотики [24; 25; 26; 27; 28; 29] дают основания говорить об их функциональном различии. Так, информация, извлеченная из отдельных текстов, служит для воспроизводства обыденного опыта группы и диагностирования ситуаций, когда его коррекция неизбежна. Сведения же, которые несет в себе собрание в целом, имеют системный характер. Их объемы и качество существенно превосходят информационный ресурс разрозненных элементов-книг, поскольку сопровождаются рефлексией по поводу приемов оформления, хранения и чтения отличающихся по «степени сакральности» текстов. Именно это создает условия для межпоколенной трансляции императивов, ценностей и оценок происходящего в русле определенной религиозной традиции, а значит, конструирования/поддержания конфессиональной идентичности и соответствующих ей поведенческих образцов и практик [30; 31].

Расширение источниковой базы дает основание для выделения в рамках проекта двух исследовательских направлений.

I направление – историческое и социально-антропологическое, в рамках которого на основе составленной базы данных о населенных пунктах, церковных приходах, старообрядческих общинах, локусах, наделяемых коренными и пришлыми народами признаками сакральности, предполагается реконструировать жизнь православного населения таежной Сибири в 1890–1930-е гг.

II направление – историко-культурное, нацеленное на установление характера территориальных конфессиональных объектов, систем и сетей и включающее в себя рассмотрение роли национального языка и шрифта (почерка) как самостоятельных факторов формирования этноконфессиональной идентичности, анализ состава книжных собраний церковно-приходских и таежных общин, сопоставление сочинений и нарративов староверов разных

согласий о чтении, письме кириллицей и хранении древних рукописных и старопечатных книг.

Предполагаемые результаты исследования. Реализация обозначенных направлений в конкретно-историческом плане позволит реконструировать механизмы и каналы сохранения русским населением таежной Сибири традиционных социальных и культурных норм в условиях экономической интеграции региона на рубеже XIX–XX вв., революции и Гражданской войны, форсированной коллективизации и советской атеистической политики; выявить факторы, ведущие к изменениям базовой идентификационной модели. В теоретическом – делать обобщения относительно эффективности поведенческих стратегий, используемых локальным коллективом для адаптации к макросоциальным трансформациям, и создавать модели комплексного анализа территориальных социальных сетей, культурных институтов и представлений населения о самих себе и окружающем мире.

Литература

1. Казьмина О.Е. Православная религиозность в современной России: историческая проблема соотношения религиозной идентичности и религиозной практики // Вестн. РУДН. Сер. История России. – 2007. – № 1. – С. 129–135.
2. Кормина Ж.В. Номадическое православие: о новых формах религиозной жизни в современной России // *Ab Imperio*. – 2012. – № 2. – С. 195–227.
3. Старые церкви, новые верующие: религия в массовом сознании постсоветской России. – М.; СПб.: Летний сад, 2000. – 247 с.
4. Религия и общество: Очерки религиозной жизни современной России. – М.; СПб.: Летний сад, 2002. – 488 с.
5. Кормина Ж.В., Штырков С.А. Православные версии советского прошлого: политики памяти в ритуалах коммеморации // *Антропология социальных перемен* : сб. ст. – М., 2011. – С. 389–413.
6. Малахов В.С. Неудобства с идентичностью [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.intellectuals.ru/malakhov/izbran/8ident.htm>
7. Дутчак Е.Е. Староверие фронта: от этноконфессиональных к региональным формам идентичности. рец. на кн.: Пригарин А.А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX вв. / Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова [монография] / отв. ред. О.Б. Демин. – Одесса; Измаил; Москва: «Смил» – «Археодоксія», 2010. – 528 с. // *Традиционная культура*. – 2011. – № 2. – С. 184–189.
8. Jordan P. Landscape and Culture in Northern Eurasia: An Introduction // *Landscape and Culture in Northern Eurasia*. – London, 2010. – P. 17–48.
9. Robertson I., Richards P. Introduction // *Studying Cultural Landscapes*. – London, 2003. – P. 4.
10. Зенкин С.Н. Небожественное сакральное: Теория и художественная практика. – М.: РГГУ, 2012. – 536 с.
11. Панченко А.А. Исследования в области народного православия: деревенские святыни Северо-Запада России. – СПб.: Алетейя, 1998. – 305 с.
12. Щепанская Т.Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // *Русский Север: К проблеме локальных групп*. – СПб., 1995. – С. 110–176.
13. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития // *Общественные науки и современность*. – 2010. – № 4. – С. 126–138.
14. Иванова А.А., Калущков В.Н., Фадеева Л.В. Святые места в культурном ландшафте Пинежья (материалы и комментарии). – М.: ОГИ, 2009. – 509 с.
15. Главацкая Е.М. Религиозный ландшафт Урала: феномен, проблемы реконструкции, методы исследования // *Уральский исторический вестник*. – 2008. – № 4 (21). – С. 76–82.

16. Манькова И.Л. Формирование православного ландшафта Зауралья в XVII в. // Уральский исторический вестник. – 2008. – № 4 (21). – С. 83–97.
17. Иванов Вяч.Вс. Дуальные структуры в антропологии. – М.: РГГУ, 2008. – 329 с.
18. Дутчак Е.Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – 410 с.
19. Корель Л.В. Классификация адаптаций: словарь основных понятий. – Новосибирск: ИЭИОПП, 1996. – 43 с.
20. Корель Л.В. Социология адаптаций: Этюды апологии. – Новосибирск: ИЭИОПП, 1997. – 158 с.
21. Черношвилов П.Ю. Эволюция картины мира как адаптационный процесс. – М.: Гос. ин-т искусствознания, 2003. – 463 с.
22. Лотман Ю.М. Проблема «обучения культуре» как ее типологическая характеристика // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1971. – Т. 5. – С. 167–176.
23. Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира // Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 307–344.
24. Баткин Л.М. Два способа изучать историю культуры // Вопросы философии. – 1986. – № 12. – С. 104–115.
25. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 447 с.
26. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. – М.: Языки славян. культуры, 2004. – 363 с.
27. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего / пер. с англ. – М.: Академический проект, 2005. – 495 с.
28. Шартье Р. Письменная культура и общество / пер. с фр. – М.: Новое издательство, 2006. – 270 с.
29. История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени. – М.: Круг, 2006. – 763 с.
30. Бахтина О.Н., Керов В.В., Дутчак Е.Е. «Егда чем, Господь к нам беседует...»: к вопросу об институализации социальной археографии // Вестн. РУДН. – Сер.: История России. – 2006. – № 2 (6). – С. 75–85.
31. Дутчак Е.Е. Кириллические книжные собрания и их владельцы: сравнительный анализ конфессиональных стратегий староверия // Вестн. РУДН. – Сер.: История России. – 2011. – № 4. – С. 75–88.

Статья поступила 21 сентября 2013 г.

Dutchak Elena E., Vasilyev Artyom V., Kim Elena A., Polezhaeva Tatiana V., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia).

ORTHODOX LANDSCAPE OF SIBERIAN TAIGA REGION: THE CONCEPT OF RESEARCH.

Key words: Siberia, Russian Orthodox Church, Old Believers, peasantry, adaptation, identity.

The article presents the programme of research into the system of religious objects and sacral loci in the Siberian taiga region. This investigation attempts to determine the circumstances of interaction between Russian Orthodox Church and popular religion, provides an explanation for the differences in adaptive and identifying practices of Russian farmers in the 1890s–1930s.

The analysis of those will be conducted using recent foreign and domestic studies of «cultural landscape» and applies the approach to identity as a phenomenon of binary nature where the initial ethnic and religious identity is combined with any other types of identifications offered to a person by a historical epoch and his/her social environment.

Two models of the interaction «peasant community ↔ Orthodox clergy» and «peasant community ↔ Old Believers' skit» were selected as the issues of this study. Their analysis will be conducted using the conception of dual structures studied by A. Hocart, C. Levi Strauss and their followers. This conception allows us to establish the similarities and differences in territorial relations functioning simultaneously, to explain the origin and sources of religious space images, to define the meaning of the terms «sacral» and «secular» for a resident of Imperial and subsequently Soviet Siberia.

The investigation enables to solve the problem of methodology and source studies. It presupposes: a) the specification of key terms of identity theories and their adaptation to the analysis of ethnic-religious community in the context of macro-social transformations; b) the extension of scientific sources. In particular, the research will include the study of the body of texts describing administrative and law frameworks of living the peasant community and its routine as well Cyrillic book collections, as the Orthodox parish and Old Believers' skit libraries contain the explicit and implicit information about cognitive, behavioral and communicative practices of their readers.

The investigation is expected to be conducted in two directions: 1) historical and social anthropological one, in which the life of Orthodox inhabitants of the Siberian taiga region will be reconstructed on the basis of data available on the settlements, the parish and Old Believers' communities in the 1890s–1930s; 2) historical and cultural direction aimed at revealing the nature of regional social networks and studying the role of national language, Cyrillic characters and the interpretations of authoritative Christian texts to maintain the ethnic and religious identity.

In practice they will help reconstruct the ways by means of which Siberian farmers adapted to the terms of economical integration at the turn of the XIX–XX centuries, the October Revolution and the Civil War, the forced Collectivization and atheistic policy; to discover the factors modifying the initial model of identity. Conceptually, to generalize the efficiency of the social strategies used by the local peasant community for the adaptation to the macro-social transformations as well as the intended and unintended results of this process.

References

1. Kaz'mina O.E. Pravoslavnaia religioznost' v sovremennoi Rossii: istoricheskaia problema sootnosheniia religioznoi identichnosti i religioznoi praktiki // Vestn. RUDN. Ser. Istoriia Rossii. – 2007. – № 1. – S. 129–135.
2. Kormina Zh.V. Nomadicheskoe pravoslavie: o novykh formakh religioznoi zhizni v sovremennoi Rossii // Ab Imperio. – 2012. – № 2. – S. 195–227.
3. Starye tserkvi, novye veruiushchie: religii v massovom soznanii postsovetsoi Rossii. – M.; SPb.: Letnii sad, 2000. – 247 s.
4. Religii i obshchestvo: Ocherki religioznoi zhizni sovremennoi Rossii. – M.; SPb.: Letnii sad, 2002. – 488 s.
5. Kormina Zh.V., Shtyrkov S.A. Pravoslavnye versii sovetskogo proshlogo: politiki pamiati v ritualakh kommémoratsii // Antropologiya sotsial'nykh peremen : sb. st. – M., 2011. – S. 389–413.
6. Malakhov V.S. Neudobstva s identichnost'iu [Elektronnyi resurs] // Rezhim dostupa: <http://www.intellectuals.ru/malakhov/izbran/8ident.htm>
7. Dutchak E.E. Staroverie frontira: ot etnokonfessional'nykh k regional'nym formam identichnosti. Rets. na kn.: Prigarin A.A. Russkie staroobriadtsy na Dunae: formirovanie etnokonfessional'noi obshchnosti v kontse XVIII – pervoi polovine XIX vv. / Odesskii natsional'nyi universitet im. I.I. Mechnikova [monografiia] / otv. red. O.B. Demin. – Odessa; Izmail; Moskva: «Smil» – «Arkheodoksii», 2010. – 528 c. // Traditsionnaia kul'tura. – 2011. – № 2. – S. 184–189.
8. Jordan P. Landscape and Culture in Northern Eurasia: An Introduction // Landscape and Culture in Northern Eurasia. – London, 2010. – P. 17–48.
9. Robertson I., Richards P. Introduction // Studying Cultural Landscapes. – London, 2003. – P. 4.
10. Zenkin S.H. Nebozhestvennoe sakral'noe: Teoriia i khudozhestvennaia praktika. – M.: RGGU, 2012. – 536 s.
11. Panchenko A.A. Issledovaniia v oblasti narodnogo pravoslaviia: derevenskie sviatyni Severo-Zapada Rossii. – SPb.: Aleteiia, 1998. – 305 s.
12. Shchepanskaia T.B. Krizisnaia set' (traditsii dukhovnogo osvoiniia prostranstva) // Russkii Sever: K probleme lokal'nykh grupp. – SPb., 1995. – S. 110–176.
13. Zamiatin D.N. Gumanitarnaia geografiia: predmet izucheniia i osnovnye napravleniia razvitiia // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. – 2010. – № 4. – S. 126–138.
14. Ivanova A.A., Kalutskov V.N., Fadeeva L.V. Sviatye mesta v kul'turnom landshafte Pinezh'ia (materialy i kommentarii). – M.: OGI, 2009. – 509 s.
15. Glavatskaia E.M. Religiozni landshaft Urala: fenomen, problemy rekonstruktsii, metody issledovaniia // Ural'skii istoricheskii vestnik. – 2008. – № 4 (21). – S. 76–82.
16. Man'kova I.L. Formirovanie pravoslavnogo landshafta Zaural'ia v XVII v. // Ural'skii istoricheskii vestnik. – 2008. – № 4 (21). – S. 83–97.

17. *Ivanov Viach.Vs.* Dual'nye struktury v antropologii. – M.: RGGU, 2008. – 329 s.
18. *Dutchak E.E.* Iz «Vavilona» v «Belovod'e»: adaptatsionnye vozmozhnosti taezhnykh obshchin staroverov-strannikov (vtoraia polovina XIX – nachalo XXI v.). – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2007. – 410 s.
19. *Korel' L.V.* Klassifikatsiia adaptatsii: slovar' osnovnykh poniatii. – Novosibirsk: IEIOPP, 1996. – 43 s.
20. *Korel' L.V.* Sotsiologiya adaptatsii: Etiudy apologii. – Novosibirsk: IEIOPP, 1997. – 158 s.
21. *Chernosvitov P.Iu.* Evoliutsiia kartiny mira kak adaptatsionnyi protsess. – M.: Gos. in-t iskusstvovedeniia, 2003. – 463 s.
22. *Lotman Iu.M.* Problema «obuchenii kul'ture» kak ee tipologicheskaiia kharakteristika // Trudy po znakovym sistemam. – Tartu, 1971. – T. 5. – S. 167–176.
23. *Veber M.* Teoriia stupenei i napravlenii religioznogo nepriiatiia mira // Veber M. Izbrannye proizvedeniia. – M., 1990. – S. 307–344.
24. *Batkin L.M.* Dva sposoba izuchat' istoriiu kul'tury // Voprosy filosofii. – 1986. – № 12. – S. 104–115.
25. *Lotman Iu.M.* Vnutri mysliazhchikh mirov: Chelovek – tekst – semiosfera – istoriia. – M.: Iazyki russkoi kul'tury, 1999. – 447 s.
26. *Assman Ia.* Kul'turnaia pamiat': Pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaiia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti / per. s nem. – M.: Iazyki slavian. kul'tury, 2004. – 363 s.
27. *Makliuen M.* Galaktika Gutenberga: Stanovlenie cheloveka pechataiushchego / per. s angl. – M.: Akademicheskii proekt, 2005. – 495 s.
28. *Shart'e R.* Pis'mennaia kul'tura i obshchestvo / per. s fr. – M.: Novoe izdatel'stvo, 2006. – 270 s.
29. *Istoriia i pamiat':* Istoricheskaiia kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni. – M.: Krug", 2006. – 763 s.
30. *Bakhtina O.N., Kerov V.V., Dutchak E.E.* «Egda chtem, Gospod' k nam beseduet...»: k voprosu ob institucionalizatsii sotsial'noi arkhografii // Vestn. RUDN. – Ser.: Istoriia Rossii. – 2006. – № 2 (6). – S. 75–85.
31. *Dutchak E.E.* Kirillicheskie knizhnye sobraniia i ikh vladel'tsy: sravnitel'nyi analiz konfessional'nykh strategii staroveriia // Vestn. RUDN. – Ser.: Istoriia Rossii. – 2011. – № 4. – S. 75–88.

**ПАМЯТИ АКАДЕМИКА
НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА ПОКРОВСКОГО
(20.06.1930–13.10.2013)¹**

13 октября 2013 г. ушел из жизни Николай Николаевич Покровский – академик РАН, профессор, председатель Сибирского отделения Археографической комиссии, заведующий сектором археографии и источниковедения Института истории СО РАН.

На работах Н.Н. Покровского выросло не одно поколение сибирских историков, филологов, культурологов. И это закономерно – с его именем связано археографическое открытие Зауралья, выпуск уникальной серии «Археография и источниковедение Сибири», введение в научный оборот бесценных по своему значению исторических источников, в числе которых знаменитые «Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки» и уралосибирская крестьянская письменность XVIII–XX вв.

Проблематика трудов Н.Н. Покровского, открывавших новые пути развития исторической науки, как и сама его личность, не укладывались в принятые в советские годы стандарты.

Выпускник Московского государственного университета, талантливейший ученик академиков М.Н. Тихомирова, Б.А. Рыбакова, профессоров Н.Л. Рубинштейна, П.А. Зайончковского, в 1957 г. за участие в неформальном кружке молодых историков он был приговорен к шести годам заключения. Только в 1989 г. состоялась реабилитация и приговор был отменен за отсутствием состава преступления.

¹ Редколлегия журнала искренне признательна доктору исторических наук, главному научному сотруднику сектора археографии и источниковедения ИИ СО РАН Наталье Сергеевне Гурьяновой за предоставленные материалы и помощь в подготовке текста.

Николай Николаевич Покровский не считал необходимым говорить публично о пережитом, но, возможно, именно этот опыт сформировал на многие годы вперед его интерес, с одной стороны, к теме взаимоотношений власти, церкви и общества, с другой – к проблеме личности в истории, ее способностях противостоять диктату государства. Задолго до «официально объявленного» антропологического поворота в отечественном гуманитарном знании им была создана целая галерея портретов обычных людей – крестьян, горожан, казаков.

Полевой опыт организатора и участника археографических экспедиций, непосредственное знакомство с идеологией и жизненным укладом сибирских староверов позволили Н.Н. Покровскому стать одним из первых отечественных ученых, кто подошел к решению вопросов о специфике народной религиозности, особенностях восприятия тягловыми сословиями имперских институтов власти, уделив особое внимание проблеме возникновения и функционирования земских организаций в Сибири.

Многочисленные труды Николая Николаевича Покровского охватывали самые разные аспекты российской и сибирской истории¹, но все их объединяло одно – верность традициям отечественной школы русской истории, считавшей источниковедение основой исследования любой исторической эпохи.

Монографии, доклады, статьи Николая Николаевича всегда будут оставаться для российских гуманитариев примером отношения к профессии. Как ученого Николая Николаевича отличали феноменальная научная интуиция, сочетавшаяся с глубоким теоретическим исследованием проблемы и скрупулезным анализом исторического источника.

Увлеченность наукой и необычайную требовательность к себе Николай Николаевич смог передать своим ученикам. Он умел организовать исследовательский коллектив, развернуть перед ним научную перспективу, создать условия для сотрудничества, уважая при этом творческую самостоятельность каждого.

Мы выражаем искренние соболезнования родным, близким, коллегам и ученикам Николая Николаевича Покровского.

Уход из жизни ученого такого масштаба – это всегда невосполнимая утрата.

Редакционная коллегия журнала

¹ См.: Николай Николаевич Покровский / сост. З.В. Бородина, О.Д. Журавель, И.А. Шипилов; авт. вступ. ст. Н.Д. Зольникова. – М.: Наука, 2010. – 100 с. – (Материалы к биобиблиографии ученых: история; вып. 34).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ВАСИЛЬЕВ Артём Викторович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: art001@sibmail.com

ГРИБОВСКИЙ Михаил Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории, старший научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: mgrib@mail2000.ru

ДУТЧАК Елена Ерофеевна – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, ведущий научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: dee010@mail.ru

ЗИНОВЬЕВ Василий Павлович – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, ведущий научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: vpz@tsu.ru

КИМ Елена Алексеевна – старший преподаватель кафедры отечественной истории, научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: kimea@mail.ru

КУДРЯШЕВ Вячеслав Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения, ведущий научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: kvn62@sibmail.com

ПОЛЕЖАЕВА Татьяна Владимировна – аспирант кафедры отечественной истории, младший научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: tatka35388@yandex.ru

СОРОКИН Александр Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории, старший научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: salexhist@mail2000.ru

ФОМИНЫХ Сергей Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой современной отечественной истории, ведущий научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: fsf@mail2000.ru

ЧУРКИН Михаил Константинович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета. E-mail: proffchurkin@yandex.ru

ШЕРСТОВА Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой востоковедения, ведущий научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: sherstova58@mail.ru

ШИЛОВСКИЙ Михаил Викторович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Национального исследовательского Новосибирского государственного университета. E-mail: kapital@history.nsc.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

VASILYEV Artyom Victorovich – Candidate of Historical Sciences, Junior Research Fellow of Laboratory for Social and Anthropological Research, National Research Tomsk State University. E-mail: art001@sibmail.com

GRIBOVSKIY Mikhail Victorovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Modern Russian History, Senior Research Fellow of Laboratory for Social and Anthropological Research, National Research Tomsk State University. E-mail: mgrib@mail2000.ru

DUTCHAK Elena Erofeevna – Doctor of Historical Sciences, Professor of Chair of Russian History, Leading Research Fellow of Laboratory for Social and Anthropological Research, National Research Tomsk State University. E-mail: dee010@mail.ru

ZINOVIEV Vasilii Pavlovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of History Department, Leading Research Fellow of Laboratory for Social and Anthropological Research, National Research Tomsk State University. E-mail: vpz@tsu.ru

KIM Elena Alexeyevna – Senior Lecturer of Chair of Russian History, Research Fellow of Laboratory for Social and Anthropological Research, National Research Tomsk State University. E-mail: kimea@mail.ru

KUDRYASHEV Vyacheslav Nicolayevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Chair of History and Document Science, Leading Research Fellow of Laboratory for Social and Anthropological Research, National Research Tomsk State University. E-mail: kvn62@sibmail.com

POLEZHAEVA Tatiana Vladimirovna – Postgraduate Student of Chair of Russian History, Junior Research Fellow of Laboratory for Social and Anthropological Research, National Research Tomsk State University. E-mail: tatka35388@yandex.ru

SOROKIN Alexander Nicolayevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Modern Russian History, Senior Research Fellow of Laboratory for Social and Anthropological Research, National Research Tomsk State University. E-mail: salexhist@mail2000.ru

FOMINYKH Sergey Fedorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Chair of Modern Russian History, Leading Research Fellow of Laboratory for Social and Anthropological Research, National Research Tomsk State University. E-mail: fsf@mail2000.ru

CHURKIN Mikhail Konstantinovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Chair of Russian History, Omsk State Pedagogical University. E-mail: proffchurkin@yandex.ru

SHERSTOVA Lyudmila Ivanovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Chair of Oriental Studies, Leading Research Fellow of Laboratory for Social and Anthropological Research, National Research Tomsk State University. E-mail: sherstova58@mail.ru

SHILOVSKIY Mikhail Victorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Chair of History of Russia, National Research Novosibirsk State University. E-mail: kapital@history.nsc.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Требования к содержанию и оформлению научных статей определяются международными стандартами:

1) обязательны аннотация, перечень ключевых слов, данные об авторе на русском и английском языках; для статей на русском языке – транслитерация списка литературы;

2) текст научной статьи должен быть разбит на разделы, названия разделов выделены в тексте статьи курсивом:

- *Постановка проблемы*
- *Изученность темы*
- *Источники и методы*
- *Результаты исследования*
- *Заключение*

Правила оформления научной статьи

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе WinWord. Статьи должны быть представлены в электронном виде. Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах, вложенных в авторскую электронную папку. Рисунки выполняются в черно-белой гамме.

В начале статьи указывается номер по **Универсальной десятичной классификации (УДК)**, приводятся (каждый раз с новой строки):

- инициалы и фамилия автора;
- название статьи (строчными буквами, например: Современные проблемы изучения научно-образовательного комплекса Сибирского региона);
- её краткая аннотация (не менее 300 знаков, выделенная курсивом и отделенная от текста статьи пропуском строки;
- ключевые слова (не более 5).

Текст набирается шрифтами **Times New Roman**, размер шрифта – 10 кеглей, межстрочный интервал – одинарный, поля (все) – 2 см, абзацный отступ – 0,5 см.

Нумерация страниц сплошная, начиная с 1-й страницы, внизу по центру.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи такие шрифты должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке.

Ссылки на использованные источники приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [1. Т. 2. С. 25]. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера), предваряется словом «Литература» и оформляется в порядке упоминания или цитирования в тексте статьи (не в алфавитном порядке!). Под одним номером допустимо

указывать только один источник; каждый источник приводится в списке литературы только один раз.

Примечания оформляются в виде концевых сносок. Если в примечаниях присутствуют ссылки на используемую литературу, номер этих источников в списке литературы должен быть соотнесён с нумерацией источников в основном тексте статьи, после которых (перед которыми) вставлено примечание со ссылкой на источник.

Например:

Основной текст статьи – «Центр считает одной из своих приоритетных задач изучение истории рынка труда и трудовых отношений в российской промышленности [3. С. 62]¹.

Текст примечания – ¹ Важное значение имеет публикация документов по истории рабочих дореволюционной России. См., например, серию «Экономическая история. Документы, исследования, переводы» [4; 5].

Правила транслитерации.

Транслитерированная версия списка литературы размещается сразу за списком ссылок и подготавливается автором статьи из русскоязычных ссылок (литература на иностранных языках на кириллицу не переводится, в русскоязычном и транслитерированном списках дается на языке оригинала) с учетом приводимых ниже рекомендаций:

- *ссылка на архивные документы (русскоязычная и транслитерированная):*

Государственный архив Томской области. – Ф. Р-1562. – Оп. 1. – Д. 524. – Л. 5–7 об.

Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti. – F. R-1562. – Op. 1. – D. 524. – L. 5–7 ob.

- *ссылка на монографию:*

Томский университет. 1880–1980 / под ред. М.Е. Плотниковой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. – 431 с.

Tomskii universitet. 1880–1980 / pod red. M.E. Plotnikovoi. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1980. – 431 s.

- *ссылка на диссертацию:*

Костерев А.Г. Научная биография академика В.Д. Кузнецова : дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2008. – 215 с.

Kosterev A.G. Nauchnaya biografiya akademika V.D. Kuznetsova : dis. ... kand. ist. nauk. – Tomsk, 2008. – 215 s.

- *ссылка на статью:*

Сонин А.С. Разгром «физического идеализма» (об одной философской дискуссии) // Вестн. РАН. – 1990. – Т. 60, № 8. – С. 35–41.

Sonin A.S. Razgrom «fizicheskogo idealizma» (ob odnoi filosofskoi diskussii) // Vestn. RAN. – 1990. – T. 60, № 8. – S. 35–41.

Тремя отдельными файлами обязательно предоставляются:

1. Автореферат статьи на английском языке (2500–3000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке.

2. Английский вариант имени и фамилии автора, перевод названия своей организации, названия статьи и ключевых слов на английском языке.

3. Сведения об авторе по форме:

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- учёная степень, учёное звание;
- должность и место работы;
- E-mail;
- почтовый адрес;
- телефон (рабочий, домашний или сотовый).

Всего автор оформляет и подаёт **четыре электронных документа**:

- 1) текст статьи с аннотацией на русском языке (300 печатных знаков);
- 2) автореферат статьи на английском языке (2500–3000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;
- 3) английский вариант имени и фамилии автора, названия своей организации, названия статьи и ключевых слов;
- 4) сведения об авторе.

Файлы должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, Ivanov1.doc, Ivanov2.doc, Ivanov3.doc, Ivanov4.doc) и вложены в папку, названную аналогично (например, Ivanov). При передаче электронной папки обязательно использование архиваторов WinZip или WinRar (например, Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Более подробную информацию о правилах оформления публикаций в научных периодических изданиях Томского государственного университета см.: <http://vestnik.tsu.ru>

Научные статьи и материалы просим высылать по адресу:

salexhist@mail2000.ru – *Сорокин Александр Николаевич*, канд. ист. наук, доцент кафедры современной отечественной истории НИ ТГУ, ответственный секретарь журнала «Сибирские исторические исследования».

Научный журнал

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

2013. № 1

Редактор *Т.В. Зелева*
Оригинал-макет *Г.П. Орловой*
Редактор-переводчик *Е.М. Карагеоргий*
Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Подписано в печать 15.10.2013 г. Формат 70х100 ¹/₁₆.

Печ. л. 6,25; усл. печ. л. 8,12; уч.-изд. л. 8,32.

Тираж 70 экз. Заказ №

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Учебно-производственная типография ТГУ, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 66